DE_SOUZA
НАСТОЯЩАЯ ФАНТАСТИКА
АНТИХРИСТ
Технологии дают нам силу. Сила обеспечивает господство
Адам Дженсен

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В обществе будущего все довольны и можно почти все. Но если ты вдруг отчего-то несчастен, тебе помогут исправиться, не сможешь — накажут. Иначе и быть не может, ведь за благополучием людей наблюдает могущественная, равная богу машина, готовая ради интересов своей паствы развязать кровопролитную войну. Главному герою, изгою, не способному жить по указу свыше, предстоит пройти путь от мелкого преступника до врага всего человечества, чтобы остановить нового бога Цифрового века.

- De_souza
  - Часть 1
    - Глава 1. Анархист
    - Глава 2. Боец
    - Глава 3. Вне закона
    - Глава 4. Наказание
    - Глава 5. Власть
    - Глава 6. Взлом
    - Глава 7. Страж
  - Часть 2
    - Глава 8. Искупление
    - Глава 9. Друг
    - Глава 10. Тень
    - Глава 11. Внедрение
    - Глава 12. Враг
    - Глава 13. Солярис
    - Глава 14. Всевышний
    - Глава 15. Террор
  - Часть 3
    - Глава 16. Независимые воды
    - Глава 17. Союз
    - Глава 18. Жертва
    - Глава 19. Потоп
    - Глава 20. Союзники
    - Глава 21. Захват
    - Глава 22. Шах и Мат
  - Эпилог

Сделано для библиотеки
LIBRUSEC
Сделано для библиотеки
Сделано для библиотеки
FLIBUSTA
Сделано для библиотеки

De_souza
Антихрист

Технологии дают нам силу. Сила обеспечивает господство. Господство ведет к злоупотреблению.

Адам Дженсен. Deus Ex: Human Revolution

Часть 1

Глава 1. Анархист

Выдохнув облачко пара, Марк передернул плечами, поерзал, устраиваясь поудобней, на сиденье мотоцикла, прислоненного к дереву на обочине грунтовки, и сплюнул в кромешную тьму леса. Как же достал этот клиент! Все другие легко соглашаются на доставку товара дронами, а этому параноику подавай тайник, и обязательно в глухом лесу. И ему почему-то плевать, что дроны хакнуты, без радиомодулей, а значит, не могут быть отслежены или перехвачены. Такой способен лишь долететь до заданных координат, скинуть посылку и утопиться в ближайшем водоеме.

Но этому чудику, видать, хочется экстрима. Только кажется, что забирать товар загородом безопасней, гарантирует анонимность. А на самом деле…

Марк задрал голову. Среди тихо шуршащих крон деревьев на пасмурном осеннем небе мелькнуло несколько звезд, но искал Марк не их. Там, спрятавшись за облаками, сейчас обязательно висит око Всевышнего — аэростат со снифферами радиоволн и тепловизорами. Еще выше на первой комической мимо проносятся как минимум по три спутника из групп слежения за перемещением людей, перехвата информационного траффика и контроля за сетью автомагистралей. Ну, и еще несколько, наблюдения за частными коптерами, висят на геостационарной орбите. Хотя их, глаз программы Иджис — спутников, аэростатов и просто стационарных точек, может быть намного больше. Если Всевышний счел его, Марка, подозрительным, он вполне способен стянуть в этот сектор дополнительные мощности. С такими навороченными системами, о которых не подозревают даже лучшие из хактехников. Трудно противостоять тому, о чем не знаешь. Так полтора века назад решили разработчики системы Иджис, и засекретили все, что касается Всевышнего. А следить за сохранностью этих знаний было поручено самому Всевышнему. Что привело к Патентным войнам с азиатами, когда Всевышний отрезал узкоглазиков, а заодно и арабов, от передовых западных технологий.

От мыслей о Всевышнем Марк почувствовал легкое беспокойство. И раздражение на себя за это беспокойство. Подняв руку, парень продемонстрировал небу средний палец.

— Бдишь, сучонок? Ну, наблюдай-наблюдай. Только хрен ты меня вычислишь, мразь.

Сказано это было с вызовом, но тем не менее с некоторой осмотрительностью. Два года назад, когда Марк переехал из глухого сибирского поселка староверов в Новый Петроград, он

усвоил свой самый первый и главный урок выживания в мегаполисах — бдительность превыше всего. С того самого момента, когда око Всевышнего в виде дрона залетело в распахнутое окно его муниципальной гостевой квартиры и строгим, с металлическими нотками голосом изрекло: «Гражданин Марк Неклюдов, добро пожаловать в Новый Петроград. Я система помощи и контроля за порядком Иджис-Семь. По моим данным, у вас истек срок годности ряда прививок. Рекомендую немедленно ревакцинироваться, иначе вы будете ограниченны в медицинском обслуживании. В случае, если вы станете источником и разносчиком инфекции, вы будете насильно помещены в медицинское учреждение для лечения, возможно, существенно ограничены в свободе перемещений по территории Северо-Атлантического Союза. Прошу со всей серьезностью отнестись к данному предупреждению». Взревев пропеллерами в защитных кожухах, дрон развернулся и, вылетая из комнаты обалдевшего от такой бесцеремонности Марка, словно издеваясь, добавил: «Прошу прощение за беспокойство, приятного вечера».

Тогда-то молодой человек двадцати трех лет отроду окончательно понял, в какую задницу он попал. Не стоило ругаться с председателем, не стоило вообще открывать рот по поводу религии. Староверы давали приют людям, бегущим от непомерно разросшихся городов и тотального контроля, и сами сильно недолюбливали Всевышнего. Они были не прочь подпалить самодельным лазером залетевший к ним аэростат или хакнуть и провести обратный инжиниринг запатентованной технологии и выложить ее во всеобщий доступ. Однако все равно оставались повернуты на религии. Они искренне ненавидили знак новой церкви — крест в полумесяце, — а при виде вдохновенного лица Матриарха, казалось, мгновенно начинали испытывать рвотные позывы. К беженцам у них было лишь два требования — уважать их порядки и веру. Марк, заразившийся атеизмом у деда, нарушил последнее, был изгнан общиной и семьей, и теперь жил постоянно оглядываясь.

Хотя, с удовлетворением подумал Марк, оглядываться осталось недолго. Клиент хоть и гребанный параноик, но состоятельный и крупный. Он один берет в месяц столько килограмм шишек и приносит столько денег, сколько остальные его клиенты платят ему за два месяца за вообще все его услуги — ганж, скрипты анонимизации, коды от замков правительственных учреждений, сетевые взломы и нелегальные модернизации техники и чипов. Еще десяток сделок с этим параноиком, где-то пол-года максимум, и мечта о собственном плавучем доме в

Тихом океане станет реальностью. Независимые воды на то и независимые, что там нет ни государств, ни религии, ни Всевышнего, ни его еще более долбанутой и деспотичной копии из стран неправильных мусульман. Ну, а азиатам вообще на все пофиг. После Патентных войн те отгородились от всего мира, никого к себе не пускают и никого не выпускают.

Во тьме глухо ухнула сова, и Марк отвлекся от мечтаний о своем доме. Задрав стереоткань рукава ветровки, он нажал кнопку подсветки винтажных механических часов. 00.14. Пора проверить счет.

Он спрыгнул с сиденья мотоцикла, скинул со спины рюкзак, извлек из него свернутый в трубочку терминал. Расправив его, включив питание и заставив терминал затвердеть, Марк коснулся иконки скрипта и стал ждать, пока программа вместе с кучей песенок перекачает, соберет и декодирует спрятанные в них части сообщения, несущие информацию о состоянии его счета.

— Бинго! — радостно пропищал терминал. — Ваш кошелек пополнен. Вам доступно 12,032 дэшкоина.

Довольно улыбнувшись, Марк кинул терминал в рюкзак и достал пухлый пластиковый пакет, плотно набитый соцветиями конопли. Натуральными, выращенными из семечка в земле в автоматизированной оранжерее. Это не то отупляющее синтетическое дерьмо, которое печатает на 3D-принтерах правительство и под названием Конопливит на каждом углу за копейки продает всем желающим. А вот обычная травка все равно под запретом. И хоть торговля ей давно не считалась серьезным правонарушением, производителей и продавцов ждали двухлетние исправительные работы, пометка в личном деле и повышенное внимание от Всевышнего на всю оставшуюся жизнь.

Подойдя к близстоящему дереву, Марк нащупал дупло, уминая, запихал в него пакет — и его, с рукой по локоть в дупле, вдруг выхватил из тьмы ударивший сверху, из-за крон деревьев, столб яркого света.

С выключенным двигателем, под треск осыпающихся веток остроносый двухместный коптер проломился сквозь кроны. Казалось, он так и рухнет на брюхо посреди дороги, однако за мгновение до касания все четыре пропеллера в защитных кожухах взревели, и коптер резко затормозил, зависнув в сантиметрах от грунта, взметнув в воздух облако пыли и закружив вокруг замершего Марка вихри из опавшей листвы.

Вдалеке с обеих сторон дороги мелькнули фары приближающихся машин.

— Не двигаться, гражданин! — прогремел усиленный динамиком голос.

Двери-крылья коптера поднялись, из кабины бодро выпрыгнули двое полицейских — в черной форме, легких бронежилетах и щитках, с дубинками-шокерами в механизированных перчатках и полностью глухих шлемах, на маске которых лишь в области глаз светились красным круглые объективы сканеров. Они неотрывно глядели в сторону Марка, однако из-за поднятой коптером пыли самого его не видели.

— Раздуть! — скомандовал зависшему коптеру пилот.

Не сводя фары-искатели с цели, коптер воспарил и, направив в сторону Марка все четыре двигателя, мощными, резкими струями воздуха прорезал и разметал облако из пыли и листьев.

Мотоцикл Марка был на месте, его рюкзак валялся на земле, но сам парень будто испарился.

Луч фары-искателя зависшего коптера заметался по окрестностям. Полицейские принялись вертеть головами, сканируя пространство на тепловой след Марка. Но в пределах видимости не было ни парня, ни его следов, хотя с момента их приземления прошло не более десяти секунд.

— Что за нафиг? — растерянно происнес пилот. Еще раз осмотрелся и на всякий случай даже задрал голову к небу — вдруг парень забрался на дерево. — Куда он делся?

— Ха! — довольно хмыкнул второй законник с нашивкой звезды на плече. Сложив пальцами жест управления, офицер довел чувствительность акустики шлема до предела. Теперь с расстояния в десять метров можно было услышать даже стук сердца. Но ни треск ветки, ни малейший шорох не выдавали направления бегства Марка. — Ха! — Еще раз произнес офицер. — Интересный экземпляр.

Пилот все так же продолжал недоумевать:

— Не мог же он взломать шлемы. Да и чем?..

— Расслабься. У него, по-ходу, термооптический камуфляж.

Пилот поморщился:

— Вот зачем мелкому барыге такая крутая игрушка? Задолбаемся за ним бегать. Он из заповедника, так? — Пилот вразвалочку подошел к дереву с дуплом, сунул в него руку. — Значит, знает леса?

— Ага, старовер.

— Может, покричим, что он в разработке? — Пилот еще глубже засунул в дупло руку. — Если не полный кретин, сам выйдет.

— Да расслабься ты. Наконец хоть кто-то сопротивляется, а не сразу в раскаяние.

— Чего ты все «расслабься да расслабься»? — довольно резко отозвался пилот и вынул из дупла руку. — А теперь напрягись.

Он свалил вместе с доказухой.

— Вот черт! — мгновенно собрался офицер, и замахал руками, призывая приближающееся подкрепление. Подбежал к дуплу, сам пошарил внутри, но ничего не обнаружил. — Мама, требуется корректировка по объекту Марк Неклюдов!

— Принято, выполняю, — отозвался в шлеме офицера мелодичный женский голос Всевышнего. Так и было задумано — Всевышний звучал заботливой девушкой для своих, для госслужащих, и казался строгим мужчиной для обычных граждан. — Готово, — спустя долгих десять секунд — необычайно долго для системы Иджис — отозвался Всевышний, — Направление Северо-Северо-Запад, расстояние пятьсот метров, постепенно удаляется. Включаю сопровождение.

Взревев пропеллерами, коптер взлетел над кронами деревьев и, направив луч фары-искателя в сторону цели, неспешно поплыл следом за Марком.

— За мной, работаем! — завопил офицер выпрыгивающим из машин полицейским и первым, проламываясь сквозь кусты и ветки, под легкое жужжание приводов экзоскелета унесся в лес.

Глава 2. Боец

Зал был полон, разогрет двумя схватками и ревел в предвкушении главного боя.

Рустам Ибрагимов, стоя в центре восьмиугольной клетки, однако не слышал ни звука. Ему вообще не было никакого дела до этой толпы, окружившей ринг и бесновавшейся в ожидании боя. Он искренне презирал этих людей. Они, устав от рафинированного слащавого бокса в медиазпространстве, пришли на подпольные бои поглазеть на настоящую кровь, прикоснуться к настоящему насилию и жестокости, но что они о них знают? Эти андрогинные прилизанные мужчинки и мужеподобные женщины? Вряд ли хоть кто-то из них способен сжать пальцы в кулак и ударить другого человека. Даже защищаясь. Они скорее разревутся и начнут молить о помощи и снисхождении, чем станут биться за себя. Они готовы во всю глотку орать «рви, убей, раздави», но сами при этом не могут ничего. И не для них он, Рустам, ушел из легального спорта с его страховкой, кучей правил, защитой чуть ли не всего тела, медицинскими имплантами и личным медиком. Ушел он для себя, чтобы вот так вот стоять в одних шортах в ринге-клетке, где будет только он и его противник, где из всех средств защиты есть лишь тонкие беспалые перчатки и капы, и где травмы, рассечения, переломы и смерть вполне реальны. Ибо лишь в этом месте, обмениваясь ударами с противником и чувствуя во рту металлический привкус крови, он мог по-настоящему ощутить себя мужчиной и живым.

— Третий бой на нашем ринге, три победы, ноль поражений, ростом сто девяносто пять сантиметров, весом в сто двенадцать килограмм — Рустам Ибрагимов! — закончил представлять его ведущий, и Ибрагимов, вскинув вверх мускулистую руку, отошел к себе в угол. — И его противник, абсолютный чемпион нашего зала ростом в сто девяносто девять сантиметров и весом в сто двадцать три килограмма — Эндрю Климский.

Зал взорвался оглушительными воплями. Дверь в клетку открылась, и внутрь ринга ступил высокий, лысый, немного обрюзгший противник Ибрагимова. Он высокомерно улыбнулся смиренно стоящему в своем углу Рустаму, провел оттопыренным большим пальцем себе по горлу, вскинул вверх татуированные руки и зарычал, отчего толпа заревела так, что задрожал настил ринга.

— Бойцы, готовы? — спросил в наушный микрофон скачущий вокруг ринга ведущий. Рустам кивнул, Климский ударил себя в

грудь кулаком и снова, играя на публику, зарычал. Ибрагимов скривился: противник силен и серьезен, но давно не бился с ровней и больше играет, красуется перед публикой, чем готовится к бою. Что ж, его проблема, если не воспринимает оппонента всерьез. — Тогда напоминаю правила. Запрещены удары в пах, затылок и локтями. В партере проводим не дольше пятнадцати секунд. Все остальное разрешено. Итак… — Ведущий поднял сжатый кулак и, разгибая пальцы, вместе с залом начал считать: — Три… Два… Один… Гонг!

Едва молоточек коснулся железного диска и высокая звенящая нота начала набирать силу, Ибрагимов ринулся в бой. Климский, привыкший, что с ним осторожничают, несколько смутился прыти парня и едва успел поднять руки, когда подпрыгнувший Ибрагимов в полете из-за плеча пробил ему в голову. Удар был так силен, что руку чемпиона отбросило в сторону, а кулак в тонкой перчатке с звучным, влажным шлепком угодил ему аккурат в подбородок. На миг глаза бойца потемнели, он вытянулся в струнку, получил еще дважды по лицу и рухнул плашмя на настил ринга.

Отойдя назад, Ибрагимов опустился на колени, положив руки на бедра.

Высокая нота гонга наконец стихла, а зал погрузился в полное молчание. Толпа хотела лицезреть насилие, но к настолько внезапной и мощной вспышки ярости была не готова.

А Ибрагимов сидел и невозмутимо ждал со взглядом направленным внутрь себя. Добивать упавшего было не в его правилах, а Климский, в отличии от него, был еще и отменный борец, получил недостаточно сильно и добивать его было откровенно опасно. Вцепится в лодыжку, и забрать ногу уже не получиться, придется бороться.

Подождав так и не явившегося противника, Климский вскинул голову, увидел рассевшегося рядом Ибрагимова и, зарычав, ударил кулаком по полу и начал подниматься.

Одним прыжком вскочив с колен в стойку, Ибрагимов ринулся к противнику, нанес несколько ударов ногой ему по бедру, уворачиваясь от попытки захвата, по голове, снова сбил на ринг и отошел.

— Падла, — зашипел через капу поднимающийся Климский. Теперь он был осторожен, встал сразу в стойку и, наконец забыв про публику, ни на секунду не сводил с Рустама глаз. — Убью!

Ибрагимов развел в стороны руки, приглашая противника к себе, и тот не заставил себя ждать.

До конца раунда оба обменивались, уворачивались и блокировали удары. Казалось, они были равны, однако на

последней минуте даже самому ярому фанату Климского стало ясно, что чемпион сдает. Ибрагимов был чуть ли не вдвое моложе противника, намного быстрее, выносливее и искусней в ударной технике. Он легко уходил от клинчей и попыток захвата Эндрю, спокойно, лишь слегка морщась, принимал в корпус сокрушительные удары, тщательно защищал голову и методично обрабатывал то голову, то тело чемпиона.

Гонг об окончании раунда застал чемпиона на настиле ринга. Он задыхался, весь взмок, лицо было сплошной маской из крови, взгляд полон ярости и недоумения. Тогда как Ибрагимов по-прежнему был невозмутим, как статуя Будды, и лишь струйка крови стекала по щеке из рассеченной брови.

— Секундант! — выплюнув капу, заревел Климский. Дверь ринга распахнулась, и с ведром воды, полотенцем на плече и табуреткой в клетку забежал помощник чемпиона.

Ибрагимов просто отошел в свой угол, сел на колени, положив руки на мощные бедра, и принялся восстанавливать дыхание. Ему было некого позвать, он пришел один.

— Готовность! — произнес ведущий. Что-то шепнув Климскому, засунув ему в рот капу, секундант чемпиона выбежал вместе со своим инвентарем вон с ринга. — Начали!

Едва прозвенел гонг, чемпион ринулся в атаку. Он понимал, что выдыхается, и стремился закончить бой как можно раньше.

Наконец-то, подумал Ибрагимов, начинается настоящий бой…

От удара Климского в плечо рука Ибрагимова вдруг онемела и плетью повисла вдоль тела. Следующий удар пришелся в грудь, и Рустам отчетливо услышал, как хрустнуло его ребро. Самого его на миг парализовало от боли. Будто прилетело не с кулака, а молотом.

Ибрагимов попытался отскочить, но нога Климского уже стояла на его ступне, и следующий удар опрокинул претендента на настил.

Так и есть, падая, понял Ибрагимов, в правой руке Эндрю что-то зажато, секундант что-то передал ему…

— Добивай! — взорвалась толпа.

Сев сверху на Ибрагимова, чемпион занес правую руку, с ухмылкой направил ее в висок Рустаму — и его кулак врезался в настил, а рука оказалась захвате. Так что не пошевелить, ни выдернуть. Используя лишь левую, чемпион принялся лупить по мотающейся из стороны в сторону голове претендента.

— В стойку! — скомандовал ведущий. Сделав вид, что не слышит, Климский продолжил месить лицо Рустама. — В стойку!!!

Скривившись, чемпион нехотя слез с противника. Еще бы пара ударов, и тому конец. Впрочем, ему уже так и так конец. Просто помучается чуть подольше. А публика это очень любит.

Шатаясь, сплевывая кровь, Ибрагимов поднялся. И в отличии от прошлого раунда от его спокойствия не осталось и следа. Он улыбался рассеченными, опухшими губами. Он получил то, о чем и не мог мечтать, — настоящий бой, схватку с риском для жизни. Внутри него все бурлило и от ярости, и от азарта.

— Кончай с ним! — завопил кто-то у клетки.

Подстегиваемый толпой Климский ринулся в последнюю атаку. Занес правую руку, выкинул ее в грудь спокойно стоящего противника — и, с вытянутой рукой, упал на колено мимо рутанувшегося волчком Ибрагимова. Левая половина лица чемпиона онемела, глаз перестал что-либо видеть, по щеке покатилось что-то мокрое. Не кровь — холодное как слеза.

Зал, видевший лицо чемпиона в приближении на экранах над клеткой, ахнул, кто-то заорал, кто-то вывалился в проход, согнулся пополам и принялся извергать сожержимое желудка на грязный бетонный пол. Увидев деформированную, пустую глазницу чемпиона, зрители явно получили много больше желаемого. Контр-удар локтем был так силен, что кусочек височной кости проткнул глаз Климского и теперь болтался у скулы на кусочке кожи.

— Прекратить! — истошно заорал Ибрагимову ведущий. — Охрана, остановить бой!

Отступив на шаг от шокированного чемпиона, Ибрагимов подпрыгнул, крутанулся вокруг своей оси. И лишь вклинившийся между его ногой и головой чемпиона охранник спас Эндрю от верной гибеди. Впрочем, ценой своего собственного здоровья, ибо от удара ногой в бок мужчина мгновенно отключился и мешком свалился на Климского.

Видя столь непотребное обращение новичка со своим коллегой, остальные охранники толпой повалили на ринг. Кто-то из них попытался было проучить Ибрагимова ударом по лицу, но сам рухнул без сознания. А дальше мужчин уже было не остановить, и поединок между двумя превратился в бой один против дюжины.

* * *

Застонав, Ибрагимов разлепил глаза.

Над головой за плафоном мерцала лампочка, тянуло сыростью и плесенью. Он повернул голову: пара шкафчиков, сам

он лежит на скамье, рядом стоит ведро с водой с красноватой влажной тряпкой на ободе. Дверь приоткрыта, но из зала не доносится ни звука. Значит, все уже давно разошлись.

Он ощупал лицо. На коже заживляющий гель, припухлости кровоподтеков уже спали, а рассечения затянутся дня за три. Ясно. Отнесли в раздевалку, умыли, обработали раны, да так и бросили одного.

— Господин Ибрагимов, — послышался острожный голос.

Нет, не одного. Ну хоть что-то…

Помощник ведущего, молодой длинноволосый парень в цветастом спортивном костюме и следами косметики на лице, сидел на стуле рядом с Ибрагимовым и сжимал что-то в кармане куртки. Видимо, игломет. Пошарив второй рукой в другом кармане, помощник достал скомканную бумагу, поднялся со стула и положил на него помятый конверт.

— Господин Ибрагимов, это ваш гонорар. И мне поручено передать, что мы прекращаем сотрудничество с вами.

— Ясно, — прошептал, присаживаясь и морщась от боли в груди, Рустам.

— Вы, конечно, отличный боец, но то, что вы устроили, это перебор, — как бы извиняясь сказал помощник. — Люди приходят посмотреть на настоящие мужские бои, а не на убийство. Наш бизнес страдает, если зрителей рвет и их приходится откачивать.

— Ясно, — снова повторил Ибрагимов. — Знаешь другие залы?

— Шеф сказал, чтобы вы больше не появлялись на боях. На этом континенте точно. О сегодняшнем узнают все промоутеры.

— Ясно, — вздохнул Рустам.

Помощник направился к выходу, но замер в дверях. Отдалившись от Рустама, он немного расслабился.

— У Климского что-то было в руке?

— Верно.

— Я так и знал, — улыбнулся парень. Посерьезнел и с участием спросил: — И что теперь будешь делать?

— Не знаю, — честно признался Ибрагимов.

* * *

Ринг, трибуны и медиа-панели давно демонтировали и вывезли.

Пройдя через пустой зал, снова ставший тем, чем он был ранее — подвальной стоянкой закрытого на реконструкцию здания, — Ибрагимов толкнул дверь и вышел в темноту

технического переулка. На нем были спортивные брюки, толстовка с капюшоном, сумка через плечо и медицинская маска. Конечно, Всевышний сканирует форму черепа и маской его не обмануть, но Ибрагимов и не пытался. Главное, скрыть кровоподтеки на лице, чтобы не докапались патрульные.

Едва Ибрагимов переступил за дверной проем и вдохнул спертый уличный воздух Петрограда, в тени справа вспыхнули красным объективы сканеров полицейского шлема.

— Гражданин, идентификация.

Ибрагимов молча вытянул правую руку. Сорвав с пояса и развернув терминал, полицейский хлопнул им по предплечью Рустама, и на экране возникла фотография парня, в воздухе раскрылись дополнительные голографические окна с информацией.

— Ага, спортсмен, — произнес полицейский, убирая терминал. — Что здесь делали?

— Участвовал в собрании любителей поэзии, — выдал легенду организаторов Ибрагимов. — Заявка была подана и одобрена.

— Ага, любитель поэзии… как же, — иронично выдал законник. — И вы, конечно, не в курсе, почему четыре человека после вашего собрания обратились за медицинской помощью? Причем один из них без глаза, а второй с порванной селезенкой?

— Не знаю. Я задержан или могу идти?

Полицейский поднес руку к шлему — получал указания от начальства, — после отступил:

— Свободен.

* * *

Несмотря на позднюю ночь в центре Петрограда никто никогда не спал, а светло было почти как днем. Всполохи ярких голографических вывесок отражались в стеклах небоскребов, из кафе и баров лились звуки музыки, в их витринах приветливо улыбались полуобнаженные девушки. Часть из них даже настоящие — не куклы и не трансы. Между праздно шатающимися прохожими сновали промоутеры, завлекая посетителей в свои заведения. Часть толпы явно спешила по делам, большинство просто слонялись без дела. Некоторые, немногие, словно потерялись в пространстве и тупо лыбились окружающим — явно передознулись Конопливитом. По проспекту сплошным потоком сновали компакт-кары, люди на гироскутерах, вверху иногда проносились коптеры. Все были одеты достаточно

легко — тепловые завесы создавали в мегаполисе свой собственный микроклимат.

Город жил как во время карнавала. Он казался беззаботным, праздничным и веселым. Он таковым и был изо дня в день. Мыльный пузырь экономики, поддерживаемой Всевышним, продолжал раздуваться, люди почти не участвовали в промышленном производстве, и весь акцент финансовой активности горожан сместился в сферы торговли и развлечений. Дизайнеры аватаров и шмоток, создатели тысячной версии никому неинтересного скрипта, медиа-идолы, продавцы, музыканты — вот костяк населения любого мегаполиса. Люди стали праздными, ленивыми и вечно пышущими неисчерпаемым оптимизмом. Ибо мрачный продавец — плохой продавец.

Лишь угрюмый высоченный Ибрагимов выделялся в этой толпе. Возвышаясь над расступающимися перед ним людьми, он шел уставившись под ноги, на вылизанную до блеска пластиковую плитку тротуара, и в голове его было абсолютно пусто. Надо бы нырнуть в подземку и поехать до дома, восстанавливаться. И будь у него приглашение на следующий бой, он бы так и сделал. Но сейчас он просто брел в никуда.

В груди защемило, и Рустам поспешил свернуть в переулок, подальше от шума развеселых, вечно беззаботных людей. Прислонившись спиной к стене, Ибрагимов поморщился и принялся массировать грудь.

— Гражданин, вы задержаны за оскорбительное поведение! — донеслось из арки неподалеку. — Не сопротивляйтесь.

Ибрагимов хмыкнул. Он понимал, что происходит за углом, и сочувствовал бедолаге, который тоже не смог сдержать свои мужские инстинкты и не захотел фальшивой любви от секс-куклы. Этому тоже не повезло — вместо проститутки, он попытался снять офицера полиции. Теперь ему грозят исправительные работы. Или, на выбор, химическая кастрация и курс толерантности. Так как негоже предлагать женщине, пусть и желающей этого, деньги в обмен на секс, потому что, покупая любовь, мужчина тем самым оскорбляет и принижает достоинства всего женского рода, а потому виновен и должен быть наказан.

Поглядывая назад, на приземлившийся полицейский коптер и несчастного парня, ведомого под руки парой законников, Ибрагимов вышел обратно на проспект — и задел плечом прохожего, отчего тот закрутился и шлепнулся задницей на тротуар.

— Извините, — протянул руку Рустам то ли парню, то ли девушке — по лицу и одежде не разобрать, везде стиль унисекс и

косметика.

— Руки убрал, — пискливо отозвалось оно, и стало ясно, что это женщина. Ударив по ладони Рустама, девушка откинула его руку и, потирая ушибленную ягодицу, поднялась. — Пьянь…

— Эй-эй-эй, чего тут происходит? — вынырнул из толпы еще один тип неопределенного пола. — Ты зачем толкнул мою девушку?

— Извини, брат, я не специально, — признался Ибрагимов и пошел дальше.

— Я тебе не брат! — вдруг истерично завопила подруга упавшей. — Я женщина!

Раздражение вкупе с болью сделали своей дело, и Ибрагимов на миг утратил контроль.

— Да? — язвительно хмыкнул он. — Сразу и не скажешь.

Обежав Рустама, девушка преградила ему путь и толкнула, вернее, попыталась толкнуть, парня в грудь, но лишь отлетела назад сама.

— Как ты смеешь, козлина?! Немедленно извиняйся, тупой качек!

— Или что? — прищурился и угрожающе пригнул голову Ибрагимов. Обычно любой конфликт заканчивался на этой стадии, но не в этот раз.

— Или… или… — Девица не придумала ничего умнее, и просто двинула Рустама коленом в пах. Тот не увернулся, стоически принял удар и даже не поморщился.

— Ладно, — окончательно подаваясь эмоциям, процедил Ибрагимов. — Раз строишь из себя мужика, значит, обращаться с тобой буду как с мужиком.

С этими словами Ибрагимов махнул левой и мощнейшей пощечиной смел истеричку со своего пути.

В тот же миг сверху заревела сирена полицейского коптера. Вздохнув, Ибрагимов, стянул с лица маску, скинул с плеча сумку и стал покорно ждать ареста, поглядывая на елозящую по тротуару и хрипящую, со свернутой набок челюстью, девицу и с удовлетворением подмечая страх в глазах прохожих.

Он стоял, гордо выпятив грудь, улыбаясь разбитыми губами, и всем своим видом говорил: «Да, я такой. Я люблю драться, я могу бить людей, я говорю, что думаю. Кто-то хочет что-то сказать? Тогда выходи».

Глава 3. Вне закона

— Пошел! — полицейский грубо втолкнул Ибрагимова в камеру для предварительно задержанных. Внутри унитаз за ширмой, две койки, на одной из которых валялся, закинув руки за голову, и нагло пялился на своего будущего соседа чумазый парень — от его перепачканных джинс и ветровки тянуло болотной гнилью. Из-под воротника куртки торчали провода вырванного блока управления стереотканью. — И чтоб до утра сидели тихо! — Полисмен указал дубинкой-шокером на парня. — Это я тебе. Задолбал уже всех. Будешь снова выделываться, посажу в одиночку.

Задвинув и заперев с брелка решетку, насвистывая, пузатый дежурный потопал по погруженному в полумрак коридору в помещение охраны.

Оглядев и оценив присевшего на незастеленную койку Рустама, сосед спросил:

— У меня будут с тобой проблемы?

— Если сам их не захочешь — нет.

— Вот и отличненько. — Парень отвернулся к стене. Некоторое время лежал молча, после произнес: — Если чо, я — Марк.

— Рустам.

— Кавказец?

— Наполовину.

— Откуда сам? Городской? Из заповедника?

— Не называй мой дом — заповедником.

— Значит, реально кавказец. — Парень развернулся всем телом к собеседнику, приподнялся и оперся о локоть. — Что натворил?

— Ударил прохожего… прохожую.

— Вот как. А говорил, что не буйный, — напрягся Марк. — А сам на улицах руки распускаешь…

— За дело! — разгорячился Рустам. — Эта бешенная сама накинулась! У меня дома даже мужчине нельзя так себя вести и такое говорить! Женщине тем более. А здесь… — Он сокрушенно покачал головой. — Все как позабыли, кто они есть.

Марк резко сел, уставился на разбитое лицо Ибрагимова.

— Подожди-подожди, это тебя что, девка так отделала? Нихера себе…

— Дурак? — фыркнул Ибрагимов.

— Да, маловероятно, — согласился Марк. — Ты слишком здоровый. Кстати, ты почему такой большой? На мясе из

пробирок так не растут. Над тобой поработал гендизайнер, что ли?

— Я настоящий, — даже немного обиделся Ибрагимов. Но сосед ему определенно начинал нравиться. Не боится ни его, ни обстановки, не стесняется в выражениях и говорит, что вздумается. Что сейчас редкость. — Ты здесь за что?

Марк дернул уголком рта. Хитро прищурился, сверкнув ясными голубыми глазами.

— Вменяют нелегальную коммерческую деятельность. — Он покосился на потолок, где за бронестеклом мигал красным светодиод камеры видеонаблюдения. — Типа я продавец и производитель ганжика. Только кроме сопротивления аресту ничего у них на меня нет. Вся их доказуха где-то на дне болота. Даже я не найду. — Марк задумался и уточнил: — Почти ничего… Раз ты из заповедника, ты тоже без коммуникационного нейрочипа?

— Естественно.

— И терминал или киберочки ты сюда не пронес?

— У меня их вообще нет.

Марк поморщился:

— Плохо. Ну ладно. Придется так. — Встав с койки, Марк подошел к решетке и пару раз пнул ее носком кроссовка, отчего коридор наполнился металлическим звоном. — О-охрана-а!!!

Вдалеке хлопнула дверь, донесся громкий топот и раздраженное ворчание.

— Я тебя предупреждал?! — прорычал давешний пузатый полисмен, остановившись перед решеткой и снимая с пояса дубинку. — Или ты вконец тупой?!

— Ой-ей, какие мы сердитые, — издеваясь, ухмыльнулся Марк. — Принеси-ка мне пожрать. И терминал не забудь. Почему мне не дают доступ к сети? Обязаны предоставить пять минут.

— Потому что тебе не положено! — Полисмен внезапно стукнул дубинкой по решетке. — Вали на свою койку! Или пойдешь в карцер!

— Это который через десять метров отсюда? — ехидно уточнил Марк. — Он у вас что, звуконепроницаемый? — Вцепившись в прутья решетки и попытавшись протиснуть между ними лицо, парень прошептал: — Два дэшкоина за терминал на пять минут.

— Опять? — застонал полисмен.

— Три. Больше не дам.

— А ну пшел спать! — Нажав кнопку на рукояти, полисмен ткнул дубинкой в решетку, отчего Марка протряхнуло довольно чувствительным разрядом тока.

— Вот ты сыкло, — прошипел, отскочив и ладонями протирая горящее лицо, Неклюдов.

— Что-о-о?! — прищурился полисмен.

— Уроды. Что ты, что твои напарнички, — продолжил ехидничать Неклюдов. — Сидите тут, жопы себе отращиваете, думаете, что реально чего-то из себя представляете. А сами дрожите перед Иджисом. Сторожа сыкливые. Ссучил вас Иджис. Как и всех так называемых законопослушных. Знаешь, как раньше звали таких как вы? Вертухаи, вот. — С этими словами Марк плюнул через решетку и попал аккурат в нагрудный знак полисмена.

От такой наглости тот аж задохнулся. Открыл было рот, после закрыл, достал из брюк платок, протер жетон с личным номером и, топая громче прежнего, весь красный от злости, направился в помещение охраны.

— Эй, песик. Пожрать-то принеси! — крикнул ему вслед Марк. Довольно улыбаясь, он присел на койку.

— И что это сейчас было? — поинтересовался Ибрагимов. Сосед минуту назад казался полостью адекватным, а теперь творит такое. Видимо, проблемы с психикой, решил Рустам.

— Пользуюсь ситуацией, — пояснил Марк.

Светодиод камеры на потолке погас. Хлопнула дверь, в коридоре зазвучали, приближаясь, шаги нескольких человек.

— Не понимаю, — признался Рустам. Поднявшись с койки, он отошел в дальний угол камеры, повернулся к нему лицом и сложил за спиной руки. — Тебя, кстати, сейчас будут бить.

— Я в курсе, — тяжело вздохнул Марк. — И ты это… извини.

— За что? — с недоумением на лице обернулся Рустам.

Клацнув замками, часть решетки начала отъезжать в сторону.

— Ибрагимов! — закричал, подходя, полицейский, — лицом в угол!

— Уже, — буркнул, отворачиваясь, Рустам. Посмотреть, как охрана мутузит сумасшедшего соседа, конечно, интересно, но сейчас лучше подчиниться. Иначе тоже достанется. И что этот Марк имел ввиду под «извини»?

Полисменов было шестеро — отвечать на оскорбления явилась вся смена. Пузатый, старший смены, первым, матюгаясь, вошел в камеру, провернул ручку дубинки, установив мощность шокера на половину от максимальной, и ткнул им Марка в грудь. Раздался треск разряда, однако Марк как стоял, ухмыляясь, между коек, так и продолжал стоять. Жилы самодельной клекти Фарадея, вшитые в стереоткань ветровки и брюк, рассеяли заряд по всему телу, а конденсаторы полностью поглотили его.

— Сюрприз, да? — язвительно спросил Марк озадаченного

результатом полисмена. Шагнул к нему вплотную, коснулся рукавом его пуза, и конденсаторы разрядились в тело охранника. Колени мужчины подкосились, из уголка рта потекла слюна, и он, мыча что-то, рухнул на четвереньки.

— Валим его! — закричал один из полисменов, и все пятеро ввалились в камеру, отчего внутри стало очень тесно.

Орудуя шокером как дубинкой, самый массивный и высокий охранник заехал Марку сначала по одному, затем по другому колену. Второй огрел согнувшегося парня по спине, окончательно сбив его на пол, а дальше, окружив свернувшегося калачиком и прикрывшего голову руками Неклюдова, они начали запинывать его ногами в тяжелых ботинках. Били сильно и со злостью, однако в голову все же не целили. Лишь пару раз заехали по ней случайно. Марк же лежал и не сопротивлялся. Словно именно на это он и рассчитывал, словно все шло в точности по его плану.

Мысль родилась в голове Ибрагимова из ниоткуда. И все происходящее в камере вдруг обрело смысл. Стало понятно, за что просил прощения сосед и что дальше будет с ним, с Рустамом.

Хитрожопый засранец подставил его! Раздраконив надзирателей, он специально нарвался на избиение, чтобы после попасть в медицинский блок, где добраться до терминала и подчистить следы своего преступления будет проще простого. Там же эти терминалы встроены в медицинские коконы! И пусть они защищены, сосед, похоже, очень неплохо разбирается в технологиях и уверен, что сможет обойти их защиту.

Ну, а само избиение арестанта полицейские свалят на него, на Рустама. Участие в подпольных боях, нападение на женщину на улице — теперь нападение на соседа в камере. После таких подвигов не отвертеться, приговор может быть только один — ему поставят гормональный чип. Который понизит тестостерон и увеличит уровень эстрогенов. Этот чип способен превратить самого злобного убийцу в женоподобного слюнтяя. Характер изменится навсегда. И для него, посвятившего всю жизнь боевым исскуствам, это будет равнозначно смерти. Марк это предвидел, потому и просил прощения.

— Ах ты мудила!!! — взревел, разворачиваясь, Ибрагимов. От его крика надзиратели замерли с занесенными для ударов ногами и кулаками, все повернулись к нему. Даже полу-оглушенный пузатый на четвереньках и Марк, опустив одну руку, уставились на огромного разъярившегося горца. — Придушу ублюдка!!!

Рванув к месту потасовки, Ибрагимов схватил за шкирки двух ближайших надзирателей и, словно невесомых, отшвырнул в угол, где только что стоял. Пинком в живот откинул на решетку

третьего. Расчистив себе место, он схватил Марка за горло и на вытянутых руках вздернул того перед собой.

Захрипев, Неклюдов засучил ногами в воздухе.

Пузатый сорвал с пояса брелок, одновременно зажал две кнопки по бокам устройства — и в здании завыла сирена.

Один из откинутых полисменов сел, подобрал откатившийся шокер и, активируя его, ткнул Рустама в поясницу. Все мышцы Ибрагимова свело судорогой, а пальцы на горле Марка сжались настолько сильно, что у того вывалился язык. Горец, однако, устоял, лишь опустил свою жертву на пол. Двое оставшихся стоять на ногах надзирателей схватили Неклюдова со спины и начали вырывать парня из хватки Рустама, но толку от их действий было ноль.

Сейчас сломает, смекнул Неклюдов и начал действовать. Попытался дотянуться до лица Ибрагимова, но длинны рук хватило только чтобы ухватиться за ворот толстовки. Полисмен, повысив мощность до предела, снова ткнул шокером в поясницу Ибрагимова. На этот раз подействовало: горец зашатался, упал на одно колено, его руки стали ватными, но горло Марка он так и не отпустил.

Почуяв некоторую свободу, Марк притянул себя поближе к своему мучителю и, откинув голову, со всей силы заехал тому лбом по носу. После начал лупить его коленом, целя то в бедро, то в печень, и правой рукой в ухо.

Выругавшись, поднимаясь, полисмен упер клеммы шокера в затылок Ибрагимова и, молясь, чтобы тот не помер, нажал на кнопку активации. Продолжая стоять на одном колене, Рустам отрубился, но упасть ему не позволил край койки, на который он навалился, и вцепившийся в его толстовку Неклюдов, продолжавший отчаянно бороться за свою жизнь.

Так и застало их прибежавшее на вой сирены подкрепление: Ибрагимов без сознания на коленях, Неклюдов удерживает его за грудки и со всей дури лупит его по окровавленному лицу, а двое полисменов пытаются оттащить его.

Глава 4. Наказание

— Слышь, пятый дрон снова глючит. Ты говорил, что наладил его, — произнес Ибрагимов.

Неклюдов, сидящий на песке рядом с ним, выплюнул изо рта трубку поилки, встроенную в шлем с прозрачным визором на все лицо, и оторвался от созерцания терминала с данными дронов-чистильщиков, подконтрольных их паре.

— Ну так веди его ко мне.

— Не могу. Он завис на ста метрах и не отвечает. — Ибрагимов хотел было сплюнуть, но вовремя вспомнил про шлем. — Этот кусок говна задолбал. Когда ты его уже спишешь?

— Я направил его на списание еще пол-года назад. — Неклюдов пальцами в толстой перчатке вынул из нагрудного кармана серого, пропитанного огромными пятнами пота комбинезона ручку-стилус, ткнул ею в пиктограмму заглючившего дрона и вывел на экран его данные. Данные не радовали. — Все, сдох он. Окончательно. И, тварь, падает прямо на батарею! Собирайся, сейчас полезем полировать панели.

Ибрагимов глянул на показания температуры, выводившиеся среди множества прочих данных на переферию визора шлема.

— Вот дерьмо. Там сейчас девяносто градусов. Мы сваримся.

— А какие варианты? Можем, конечно, забить на ремонт, только плюс трое суток к сроку. Оно тебе надо? И так еще полтора года торчать в этой печке. Сахара, как же я тебя ненавижу… Лучше б нас распределили на Северный полюс.

— Ладно, — обреченно вздохнул Ибрагимов. — Будем меняться через каждые пять минут. — Опираясь спиной на стойку огромной, с пол футбольного поля, солнечной батареи, в тени под которой они сидели, он начал подниматься. Ткнул Марка в плечо. — Слышь, проверь уровень воды в комбезе. Если снова вырубишься на батарее, оставлю тебя там. Задолбало уже снимать твою тушку с высоты.

Неклюдов скосил глаза в угол шлема.

— Нормуль. Три литра.

— Заправишься, — велел Рустам и первым направился к кару. — Ты половину выдуешь.

— Так точно, шеф, — протянул Неклюдов и поплелся за товарищем.

* * *

Следователь, разбиравший их дела, хоть и не мог не заметить синяки в форме пальцев на шее Марка, не стал утруждать себя поисками истинны и согласился с версией надзирателей о нападении Неклюдова на сокамерника. Да и сам Неклюдов — и устыдившись своего низменного поступка, и опасаясь Рустама, — охотно поддержал эту версию, чем спас Ибрагимова от чипирования. Эта негласная сделка со следователем определила их дальнейшую судьбу: Марк избежал обвинений в незаконной коммерции и был приговорен за сопротивление аресту и нападение, Ибрагимов получил приговор за нападение на улице и нанесенную одному из надзирателей пустяковую травму. Иджис не стал вмешиваться и оспаривать ход дела. Всевышний вообще редко когда напрямую вмешивался в дела людей, оставив им иллюзию свободы. С его точки зрения, два нарушителя получили заслуженное наказание, а за что именно они его получили — это неважно. Это дела людей, пусть сами и разбираются.

Из зала суда Ибрагимов с Неклюдвым отправились прямиком на энергетическую ферму в Сахаре доводить КПД дронов — основных работников — до максимальных значений и заменять их там, где требовалась повышенная точность. Например, в заливке и полировке поврежденной панели батареи. Занятие хоть и бессмысленное и трудоемкое, но Всевышний подсчитал, что ручной труд вкупе с механизированным повышает отдачу энергии с фермы на целых три процента. Те три процента, которые были бы направлены на содержание мелких правонарушителей в исправительных учреждениях. Посему арабы и негры, изначально обслуживавшие ферму, с появлением системы Иджис были быстро заменены на европейцев, совершивших мелкие и средней тяжести преступления и имевших шанс исправиться и стать полноценными, послушными членами общества. Да и у мало кого после годика-другого в рукотворном аду в Сахаре возникало желание вновь нарушать закон. Максимальная эффективность и продуктивность общества при минимуме затрат — одна из задач для которых был разработан Всевышний. И с этой задачей он справлялся блестяще.

Прибыв на ферму, Неклюдов с Ибрагимовым были распределены в разные отряды, однако уже через три дня Рустам подкупом и намеком на угрозу вынудил координатора перевести его в барак к Марку. Горец, хоть был вспыльчивым, но отходчивым, никак не мог простить Неклюдову его подлянку. Правда, он учел раскаяние Марка и ограничился лишь легким избиением и последующей дедовщиной. Целый месяц Неклюдов таскал ему обеды, относил и приносил с чистки рабочие комбинезоны, снаряжал его кар и драил его комнату. Пока

однажды Ибрагимов внезапно не слег с отравлением неясного характера, вызвавшим мощнейшую диарею и рвоту. Провалявшись три дня в госпитале, Рустам вдруг понял, что без Марка скучно. Парень пусть и мстительный гаденыш, травануvший его, но определенно интересней абсолютного большинства обитателей их барака. Он мыслил свободно и независимо, много чего знал и, хоть держался от него отстраненно, мог сболтнуть что-нибудь интересное. После работы он не жрал, как все, выдаваемые заключенным стимуляторы и не бежал в барак к секс-куклам. После развлечений с исскуственными женщинами он не закидывался Конопливитом и не шел в игровые залы в коконы виртуальности, чтобы качать своего аватара. Он вообще ни во что не играл. Он даже ни разу не заглянул в медиа-комнату для просмотра новостей, которые считал откровенной пропагандой, и плевался от постановочных шоу, показывающих жизнь и разборки заключенных в каком-то бараке на Северной ферме или ход строительства Соляриса. Неклюдов отказывался превращаться в скота, направляемого незримой рукой Всевышнего. И хоть эта групповая деятельность, как было им объяснено по прибытию, способствовала исправлению, а значит смягчению приговора и более раннему освобождению, Марк упорно ее игнорировал и не желал быть как все. Так же, как не желал этого Ибрагимов, посвящавший почти все свободное время тренировкам.

Выйдя из госпиталя, Рустам сделал вид, что не догадывается о причинах своего внезапного недомогания. Первым делом он вышвырнул своего соседа по комнате и перенес вещи работавшего в тот момент Марка к себе. После заставил координатора назначить Неклюдова ему в пару. Затем, прослышав от бывшего соседа, что за время его отсутствия группа из блатовавших заключенных решила прессануть Марка, получила отпор и серьезно избила его, Ибрагимов подкараулил их и побеседовал с ними в душевой.

Вернувшись со смены и обнаружив на своей койке бывшего соседа Ибрагимова, Марк несколько удивился. Еще больше он удивился найдя в комнате Рустама свои вещи, сваленные в кучу на кровати, и принесенный из столовой поднос с его ужином.

Отодвинув тарелку и дожевав кусок синтетического мяса, Ибрагимов сходу заявил:

— Теперь будешь жить и работать со мной. И это, раз тебе все равно нечем заняться, буду учить тебя… ну, для начала тайскому боксу. Потом, может, еще чего-нибудь добавлю.

Не сказать, что Неклюдов сильно обрадовался столь резким переменам в своей жизни, но лучше уж работать и жить с

Ибрагимовым, чем с тупым, вечно ноющим трансом, бывшим прежде его соседом и мечтавшим сделать ему минет.

Глава 5. Власть

Ночные смены нравились им обоим. Куда приятнее работать, когда температура от бесконечных рядов раскаленных батарей опускалась до плюс тридцати, а у земли гулял свежий ветерок. Можно было снять шлем, выбраться из-под батареи, надуть кресла, разложить перед ними кондиционер и просто сидеть, откинувшись, под ослепительно красивым ночным небом. Работы почти никакой — сиди да изредка поглядывай в терминал за дронами, мозги которых в ночной «прохладе» работали без сбоев.

Закончив подтягиваться, Ибрагимов отпустил ступень вертикальной лестницы, поднимавшуюся вдоль опоры к блоку управления и панелям батареи, натянул рукава комбинезона и, хлопнув по груди, включил циркуляцию воды.

— Размялся бы, — кинул он, подходя к развалившемуся в кресле Неклюдову.

— У меня отдых, — набирая на терминале код, напомнил Марк.

— Разминка не повредит. — Рустам плюхнулся в соседнее кресло. — Что-то ты в последний месяц обленился.

— Так нечего меня загонять. Мозг тоже нужно загружать. Голова — вот мое оружие.

— Это если тебе ее не проломят. С одним ты уже справишься. Даже крупным. А если будет двое?

— А ты мне на что? — усмехнулся Марк. — Вдобавок в нашем обществе насилие не поощряется.

— Да, есть такое. — Порывшись в стоявшей рядом сумке-холодильнике, Ибрагимов достал бутылку воды. — Чем занят?

— Хочу пробиться во внешнюю сеть. И скоро пробьюсь.

— Отсюда? — изумился Ибрагимов. Он давно позабыл весь школьный курс информационных технологий, но даже учащийся начальной школы знал про топологию сетей практически все. — Из изолированной локалки? С терминала с полу-дохлым радиомодулем, настроенным на работу под одним протоколом? Типа, пошутил?

— Я серьезно.

— У нас даже в теории нет возможности выйти во внешнюю сеть.

— У нас нет. Зато есть у кураторов фермы. А у меня, — Марк щелкнул пальцами и нажал пиктограмму исполнения, — теперь есть доступ к их терминалам и учеткам. Фух, целый месяц их ломал. Пришлось писать эксплоит вручную.

— Решил задержаться здесь еще на пару лет?

— Меня не вычислят, — высокомерно вскинул подбородок Марк, — местные системщики слишком тупые. А я учился и рос с лучшими хактехниками, свободными. Гребанный Иджис хоть и ограничивал нам доступ к информации, но мы многое разработали самостоятельно. Что касается взлома, староверы одни из лучших.

— Слушай, а чего у тебя за проблемы с Иджисом? Эта гадина мне тоже не нравится, но вообще полезная штука. Порядок навел, остановил вырождение нас, европейцев, объединил нас, поднял экономику. Выиграл войну с азиатами.

Марк резко повернул голову и прищурился.

— Совсем дурак? Хоть понимаешь, что несешь?

— Нет, не понимаю, — набычился Ибрагимов.

— Какая еще экономика? Торговля картинками — это, по-твоему, экономика?! Диктатура — это порядок? Скоро камеры прямо в толчок начнут встраивать. Присядешь, а он тебе в очко заглядывает, дерьмо твое на анализ берет. И война с азиатами… он же ее и развязал! Если бы мы их не забомбили, мы бы уже давно жили на Марсе! Они бы нас туда доставили! — Медленно вдохнув и выдохнув, Марк попытался расслабиться. — Ладно, извини. Просто не надо повторять мне эту херь из учебников. Мне ее тоже втирали. Да, Иджис сделал много полезного, но в перспективе вреда от него еще больше. Уже больше полувека мы живем в застое. Если ты не развиваешься, ты деградируешь. Это аксиома.

— Не понимаю, — признался Рустам и протянул бутылку с водой. — На вот, глотни. Вода тонизирует психику. И объясни нормально.

— Окей, — кивнул Марк. — Но начну издалека. Итак, ты считаешь себя свободным, верно?

— Разве нет? Рабство-крепостное право уже давно отменили.

— И это первое твое заблуждение. Второе: у тебя в Петрограде есть своя квартира. Она твоя?

— Конечно, моя. Я ее купил.

— Это твое второе заблуждение. Она не твоя.

— С фига ли? — удивился Рустам. — Частную собственность никто не отменял.

— Ну так а земля, на которой стоит твой дом, в котором находится твоя квартира, она тоже твоя? — Увидев, как напрягся друг и как он весь превратился во внимание, Неклюдов победоносно улыбнулся. — Запомни вот что — ты субвладелец своего жилья. Ты всего лишь владелец некой суммы, которая равна стоимости твоих квадратных метров. Довольно небольшой суммы. И если владельцу земли или государству вдруг

понадобится кусок земли, на котором стоит дом с твоей хатой, тебе выплатят эту сумму и выпнут из твоей квартирки. Тебе по-настоящему принадлежат только вещи в твоей квартире. Все. Потому что единственная ценность, единственное, что всегда имело значение, единственное из-за чего развязывались войны — это земля. Потому что земля — это капитал, вечный и всегда ценный капитал. Кто владеет землей, тот владеет всем, что на ней есть. Включая людей.

— Понял, — кивнул Ибрагимов. — Только причем здесь Всевышний?

— Слушай дальше. Вторая вечная ценность — это знания. Если ты знаешь больше других, у тебя больше преимуществ. Если ты, например, и сосед растите огурцы и ты знаешь, какая земля хорошая, умеешь это определять, а твой сосед нет, то ты получишь богатый урожай, а он нет. Ты умеешь читать, у тебя есть учебник по агрономии, а у него нет, он вообще неграмотный. У тебя преимущество. Монополия на землю, капитал, и монополия на знания — это два столба, на которых опиралась так называемая элита прошлого. Аристократия, дворянство — как их еще называли. Не суть важно, как звали таких людей, суть у них была одна — все эти элитарные, соль земли, были редкостными пидарасами. Потому что делиться землей, знаниями, вообще чем-то — ну это просто не в природе человека. Им было выгодно держать и управлять безграмотными, тупых проще контролировать, они предсказуемей. Но знаниями элитам делиться пришлось. С холопами, рабами, крепостными. Иначе никак. Потому что если ты владеешь землей, на которой работает толпа имбециллов, а у твоего соседа на такой же земле работает в два раза меньше людей, но грамотных, знакомых с основами земледелия — у твоего соседа преимущество. Потом началась индустриализация, а дебил у дорогого станка — это угроза станку. В общем, именно это причины всеобщего образования. Желание получить выгоду, жадность, а не какое-то там благородство элит привели к тому, что все теперь умеют читать и писать. — Неклюдов глотнул воды. — Потом появился интернет. И именно эта технология двести лет назад пошатнула один из столбов общества прошлого — монополию на знания, информацию. Люди тогда попытались пойти дальше и уничтожить монополию на капитал — это были наши, между прочим, предки, — но они облажались. Вернее, им это не позволили капиталовладецы. — Марк поморщился. — Короче, за каких-то десять-пятнадцать лет мир стал другим. Стало возможным делать деньги из ничего, из воздуха. Но денег, как известно, ограниченное количество, так что капиталовладельцам

пришлось делиться своими доходами с новыми людьми. Технари, ученые и шоу-мейкеры откусили кусок от их пирога. Небольшой кусок, так что капиталовладельцы, которые к тому времени эволюционировали из просто держателей земли в агро-нефте-газо-сталемагнатов, не особо возмущались. Но что неудивительно, эти новые капиталовладельцы не пожелали делиться ни с кем своими знаниями и технологиями, и таким образом сами превратились в элитарных пидарасов. Появились и до сих пор существуют патенты и авторские права. Элитарных пидарасов стало только больше, и все они слились между собой. И если раньше государства защищали только землю, теперь государствам пришлось защищать знания. Ведь изначально функцией любого государства была и остается защита монополий элит на капитал и знания. Но, — Марк поднял перед собой указательный палец, — все запреты, все попытки взять сеть под контроль провалились. Монополию на знания уже было не восстановить. Государствам удалось подчинить белый интернет, но появился глубинный. Когда чиновки дотянулись до даркнета, появился пиринговый, распределенный и шифрованный, после — основанный на вирусных протоколах. И на всем этом начали функционировать и обучаться системы Иджис — расшифровывается как, интеллектуальная система с диалоговым интерфейсом. Первый, второй, третий Иджис. Пока наконец сто пятьдесят лет назад не возникла финальная версия — седьмая, полноценный ИИ. И элитарные пидарасы приспособили его для своих целей — для удержания монополии на знания. Ему, чтобы он мог оперативно реагировать на появление все новых протоколов связи и успешно выполнять свою функцию по контролю за ними, делегировали часть исполнительской и законодательной власти. Сначала небольшую часть — он занимался только сетевыми делами. Но он оказался настолько эффективен, что постепенно начал получать все больше и больше полномочий и, в результате, через двадцать лет с момента своего запуска именно он развязал Третью мировую, Патентную войну. В общем, сто пятьдесят назад у людей был выбор — послать элитарных пидарасов с их патентами и капиталами нахрен, а значит уничтожить государства и страны как таковые — ибо если государству нечего защищать, оно не имеет смысла — и придумать новую форму организации общества или жить по старому. Но тупое быдло вообще не врубалось, что все эти кредиты, налоги — это, по-сути, новый вид старой дани, которую они платят государству, которым на самом деле управляют не они, а элитарные пидарасы, чтобы эти элитарные могли бы и дальше владеть ими и собирать с них дань. Люди, европейцы,

повелись на сказки о страшных мусульманах, из которых марионеточные политики элитарных сделали мировое пугало, испугались революций, перемен, беспорядков, бедности, еще какой-то херни и выбрали жить по старому, с ошейниками. А элитарные все так же держат поводки. Короче, Всевышний есть не что иное, как доведенная до абсолюта форма бюрократии прошлого, он атавизм, такой суперчиновник и законотворец в одном лице, единственная функция которого позволять кучке элитарных пидарасов продолжать владеть, править и собирать с нас дань.

Закончив свою речь, Неклюдов, обессиленный, откинулся на спинку кресла.

— Хм… — протянул, не зная, как реагировать, Ибрагимов. — Хм… Круто ты завернул. Не знал, что ты новый Ленин. Примешь в свою партию?

— Издеваешься, да? — обиделся Неклюдов.

— Ну… ты говоришь разумно, только наивно все это. Я думал, что Патентную войну развязали азиаты. Правда, сначала Всевышний грохнул их сервера со спертой у нас технологией гендизайна. Ну, и еще чего-то потер.

— Пф-ф-ф, — презрительно скривился Марк, — опять ты со школьной пропагандой. Я же объяснил про монополию на знания.

— От твоих объяснений несет мировым заговором. Знал я одного такого. Тоже верил в масонов, что все богачи собираются на тайных сходках и решают судьбу мира.

— Черт, да не верю я ни в какой заговор, ни в каких масонов! — аж замахал руками Неклюдов. — Чтобы богачи договаривались между собой — этого быть не может! Они все строят из себя альфа-самцов, прежде, чем они смогут договориться, они уже все перегрызутся. Вектор развития общества определяет банальная жадность элит, а не они сами! И именно из-за нее хорошая идея о демократии выродилась в то, что мы имеем сейчас — в тоталитарный либерализм. Это даже звучит противоестественно!

С доводами Марка было трудно не согласиться. Его история мира звучала логично, была стройной и простой. Но гордость и нежелание признавать себя чьей бы то ни было собственностью заставили Ибрагимова воспротивиться ему. Немного поразмыслив, он сказал:

— Может, сейчас все так устроено просто потому, что все так давно устроено? Технологии сейчас ценны, потому за них начали воевать. Гендизайн позволил Всевышнему спасти нас, европейцев, от вырождения. Нас-то было тогда всего два или три миллиарда. А китайцев и арабов по пять и они плодились, как кролики. Они

нас просто задавили числом, если б наши бабы вдруг не начали рожать по три ребенка сразу. Искусственные плаценты тогда не работали как надо, а клоны почти все дохли. Это ведь с помощью Иджис появился вирус «тройняшек», заточенный под европейчев, хоть и выпустил его какой-то фанатик. Потому сейчас мы в шоколаде, а они там у себя лежат штабелями. А государства… Ну, нужна же людям сильная рука, контроль. Если б папаша меня не лупил, я бы вырос отморозком. И еще, ты же не будешь отрицать, что это азиаты первыми ударили по Кремниевой долине?

— Конечно, первыми, — согласился Марк. — А что им еще оставалось? Подчиниться Иджису? Они единственные построили общество, в котором были уничтожены монополии на капитал и знания. Они единственные отрицали факт, что кто-то может единолично владеть технологиями и тормозить тем самым их прогресс и прогресс всего человечества. И именно они собирались основать на Марсе самую крупную человеческую, именно человеческую, колонию, чтобы ускорить его терраформирование. И чтобы новая, потенциально очень ценная территория не досталась другим, Всевышний отбросил их из цифрового века назад в постиндустриальный. И, наверное, скоро отбросит снова.

— Нафига ему это? Корабль на ядерных двигателях есть, точнее, будет только у нас. Без Соляриса до Марса переться несколько месяцев.

— Я разве не говорил? — удивился Марк. — Перед тем, как меня повязали, я перехватил сигнал разведывательного спутника. И даже сумел его расшифровать. Там была куча записей об азиатах. Короче, они восстановились и построили пару сотен стартовых площадок. Тут два варианта: или они собираются забомбить всю Землю здоровенными ракетами, или, что больше похоже на правду, они снова нацелились на Марс.

Глава 6. Взлом

— Скоро сюда прибудет Страж, и тогда вам всем будет очень, ну очень плохо! — нервно вышагивал перед заключенными, выстроившихся в шеренгу перед их бараком, пузатый куратор отряда. — Бывали когда-нибудь на допросе под сывороткой и гипнометром? Нет? Ну так побываете! Все и каждый! Неделю потом блевать будете! И по статистике один из вас, уродов, обязательно повесится, двое уедут в психушку, а трое-четверо получат дополнительные сроки, когда вскроются их другие преступления! Или — куратор поднял над головой терминал, — сдайте мне гниду, которая залезла в файлы управляющего фермой! И нефиг строить невинные рожи! Наши системщики установили, что взлом велся с терминалов вашего отряда! Логи затерты, но придурок не знал и не мог знать, что при коннекте к терминалу управляющего логи с него копируются на сервера Иджиса! — Он обвел взглядом весь строй из сорока мужчин, выискивая на чьем-нибудь лице ухмылку или признаки страха. — Теперь ты, кретин, понимаешь, как крупно ты влип?! Ты привлек внимание самого Всевышнего! Думаешь, пронесет? Хрен тебе! Сейчас у тебя еще есть шанс признаться и получить по минимуму! Или завтра ты все расскажешь Стражу. Вообще все! Все твои грязненькие сексуальные фантазии и то, когда и при каких обстоятельствах ты в последний раз обосрался! — И без того тонкий голос куратора превратился в визг. — И это касается всех!

Сглотнув, Неклюдов покосился на стоящего рядом Рустама. Сдаст-не сдаст? Раньше друг не обращал внимания на его сетевые похождения, но раньше их никто не замечал. И вот теперь попался, и сразу привлек внимание серьезных и опасных людей. Ради чего? Файла, который невозможно расшифровать. Всего двадцать минут назад наткнулся на него, как тут же прибежал куратор с новостью о скором прибытии сотрудника Корпуса Стражей Всевышнего.

Покричав на своих подопечных еще немного, куратор окончательно вымотался от вечерней жары. Сообщив, что все заключенные отряда лишены в этот вечер Конопливита и доступа в секс-барак, он приказал разойтись. Впрочем, известие о запретах расстроило немногих. Старшина отряда, попадавший в исправительные учреждения уже трижды, всегда имел на такие случаи запас таблеток, а несколько трансов уже начали принимать оплату за будущие услуги.

Вскоре перед входом в барак остались лишь Марк с Рустамом и троица местных «блатных».

— Неклюдов, падла, все знают, что это ты! — крикнул с почтительного расстояния их лидер — тощий опиатный нарк.

— Быстро свалили отсюда! — рявкнул Ибрагимов.

— А ты какого за него вписываешься, Рустамчик? — удивился тощий. — Все ведь отгребем из-за твоей сучки!

— Ты вконец тупой?! — шагнул им навстречу Ибрагимов. — Я сказал свалили!

— Да пшел бы ты, — махнул на него рукой тощий и, удаляясь вместе со своими, кинул, — горилла деревенская.

Ибрагимов дернулся было за ними, но передумал. С этими можно разобраться попозже.

— Ну и? — спросил он задумчивого донельзя Марка. — Доигрался? Просто доступа в сеть было мало?

— М-да, интересно все получилось. По-ходу, я попал.

— Что-то не слышно раскаяния, — буркнул Рустам. — Слышь, сегодня я еще за тебя, но завтра ты сам по себе. Я про эти допросы слышал, все дерьмо из тебя вытрясут. Говорят, пытки инквизиции были намного гуманней.

— Делай, что хочешь, — поморщился Марк. — Можешь сдать меня Стражу. Так будет честно.

— Что хоть накопал? Из-за чего будем получать?

— Ничего. Какой-то приказ от Всевышнего. Только он зашифрован личным ключом управляющего. Это что-то очень важное, только Стражи понимают, что его не прочитать. Поэтому не торопятся.

— Вот ты идиот, — восхитился Рустам. — Получить еще два года ни за что.

Марк ударил кулаком в раскрытую ладонь и мрачно улыбнулся:

— Нет. Раз вышла такая хрень, буду сидеть за дело. Файл у меня есть, остался ключ.

Сказав это, он направился в сторону далекого глухого забора, отделявшего административные здания от бараков заключенных.

— Э, ты куда? — окрикнул его Ибрагимов.

— К управляющему, естественно.

* * *

— Ну и какого ты поперся за мной? — топая по дорожке для каров, спросил Марк. — Будешь отговаривать?

Поравнявшись с Марком, Ибрагимов сказал:

— Не буду. Ты мужчина. Решил — делай.

— Тогда чего тебе надо? Ты вообще не при делах. Иди домой

— выйдешь отсюда молодым.

— И весь вечер торчать с теми баранами? — Он мотнул головой назад в сторону барака.

— Тебе с теми баранами жить еще полтора года. Если не будешь ни во что встревать, конечно.

— Не буду, — пообещал Рустам. — Я только гляну, как тебя будут лупить. За «посмотреть» не наказывают.

— Козлина, — беззлобно фыркнул Неклюдов.

— Дурак.

* * *

Перед тем, как наткнуться на злополучную директиву Иджиса, попытаться открыть ее и устроить кипиш, Марк успел как следует покопаться и в облачном аккаунте управляющего и в его личном терминале. По тому, как были сгруппированы файлы, по логам обращений устройства к оперативной памяти, куче мусорных приложений и ужасным тяжеловесным алгоритмам самописных скриптов, Марк сделал вывод, что управляющий — ламер, как называли таких раньше, или, как они предпочитали называть сами себя, обыватель. Дядька этот был уже немолод, больше интересовался вопросами менеджмента и управления персоналом вживую, чем с помощью технологий, и просто пользовался закрепленными за ним устройствами, лишь изредка и не очень удачно пытаясь оптимизировать их работу своими скриптами. Даже Ибрагимов, который окончил лишь обязательный начальный курс образования десять лет назад, очень много с тех пор получал по голове и почти растратил все знания в математике и программировании, был все еще способен накодить куда более изящные пользовательские скрипты или даже написать небольшую, не сложнее древнего DOS, операционку.

В связи с этим открытием и нехваткой времени, Неклюдов сразу отбросил все мысли о попытках добыть ключ с помощью высокотехнологичных методов и решил воспользоваться самым старым и при этом самым эффективным способом получения доступа куда и к чему угодно — социальной инженерией. Скрываться бессмысленно — Страж обязательно вычислит взломщика, — так что лучше просто довести начатое до конца — добыть ключ, расшифровать файл от Всевышнего, скинуть его на сервера хактехников в открытый доступ и получить славу человека, сумевшего первым ухватить одно из бесчисленных щупалец этого спрута, Иджиса, оторвать его и препарировать на

глазах у публики. Нанести Всевышнему всего лишь укол, но укол отравленным острием, способным навсегда развеять ореол таинственности и всемогущества, окружающий эту машину уже свыше века. Ну, а потом останется лишь дождаться Стража, который наверняка примчится намного раньше объявленного времени, и отправиться досиживать свой срок в настоящую тюрьму, после которой можно попытаться начать новую жизнь. Может, даже примут обратно в общину. Конечно, срок накинут, но небольшой, можно вытерпеть. За любой технологичный взлом положено получать полгода. Ни днем меньше, ни днем больше. Таковы правила оптимизированного Иджисом уголовного кодекса, и правила эти не дозволенно нарушать никому.

Убедив себя, что серьезных последствий не будет, Неклюдов с Ибрагимовым прошли через ворота мимо дежурного, не обратившего на них внимания. Лишь стоявший неподалеку Цербер — гибрид мини-танка на воздушной подушке и установки ПРО, — приподнял спаренные пулеметы и тут же опустил стволы в походное положение. В пересменки заключенным был разрешен свободный доступ к корпусам техников и снабженцев, и сейчас как раз было это время.

Однако на входе у двухэтажного здания управленцев путь им преградил офицер службы безопасности.

— К кому? — прозвенел из-за маски шлема стальной голос мужчины, сильно не вязавшийся с его расслабленной позой.

— К управляющему, — ответил Марк.

— Цель обращения?

— Ты, наверное, слышал о небольшом скандальчике. Я его причина.

Офицер сменил позу, чуть собрался, пальцы левой руки запорхали по клавишам или менюшкам, видимым только ему. Ладонь правой сначала коснулась рукояти дубинки, после едва заметного поворота головы к Ибрагимову, она переместилась на рукоять закрепленного на бедре пистолета.

— Назначение устройства в левом кармане?

Неклюдов вытащил секундомер. Самодельный, с оторванной и обрезанной от списанного дрона медиа-панелью и грубым, напечатанном на принтере корпусом, собранным с неровными зазорами. Марк втопил одну из двух кнопок, и на дисплее замелькали цифры.

— Мы занимаемся спортом, с этой штукой удобнее.

Помедлив, получая указания, офицер отступил от входа, двери автоматически разъехались.

— Проходи. На третий этаж.

Неклюдов шагнул в здание, Ибрагимов двинулся следом, но

уперся грудью в ладонь офицера.

— А ты куда?

— А-а-а… э… — замычал Рустам. Дальше этого момента он не продумал.

Марк глянул на друга. Можно отделаться от него прямо сейчас — это самое разумное. Но идти одному страшновато.

— Ну чо, — изображая злорадство, кинул Марк Рустаму, — не обломится тебе ничего. Зато прославишься стукачем.

Офицер мгновенно отступил в сторону.

— На второй этаж, оба.

Легкость, с которой удалось пройти к управляющему фермой, даже удивляла. Видимо, уж очень сильно не терпелось тому посмотреть на виновника скандала, уничтожившего его карьеру. И никто не ждал продолжения неприятностей. Бдительность должны блюсти другие, там, в трехстах километрах отсюда, где голодные арабы, зомбированные своим Пророком, уже пол-века продолжали вялые атаки на ферму. Здесь же, на территории подконтрольной Всевышнему, просто не могло случиться ничего сверх того, что уже произошло.

Кабинет управляющего располагался в конце коридора за прозрачными двухстворчатыми дверьми.

— Ты, садись здесь, — указал на ряды стульев Ибрагимову сопровождавший их офицер. Сам встал напротив, повернулся к Марку. — Внутрь, тебя ждут.

Кабинет был большим и почти пустым, если не считать рядов с кадками низких хвойных растений, выстроившимся вдоль огромного, во всю стену, окна. Перед окном стоял массивный стол, обычный, из красного дерева, за ним в кресле сидел седоволосый пожилой мужчина и с ненавистью глядел на посетителя. На столе рядом с беспроводной зарядкой стояла позолоченная табличка с именем Патрик де Грааф.

Отодвинув стул, Неклюдов, засунув руки в карманы, уселся, закинул ногу на ногу и с усмешкой уставился на де Граафа. Пальцы в кармане нащупали секундомер и зажали две кнопки одновременно.

После продолжительного молчания, де Грааф наконец осведомился:

— Ну?

— Сдаваться пришел, — пожал плечами Марк.

— В твоем деле нет сведений о техническом образовании. Только семь лет общего обязательного.

— А в моем деле написано, что я из общины староверов?

Де Грааф нахмурился, глянул за спину Марка. Обернувшись, тот только сейчас заметил в углу кабинета безопасника и

молодого парня, судя по нашивке на комбезе, техника.

— Это, — пояснил техник, — религиозное сообщество техногиков на территории бывшей России. Значительная часть самых известных хактехников — выходцы из этой общины. Говорят, они очень хороши. Они верят, что в математических формулах и парадоксах закодированы послания бога и что если заниматься их решениями, то можно постичь Вселенную. Община возникла, когда технари, недовольные цензурой и патентами, переселились в Сибирь поближе к границам с азиатами, чтобы иметь возможность обмениваться с теми разработками без контроля со стороны Иджиса. Правда, эту лазейку им вскоре перекрыли, они самоизолировались и, чтобы не деградировать и не выродиться, сплавили вместе науку и религию.

— О как! — удивился де Грааф. — Всегда думал, что эти общины населяют полуграмотные чудики. Как «зеленые» или Амишы. А у нас тут, оказывается, сидит практически монах Шаолиня. Только вместо кунг-фу у него логика и алгоритмы.

— Как сказал бы мой учитель, — пожал плечами Марк, — пути Господни неисповедимы. — В кармане завибрировал зарядившийся «секундомер». — Но я здесь не обсуждать свое прошлое. Каюсь, я сильно накосячил и не хочу усугублять.

— Чего еще натворил? — напрягся управляющий.

— Когда понял, что файл Всевышнего не расшифровать, я решил сгрузить его в общий доступ. Алгоритмы шифрования и метаданные тоже представляют интерес.

Белая сорочка де Граафа вдруг начала покрываться пятнами пота.

— Невозможно! — заявил техник. — Многоуровневая аутентификация. Кроме вашего личного ключа, господин де Грааф, для расшифровки требуется ваш терминал. Файл не только не запустится на другом устройстве, он там даже никогда не соберется в правильной последовательности. Разные файловые системы. Иджис работает со своей, насколько мне известно, утечек не происходило.

Марк кинул через плечо презрительный взгляд.

— Файловая система Иджиса работает под виртуальной машиной, управляемой отдельным процессором с аппаратной защитой. Машина включается только когда такой ключ, — он указал на очертания прямоугольника на груди под прилипшей к телу рубашкой управляющего, — вставляется в порт терминала, как этот на столе. Таких процессоров выпущено ровно десять тысяч плюс сто одной мерзкой конторкой под названием Эппл. Сотня, как я понимаю, запасная. Более того, семейства подобных процев выпускаются каждый год в количестве десять тысяч плюс

сто. Все той же Эппл. Отсюда первый вывод: Иджис каждый год меняет файловые системы и протоколы шифрования и связи. Второй вывод: пул людей, напрямую подчиняющихся Иджису, людей, критически важных для управления Северо-Атлантическим Союзом, составляет десять тысяч человек. — Он высокомерно усмехнулся. — Что, неужели вы думали, что никто из этих десяти тысяч никогда не терял терминал? Всем давно известно про эту защиту. — Стараясь выразить как можно больше презрения, Марк обернулся к технику. — А ты, умник, иди лучше поищи мои ретрансляторы. Я полтора месяца спокойно шастаю по внешней и внутренней сети, а у вас ни малейшего подозрения. Тебя, кстати, если не ошибаюсь, зовут Йозеф Хантаргер. Через твой аккаунт я тоже много где побывал. Кстати, пока ты здесь в Сахаре, твоя невеста в Гамбурге снова трахается с Питером.

Техник вскочил, но поднятая, как шлагбаум, рука безопасника удержала того от поспешных действий.

— А теперь к главному, — начал Неклюдов. — Я больше недели лазал по вашему, Патрик, терминалу, нашел в логах команды на включение процессора Иджиса и понял, что мне таки свезло оказаться рядом с нужным устройством. Про защиту я знал, поэтому решил поступить проще. Раз файл не стащить из памяти устройства в оригинале, я решил копировать максимум возможного с устройства вывода, с дисплея. Давно, когда все устройства вывода были исключительно дисплеями, были популярны вирусы шпионы. Они очень и очень простые в исполнении и очень легко прячутся, так как вредоносного кода в них нет. Ну, я написал и поместил один такой в вашу систему. С тех пор при каждом включении терминала и активации нового процесса шпион начинал делать снимки экрана. Мне нужно было лишь дождаться, когда вы наконец включите виртуальную машину. Тогда бы я стал первым и единственным человеком, сумевшим подглядеть за Всевышним. Вот только я не учел, что включение виртуальной машины означает автоконнект Всевышнего к вашему терминалу. В общем, когда я наконец дождался инфы от Иджиса, оказалось, что вместе с ней в терминал заглянул и сам этот гад. Естественно, он заметил посторонний процесс. Так как я пользовался ретрансляторами, вычислить меня он не смог, поэтому поднял тревогу и послал сюда Стража. И теперь у меня вместо нужной инфы куча какого-то мусора и крупные неприятности. — Марк широко улыбнулся де Граафу и с выражением лица «а я все знаю» сделал главный ход. — Вернее, не у меня одного.

По выражению ужаса на лице управляющего, Неклюдов понял, что одна единственная карта, бывшая у него на руках,

оказалась козырным джокером, и он сыграл им идеально. На терминал де Граафа он сумел вломиться лишь несколько часов назад, о вирусе-шпионе задумался чуть позже, а скрытый спящий процессор Иджиса было найти нереально, если б в момент его, Марка, присутствия, управляющий не активировал его. Тогда-то до Марка наконец дошло, на какой именно терминал он вломился. А когда до него это дошло, мгновение спустя после активации, стало слишком поздно — невидимые пальцы Всевышнего уже сомкнулись на его горле.

— В-выйдите отсюда, — велел де Грааф своим людям.

— Сэр? — удивился безопасник.

— Вон! Оба!

Неплохо, решил Неклюдов, совсем неплохо. Раз де Грааф так испугался, значит, компромат на него намного более весомей, чем казалось. Те фотки, найденные в личных файлах управляющего, были хоть и омерзительными, но довольно невинными с точки зрения закона. Даже не порно, просто эротика в исполнении малолетних мальчиков и девочек. Ну и что, что какой-то старик, пусть и приближенный к Иджису, иногда дрочит на голых детишек. Удар по репутации, не более. При Иджисе любой получил возможность удовлетворять все свои фантазии. Секс-куклы в виде разлагающихся трупов, калек, овечек, старушек, детей и так далее продавались свободно, появились даже раньше Всевышнего и уже давно не вызывали отторжения масс. На нынешнем уровне развития технологий эти куклы были неотличимы от живых или мертвых людей или животных. Некрофилов и зоофилов они точно устраивали, и преступления на этой почве регистрировались крайне редко, пара случаев в год на двадцать миллиардов населения САС — это ничто. Количество нападений на людей и детей также снизилось, и очень сильно. Но эти преступления не исчезнут никогда. Пусть кукла почти как живая, пусть она умеет не только поддержать простой разговор, но и кричать, визжать, сопротивляться и истекать кровью — кукла, в отличии от живого человека, не могла дать насильнику и садисту самого притягательного для него — ощущения безграничной власти над жертвой.

И этот с виду приличный старикан, догадался Марк, именно из тех, кого не устраивают суррогаты. И совсем недавно он что-то натворил или собирался что-то натворить. Неважно. Главное, престарелый педофил свято верил, что в руках у Марка находится его жизнь.

Когда двери за подчиненными де Граафа сомкнулись, управляющий просипел:

— Что ты хочешь?

— Остаться здесь. Не хочу в клетку.

— От меня ничего не зависит. Это решать Стражу и суду. Но я, — подавшись вперед, зашептал, — могу устроит тебе побег. В Независимые воды, например.

— Ага, и Всевышний объявит за меня награду и через несколько дней эти независимые притащат меня обратно. К тому же что-то мне подсказывает, что если соглашусь на побег, меня могут найти не в Независимых водах, а где-нибудь под ними. Не, не пойдет.

— Тогда что? Деньги? Могу обеспечить тебя на всю жизнь. Или, — он прищурился, — ты же быстро освободишься. Хочешь потом в наш, э-э-э, клуб? Могу обеспечить приглашение.

В какой клуб, чуть не ляпнул Марк, но сразу сообразил. От ощущения той мерзости, к которой он случайно прикоснулся, парня затошнило. Захотелось плюнуть на все секреты Всевышнего, запрыгнуть на стол и заехать носком ботинка по зубам старикана. Будь на его месте Рустам, подумал Марк, горец уже доламывал бы последнюю косточку в теле де Граафа.

— Терминал и ключ, — сквозь стиснутые зубы выдавил Марк. — Активируй их и давай сюда.

— З-зачем?

— Буду спасать себя от клетки. Заодно придется впрячься за тебя.

— Но что ты будешь делать?

— Ты недостаточно грамотен, чтобы понять.

Де Грааф подчинился. Авторизовавшись, управляющий толкнул терминал к Марку, сорвал с шеи ключ и кинул его через стол.

С секунду помедлив, стараясь запомнить этот момент навсегда, Марк вставил ключ в порт. На дисплее открылось окно, побежали строчки диагностера и загрузчика виртуальной машины. Вытащив из кармана секундомер, Марк положил его на угол терминала, на радиомодуль.

— Это что?

— Секундомер. Заодно глушилка. Нам же сейчас не нужен здесь Всевышний, правда? Собрал его, чтобы выводить из строя дроны. А то вместо новых и нормальных постоянно выдаете залатанных и глючных.

В окошке виртуальной машины появились пиктограммы текстового файла и ключа. Открыв ключ, скопировав код, Марк кинул его в текстовый файл. Появилась, быстро заполняясь, строка загрузки.

— Ну привет, дорогуша, — промурлыкал Марк, полностью забыв обо всем, кроме дисплея терминала. — Почти двадцать лет

за тобой гонялся. И вот поймал.

— Э-э-э, Неклюдов, — почему то прошептал де Грааф.

Файл открылся. Объемный. Страниц двадцать. Оглавление: директивы оборонительных мер. Марк бегло пробежался по тексту глазами.

В связи с нарастающим напряжением… Азиатский Союз проводит диверсионно-подрывные мероприятия… Неявная конфронтация длится девять месяцев…

Ого, удивился Марк, война с азиатами уже в самом разгаре, а никто не в курсе. Ладно, дальше.

— Неклюдов, — погромче позвал де Грааф.

Солнечная ферма объект стратегического значения… Возможно нанесение ракетно-бомбовых ударов… Стягиваются дополнительные силы обороны… Провести тренировочные мероприятия среди служб фермы… Подготовить площадки для размещения средств ПВО. И так далее на всех страницах.

Документ сам по себе интересный, но гораздо важнее не его содержание, а его, документа, свойства и метаданные.

Марк открыл дополнительное окно. Нахмурился. Если б в строчках везде стояли прочерки, было бы куда понятней. Пропустив удар, сердце вдруг забухало в груди. В этих цифрах есть что-то знакомое, только вот никак не вспомнить, где их видел. Иджис вдруг стал намного ближе и знакомей. Этими цифрами он рассказывал о себе куда больше, чем Марк надеялся узнать. Было б время подумать, пару лишних часов. Но времени нет. Де Грааф уже занервничал, так что нужно просто скопировать все данные и отправить их хактехникам. Честь препарировать Всевышнего достанется други.

— Марк! — заорал де Грааф.

— Ну что еще?

Оторвал взгляд от дисплея — и похолодел. Прямо за окном висел дрон-чистильщик и очень внимательно следил за ним подсвеченным красным объективом камеры. А позади дрона в ореоле огненного цветка реактивной струи прямо в окно неслась выпущенная Цербером ракета.

— Охренеть, — прошептал Марк и по давно забытой привычке попытался перекреститься.

За несколько метров до окна ракета вдруг изчезла, оставив уходящий вертикально вверх инверсионный след.

В сотне метров от здания со скоростью свободного падения в песок воткнулась здоровенная, метра два, металлическая сфера, вздыбив вокруг себя стены песка и пыли. От удара по зданию пробежала волна вибрации.

В тоже мгновение дисплей терминала взорвался в лицо

Марка снопом разноцветных искр.

Глава 7. Страж

Когда техник и безопасник вышли из кабинета управляющего, Ибрагимов наконец поверил, что у Марка может что-то получиться. Когда же де Грааф протянул тому терминал, Рустам не мог поверить своим глазам — мелкий засранец заставил подчиниться одного из самых могущественных чиновников на этом континенте. Чем же он так его зацепил?

— Йозеф, — обратился к технику вышедший с ним из кабинета безопасник, — что дрон-чистильщик забыл на территории администрации?

Присмотревшись, Рустам увидел парившего за окном дрона.

— Заглючила навигация, наверное. — Техник вынул из кармана киберочки, нацепил их. — Сейчас разберусь.

— Может, это подарок от арабов?

— Не, дрон наш, сто процентов. — Пальцы техника забарабанили по видимой только ему клавиатуре. — Странно, не отзывается…

— Ох, черт, — выдохнул безопасник и, увлекая с собой Йозефа, кинулся на пол на живот.

То, что странная штука, приближающаяся к окну, была ракетой, Рустам понял только тогда, когда она вдруг отвернула вертикально вверх и прыгать на пол было уже поздно.

Затем что-то круглое и большое упало во дворе, отчего земля содрогнулась. И тут же внутри кабинета что-то сверкнуло, а Марк, сидя на стуле, упал вместе с ним на спину и схватился за лицо.

Стекло за спиной управляющего осыпалось миллиардом сверкающих осколков, в створке дверей, ведущих в коридор, появилась аккуратная дырочка. Оргстекло завибрировало на одной высокой истончающейся ноте. Когда она превратилась в ультразвук, створка рассыпалась, стал слышен затихающий рев спаренных пулеметов Цербера.

— Что происходит? Арабы? — продолжая сидеть на стуле, спросил Рустам у валяющихся на полу безопасников и техника. Те не ответили, даже не шелохнулись. — Эй, вы в порядке, парни?

Снова молчание.

Встав, Рустам подошел к неподвижным телам. Даже не потребовалось их переворачивать или щупать пульс. Эти трое дышали глубоко и ровно, один даже начал похрапывать.

— Да что за хрень? — Он направился внутрь кабинета. — Марк?! Ты там живой?

Застонав, Неклюдов сел. Все лицо было в крови, будто его

макнули в красную краску. Ничего не видя, Марк замахал перед собой руками, пытаясь нащупать хоть что-нибудь.

— Рус? Кажется, мне нужны новые глаза…

— Сиди, я сейчас… — Ибрагимов осекся, увидев как в кабинет на втором этаже запрыгнул лысый мужик в шортах, шлепках, цветастой гавайской рубашке и сумочкой через плечо, в которую аккурат поместился пистолет, чья рукоять торчала между не до конца застегнутой молнии. И Рустам был уверен, что этот человек не спустился с крыши по веревке, не забрался по стене, а именно запрыгнул на высоту трех метров — траектория не оставляла в этом сомнений.

Мужчина выглядел лет на сорок, европеец, очень бледный, несмотря на пляжный прикид. Не атлет, просто спортивного телосложения. Он улыбался, но взгляд серых глаз был тверд и суров. На вид обычный человек, только череп, начиная от верха лба и заканчивая на затылке, охватывала какая-то штука. Как будто ему под кожу загнали идеально повторяющий контур черепа шлем шириной с сантиметр. Под волосами или кепкой эту штуку было бы трудно заметить.

Рустам вдруг заулыбался, почувствовав азарт. Вот противник, которого он так давно искал. Только в схватке с таким можно понять, чего ты достиг. Но напасть на Стража на задании было бы верхом тупости.

Марк наконец догадался протереть глаза, и один из них даже не пострадал. Сидя, он не видел Стража, но заметил торчащий со стола краешек оплавленного терминала. Поднимаясь, схватил его.

— Марк, здесь Страж.

Рванув к столу, Страж схватил одной рукой столешницу и не напрягаясь, лишь чуть развернув корпус, вышвырнул тяжеленный предмет мебели из окна. Теперь между ним и Марком, успевшим схватить терминал, лежал отключившийся де Грааф.

— Эй-эй-эй, — впервые подал голос Страж. — А эта штучка моя.

Прыгнув к наполовину ослепшему парню, Страж одной рукой вцепился в терминал, а другой пробил Марку в грудь. От столь мощного удара Неклюдов с места побежал спиной вперед к Рустаму. Запнулся и оставшиеся пару метров проскользил на спине, схватившись за грудь.

По выпученным глазам, открывающемуся в попытке хватануть воздуха рту Ибрагимов определил, что Страж только что остановил сердце его друга. И былой азарт сменился холодной яростью и презрением. Нет, этот человек не воин, обычный убийца.

— Замри! — кинул Страж, осматривая терминал. — Я сотрудник службы безопасности Иджис при исполнении. Любое движение будет приравнено к сопротивлению.

— И что ты мне сделаешь, урод? — оскалился Ибрагимов. — Пристрелишь безоружного? Думаешь, твой хозяин одобрит? Мог бы убить, дал бы долететь ракете.

Приподняв Марка, горец со спины продел руки под подмышки друга и, подняв и оторвав того от пола, как можно шире расправил плечи, расправляя заодно плечи и раскрывая грудную клетку парня. Сработало, Неклюдов наконец сумел сделать вдох и закашлялся. Значит, не инфаркт, просто сердце свело судорогой. Возможно, Страж не хотел убивать, только покалечить. Судя по его неестественной силе, мужик способен вырвать сердце даже у медведя.

— Я ведь предупреждал, — обреченно произнес Страж. — Ну почему никто никогда не слушается?

— Ты себя видел? — Рустам опустил Марка на пол. Ноги того подкосились, и он шлепнулся на задницу. Ибрагимов встал между ним и Стражем. — Ты б еще костюм панды напялил, клоун.

— Ну извини, не успел переодеться в парадное. Я сегодня никуда не собирался. — Страж отшвырнул терминал, передвинул сумочку на живот и вытащил пистолет. Очень необычный, в толщину не шире ладони, а на месте дула три миниатюрных отверстия в форме треугольника. Даже не целясь, нажал на курок. Игломет чавкнул пневматикой, Марк ойкнул, закатил глаза и растянулся на полу. Из его лодыжки торчали три стрелки, по длине и толщине точь-в-точь зубочистки. — Жить будет, оружие нелетальное. Даю тебе последнюю возможность уйти.

Ибрагимов скрестил на груди руки. Этот мужик бесил. Вообще ни на что и ни на кого не обращает внимания. Настолько уверен в себе, что даже не повышает голоса. А любой коп или безопасник на его месте орали бы во всю глотку, и им было бы не стыдно подчиниться.

— Уйду, когда придет врач, — решил Рустам.

— Никто не придет. Я отключил всех носителей нейрочипов в этом корпусе. Остальные не сунутся, они уже предупреждены обо мне.

— Тогда сам отнесу его. С тобой не оставлю.

— Понятно, — устало вздохнул Страж, — гражданин Рустам Ибрагимов, я помещаю вас под арест. Лицом в пол, руки за спину.

— Иди в жо…

Договорить не получилось. Страж уж как-то очень быстро оказался прямо перед горцем. Лишь первобытный инстинкт позволил отдернуть голову и избежать удара. Под второй

пришлось подставить плечо. Кулак прошелся по нему вскользь, но кость хрустнула, рука обвисла вдоль тела.

Дальше Ибрагимову пришлось отступать, практически убегать. Страж пер на него, как танк, ни на секунду не снижая давления. Молниеносные удары летели отовсюду. В голову прямой, в голову боковой, в туловище боковой, апперкот, в туловище прямой, снова в голову, затем в тело. Страж даже не пытался защищаться, просто шел и молотил перед собой руками. Шлепки на ногах, скользкий пол и серьезный риск поскользнуться не давали ему подключить ноги, и только это позволяло Ибрагимову ускользать от ударов. Пару он все же пропустил, легких, едва доставших его. Но таких мощных, словно на Страже был экзоскелет.

Вскоре Рустам уперся спиной в стену. Два удара в живот едва не заставили его выплюнуть желудок, но он дождался нужного ему движения. Легкий подшаг и поворот корпуса обозначил руку, которую использует Страж. А разница в росте вынудила его чуть поднять глаза.

Левая Стража полетела по прямой в челюсть. Еще раньше Ибрагимов уже начал смещаться в сторону, уходя за плечо атакующей руки Стража, начиная разворот вокруг своей оси и запуская по длинной дуге локоть в голову противника.

Получилось идеально, как в поединке с Климским. Кулак Стража врезался в стену, его лицо пересекла тень боли. А крутанувшийся мимо его поднятой руки Рустам со всей дури впечатал локоть в висок Стража.

И пол с угрожающей скоростью начал приближаться к лицу Ибрагимова. Вот мраморные плитки с разноцветными прожилками вкраплений заполнили собой все. И растворились во тьме….

* * *

— Эй, Рус, — пихал его кто-то в бок. — Э-эй, ты как?

— Плохо, — промычал Ибрагимов и разлепил глаза. Они все так же находились в кабинете де Граафа, но управляющего или уже унесли или ушел сам. На пустыню опустилась ночь, на крышах зданий, на столбах забора светились фонари. Марк сидел рядом у стены, его левая рука была прикована к правой лодыжке. Рустам пошевелился — скован тем же манером.

Страж притащил из коридора стул, где-то достал аптечку и теперь сидел перед заключенными, поливая синтетической кожей ободранные костяшки кулака. Пока спрей еще не полностью

покрыл рану, в ней отчетливо сверкнула розоватая кость. Вся левая сторона лица Стража представляла собой сплошной кровоподтек. Но убрать его — дело нескольких часов.

— Странно, что нужен только спрей, — заметил Рустам. — Думал, ты, шакал, побегаешь пару недель с регенератором.

— Титан, — пояснил Страж. — Ты же не думал, что оперативником в корпусе Стражей может стать немодифицированный человек?

— Не понял, — встрял Марк. Он уже чуть очистил лицо, но правый глаз не открывался. — Что тут вообще произошло?

— Этот мудак полез драться, когда ты отключился. Ну, я его слегка помял.

— Драться? — удивился Марк. — Страж?

— Можете обращаться ко мне Славко МакАдамс. Последние полгода, точнее немного дольше, я был вашим куратором, и знаю о вас больше, чем вы сами знаете о себе. — Страж закончил поливать кулак спреем, кинул баллон в аптечку и достал заживляющий гель. — Такие, как господин Ибрагимов, признают и уважают только силу. И для них же лучше, когда им четко указывают их место в, — он щелкнул пальцами, — скажем, пищевой цепи. Пришлось немного поучить его, объяснить ему, кто есть кто.

— Хреновый из тебя учитель, — проворчал Рустам. — С парой кастетов и щитков я бы тебя уделал.

— Признаться, я удивлен. Подловил ты меня. Не ожидал такого от натурала. — МакАдамс ощупал синяк на пол-лица. — Впрочем, неудивительно. Из всех моих подопечных вы были самыми многообещающими. За более, чем двадцать лет службы. Однако сами все просрали.

— Слышь, задолбал, — разозлился Марк. — Какой куратор? Что мы просрали?

Страж выдавил на пальцы гель и принялся втирать в синяк. Снисходительно улыбнулся:

— Шанс быть принятыми в Корпус Стражей службы безопасности Иджиса. На должности младших оперативников, естественно. Хотя не исключено, что после обучения вам обоим было бы предложено пройти модификации, как у меня, и сразу подняться до старших. Время-то сейчас неспокойное, не обойдется без потерь. Понадобятся новые кадры.

Слова Стража ввергли обоих в ступор.

— Прикалываешься? — просипел наконец Марк.

Тон Стража сменился со снисходительного на насмешливый.

— Неужели вы думаете, что ваше звено сложилось само собой? Каков был шанс, что один талантливый хактехник и

опытный боец со схожим прошлым и дополняющими друг друга психологическими профилями окажутся в одной камере по чистой случайности? Ноль. Вижу вы слегка возмущены. Только без криков, давайте поясню, как все это работает. — МакАдамс закрыл тюбик и кинул его в аптечку. — Наше общество довольно миролюбиво и зависимо. Мы слишком цивилизовались, обленились и отожрались. Сейчас, при Иджисе, мы все живем как патриции за десяток лет до падения Рима. Можно не работать, всю жизнь жрать наркоту и не сдохнуть с голода. Потому что есть излишки пищи, запас на всякий случай, который периодически просрочивается и выкидывается. Напиши заявку, и часть этих излишков будет направлена тебе. Или купи реактивы и синтезируй жратву сам. Жилье доступно каждому работающему, есть бесплатные муниципальные апартаменты, микроклимат северных городов позволяет жить на улице, а до субтропического или тропического пояса можно доехать за пару часов хоть из Антарктиды. Полностью удовлетворен инстинкт выживания — это раз. Теперь инстинкт размножения. Сейчас все достаточно раскрепощены, так что с потрахаться обычно проблем нет. Если человек совсем урод, есть секс-куклы. Если кто-то в кого-то влюбился, а тот не дает, можно заказать себе его копию в виде куклы. Или, если есть деньги, можно купить или даже выкрасть у объекта страсти его генетический материал и через год вырастить для себя его или ее точную копию. Это незаконно — создание разумных клонов запрещенно — и аморально, стоит дорого и чревато неприятностями, если клону не захочется иметь никаких отношений с его, клона, заказчиком. Но обычно клон благодарен за жизнь, испытывает к своему заказчику теплые чувства, зависим от него и, естественно, стремится поскорее познать все радости жизни. Пара складывается, а дальше или любовь до гроба или однажды разбегутся. Скажу вам по секрету, многие звезды и идолы шоу-бизнеса непрочь подзаработать на торговле своими генами. Есть даже преступные группировки, специализирующиеся на краже генетического материала. Вдобавок совсем необязательно иметь пару, чтобы у тебя появилось потомство. Идешь в лабораторию, сдаешь сперму или яйцеклетку, выбираешь из каталога донора и вуаля, через девять месяцев ты отец — или мать-одиночка. Полностью удовлетворен инстинкт размножения — это два. Инстинкт к доминированию? Тоже нет проблем. Создавай клан в игре или общество помощи пингвинам и властвуй. А если чего-то хочется, но нет сил или способностей достичь цели — тогда или психотерапия или Конопливит. Нельзя полностью удовлетворить инстинкт людей к доминированию, но со стрессом от неспособности подняться вверх по иерархической

или карьерной лестнице мы справились. Это три. Социальное равенство? Да все практически равны. Конечно, есть богачи, пятьдесят процентов всего капитала САС до сих пор сосредоточены у одного процента его населения. Только эти люди уже давно не способны влиять на политику, Всевышний отодвинул их от власти и заставил их капиталы работать на благо САС. Так что богатые люди есть, но их не заметно. Это четыре. И наконец, инстинкт самосохранения, уверенности в завтрашнем дне, безопасности. Здесь Всевышний потрудился на славу. Созданная им система контроля приводит некоторых людей в ужас, но никто не может отрицать тот факт, что эта система крайне эффективна. Можно нарушать по мелочи и очень долго — за всеми не уследить. Тем более право на частную жизнь закреплено в Конституции САС. Иджис может залезть на устройство и аккаунт любого гражданина САС, заглянуть в его жилье, но он не станет делать это без веской причины. У него нет права вторгаться в личное пространство граждан. Поэтому мелкие преступники могут работать и годами оставаться безнаказанными. Однако когда преступление публичное или пишется заявление в правоохранительные органы, тогда Иджис вычислит и выследит любого, разберется в любой мошеннической схеме. Ни один убийца и насильник не останется безнаказанным, пропавшие будут найдены, украденные ценности возвращены. Процент нераскрытых преступлений стремится к нулю. Все чувствуют себя в безопасности. Инстинкт жить в стабильном безопасном обществе удовлетворен. Это пять. Справедливость — это кредо Иджиса, один из заложенных в него принципов. Поэтому, господин Ибрагимов, не только вы один отбываете наказание за нападение. Та стервозная баба, которая двинула тебя по яйцам и из-за которой ты здесь, тоже сейчас чистит солнечные батареи. На Северном полюсе. Да, у нас диктатура, но это диктатура законов, подавляющее большинство она устраивает. На данный момент мы имеем самое богатое, справедливое, преуспевающее и счастливое общество из всех когда-либо созданных на Земле за всю ее историю. — Страж хмыкнул. — Правда, то, что Иджис вымел и изолировал от общества огромное количество преступников, имело неожиданные последствия. Очень неприятные последствия, так как большинство преступников являются носителями гена, отвечающего за способность человека к агрессии и насилию. До Всевышнего в САС примерно пять процентов людей были способны по собственной инициативе убить человека. После Всевышнего и случайно организованной им же селекции таких людей осталось меньше процента. А такие люди иногда полезны.

Особенно в трудные времена. Реальность сегодня такова, что армии больше не нужны. Толпы людей на марше с оружием — это больше неактуально. Самая кровопролитная война, Патентная, унесла жизни всего десяти миллионов человек. Причем никто тогда не стеснялся кидаться друг в друга атомными ракетами. Эта же война, которая идет сейчас — первая настоящая война Цифрового века, — ведется одиночками и о ней вряд ли станет известно до ее окончания. Гражданам САС не нужно о ней знать, от граждан САС вообще ничего не зависит. Зато поднявшаяся истерия может негативно повлиять на ее исход.

Еще до моего рождения Всевышний спрогнозировал методы, которыми будет идти противостояние с азиатами, и заключил, что со стороны врага это будут диверсии техногенного и социального характера. Будут работать одиночки и небольшие группы диверсантов, и главной целью должен стать Иджис. Прогноз сбылся. Правда, мы подготовились, ответом стало создание Корпуса Стражей. Но после его создания сразу всплыла проблема кадров. Первая группа Стражей была набрана из полицейских и подающих надежды гражданских. Великолепные тесты, рекомендации, характеристики, все красавцы, спортсмены и умники — в общем, выбрали лучших, подготовили, провели учебный бой… Это был грандиозный провал. Предполагалось и не без оснований, что азиатские диверсанты будут фактически смертниками, что они будут биться с яростью, грязно. А мы, оказывается, подготовили против них суперкопов, всех из себя правильных и законопослушных. Посылать таких на смертников — это все равно что пытаться убить льва, забрасывая его кусками говядины. Тогда стало ясно, что под покровительством Иджиса население САС вместе с геном насилия утратило способность к самообороне. А так как по конституции САС гендизайнеры имели право на манипуляции только с генами отвечающими за здоровье и внешние признаки, от идеи взращивать Стражей в лабораториях пришлось отказаться. Кадровая политика подверглась пересмотру, и Всевышний начал искать людей с особыми талантами. Технически грамотных, самостоятельных, инициативных и, самое главное, способных убивать и пытать без приказа сверху. — МакАдамс прищурился. — Таких, как вы двое. И среди людей, способных сегодня преступить закон, оказалось довольно много персон с нужными нам качествами. Половина Стражей набрана из безопасников и полицейских, выпертых со службы за буйный нрав, вторая половина найдена в исправительных лагерях и тюрьмах. В тот момент, как на вас были заведены дела и вы были признаны потенциально-пригодными для корпуса Стражей, вы попали под мое

наблюдение, и я приказал свести вас вместе, попробовать вас в качестве звена. То, что встретились именно вы, это чистая случайность, так в тот день сошлись звезды. Если бы ты, Рустам, не вмазал той лезбухе, ты, возможно, до сих пор гулял бы на свободе, а с Марком вместо тебя сидел кто-нибудь другой. Но вы великолепно сработались, и были лучшим звеном из вообще всех курируемых на данный момент кандидатов. А это тысячи человек. — Лицо МакАдамса вдруг покраснело, он явно начал заводиться. Тыча указательным пальцем в свое колено, он продолжил: — То, что я говорю сейчас, я должен был говорить вам завтра. Я готовил эту речь на завтра! Вместе с приказом о переводе вас в тренировочный лагерь! Я собирался пригласить вас в тот мир, которому вы принадлежите, который вы искали, но никак не могли найти среди обывателей! — Он порывисто вскочил, опрокинув стул. — А вы, дебилы, атаковали то, что я должен защищать! Того, кому я обязан свободой! Того, кто дал мне смысл жизни!

Подскочив к Марку, схватив его за грудки, Страж вздернул парня от пола, прижав спиной к стене. Один зрачок карего глаза МакАдамса был расширен, другой сжимался и разжимался, как фокусирующаяся диафрагма объектива. Приблизив лицо к парню, Страж зашипел:

— Ты! Ты какого хрена поперся геройствовать?! Этой черты нет в твоем профиле! Решил прославиться?! Первый взломщик Всевышнего?! О чем ты вообще думал, дебил?! Ну и что, много ты узнал?! — Оставив Марка висеть на одной руке, второй он зло двинул парня под ребра, сломав одно или парочку. Тут же отшвырнул Неклюдова в сторону и опустил пятку на колено сидящего рядом и уже готового вмешаться Рустама. — Сидеть! — Обхватив с затылка шею Ибрагимова, МакАдамс силой пригнул голову того почти к самому полу. Наклонившись над ним, спросил: — Ты когда-нибудь пытался думать за себя сам?! Зачем влез в это?! Ты не настолько тупой, чтобы не понимать, что твой дружок собирался втянуть тебя в очень мутное дело?! Так хотелось померяться со мной членом?! Думал, я залез в баллистическую капсулу без защиты, пролетел за пять минут тысячу километров и чуть не сдох при приземлении от перегрузки, чтобы в игрушки тут с тобой поиграть?! Дал бы придурку сдохнуть, подчинился бы, получил бы возможность сражаться с настоящим врагом, биться за свою страну, родину, за правое дело! — Он отпустил Рустама, отступил и, взяв себя в руки, покачал головой. — Как же вы меня разочаровали.

Ибрагимов прищурился. Все-таки верной была первая мысль — Страж пытался убить Марка. Он не мог просто взять и

хладнокровно расправиться с гражданином САС без веского повода — Иджис бы не одобрил. Зато излишняя жестокость и как бы случайная жертва определенно не принесли бы ему серьезных неприятностей.

— Я боец, не убийца! — Рустам плюнул, целясь в голую голень Стража. Но промахнулся.

— Ты кретин, а не боец, — вздохнул МакАдамс. — Итак, граждане Неклюдов, Ибрагимов, вы признаны негодными к несению службы в корпусе стражей. Ваши личностные качества вынуждают признать вас потенциально опасными для системы Иджис-Семь. Через примерно пять минут я передам вас службе приставов и вы будете переправлены в Новый Петроград, где предстанете перед судом. В связи с новыми совершенными вами правонарушениями, ваши дела будут пересмотрены. Вопросы?

Свернувшись калачиком, не в силах оторвать голову от пола из-за боли в ребрах, Марк, отчего-то очень довольный собой, прохрипел:

— Ага, есть один. Ты недавно спросил, много ли я узнал про Всевышнего. Только что дошло, что один его секрет я таки раскрыл. Я все думал и думал, что же это за шляпа у тебя на башке. Думал, защита. А тут увидел твой киберглаз, и все сошлось.

— Мне, кстати, тоже интересно, — признался Рустам.

— Это вид нейрочипа, дополнительная внешняя память, расширяет возможности мозга к запоминанию. Я видел такие штуки, но они обычно миниатюрные. Позволяют навсегда сохранять важные воспоминания и инфу. Как облачное хранилище, или обычная аппаратная память устройств. Только с этим чипом обращение к памяти в разы быстрее. Ты помнишь все и воспоминание никогда не исказиться. На мелкий чип можно записать всю свою жизнь. — Марк закашлялся, выплюнул сгусток крови. — Но его чип нереально емкий. Человеку столько не нужно. — Кривясь, Неклюдов сел. — Всегда мечтал подобраться к серверу Всевышнего. И вот один из них прямо тут. Этот лысый носит в себе копию Иджис. Судя по объему, вместе со всем накопленным им опытом. Интересно, сколько вас таких? — Заметив, как дернулся глаз МакАдамса, парень засмеялся, на губах запузырилась кровь. — А что, отлично придумано. Сервер мобильный, может удрать или вычислить и навалять любому взломщику, источник питания не нужен. Носитель пожрал, вот и энергия. А связываются и синхронизируются они между собой по вирусному протоколу. То-то я думал, почему файл управляющему пришел сразу с нескольких источников… Ну как, Славко, оправдал я твои надежды, а? Я только что первым вскрыл

главный контур безопасности твоего хозяина.

МакАдамс склонил голову набок:

— Однажды это должно было случиться. Но ничего критически важного ты не выяснил. Кстати, ваш коптер на подлете. Есть еще чем похвастаться?

— Не-а, — покачал головой Марк. Кое-что вспомнив, помрачнел и, накидывая себе срок, сказал: — Прими заявление о преступлении.

— Это что-то новенькое. Что задумал?

— Гражданин хочет сделать заявление о преступлении.

— Слушаю. — Страж вытянулся, напустил на себя деловой вид.

— Управляющий данной фермы, гражданин Патрик де Грааф, совершил или планирует совершить преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Скорее всего, он действует в составе преступной группировки.

МакАдамс нахмурился:

— Совершил? Планирует совершить? Скорее всего? Как это понимать?

— Я получил признание от самого де Граафа. Можешь накачать меня сывороткой, все повторю.

— Не нужно. Вероятность, что ты говоришь правду, оценивается в восемьдесят процентов. Заявление принято, начинаю проверку. — МакАдамс закрыл киберглаз и несколько секунд стоял молча. Его лицо скривилось в гримасе отвращения. — Вот с-с-сука!!!

— Что нарыл? — спросил Рустам.

— Де Грааф и еще семеро граждан САС организовали в Независимых водах лабораторию по клонированию. Они уже довольно давно производят клонов детей. Думаю, понятно для каких целей. От надоевших или слишком сильно травмированных клонов избавляются, убивают. Так как преступления совершается вне юрисдикции САС и не над гражданами САС обнаружить их до этого момента не представлялось возможным. Меры приняты, за подозреваемыми отправлены наряды полиции. Через примерно три минуты лаборатория будет ликвидирована.

— Ликвидирована? — ужаснулся Марк. — Вы пальнули туда ракетой?! Там могут быть дети!

— Наверняка. Доказательств у нас хватит. А эти дети не граждане САС, они не находятся на территории САС, официально их вообще не существует. Так что какая разница?

— Да ты охренел?! — взревел Рустам. Кое-как поднявшись, согнувшись из-за прикованной к ноге руки, морщась от боли в колене, Ибрагимов поковылял к Стражу.

В кабинет зашли четверо мужчин с шевронами приставов суда на броне и шлемах. Первым делом они окружили Ибрагимова, уложили его лицом в пол, сняли наручники Стража и принялись защелкивать на запястьях и лодыжках горца свои.

МакАдамс провозгласил:

— Гражданин Марк Неклюдов, спасибо за предоставленные сведения и активную гражданскую позицию. От имени Корпуса Стражей благодарю вас, что помогаете избавить наше общество от скверны и сделать его лучше. Теперь вам пора в тюрьму. — Развернувшись, Страж пошлепал к окну, намереваясь просто спрыгнуть на землю. — А я пойду-ка оторву кое-кому яйца.

Судя по тону, МакАдамс не шутил.

Часть 2

Глава 8. Искупление

— Маркуша, будь добр, повтори-ка этого красненького, — причмокнув толстыми губами, попросил огромный, как борец сумо, уже немолодой клиент из постоянных. Кроме него, разместившего свои необъятные телеса сразу на двух барных табуретах, за стойкой никого не было. Разве что в дальнем углу, уткнувшись лбом в столешницу, в тени храпел накидавшийся вискарем парень, целый час плакавшийся Марку про то, какие бабы сволочи, и порядком его доставший. Через танцпол, составив вместе два стола, сидела дюжина мужчин и женщин от двенадцати до примерно пятидесяти лет — клиенты расположенной неподалеку от бара гостиницы для геймеров с полным погружением. Антишумовая завеса была отключена, однако компания, наверняка клан в полном составе, была пока тихой. Что неудивительно. После недели или двух, безвылазно проведенных в игровом коконе, повытаскивав катетеры, калоприемники и иглы подачи питательного раствора, эти люди бледными тенями всегда тянулись в бар, где начинали накачиваться питательными энергетиками, постепенно восстанавливая силы. Скоро прочухаются, перейдут на этанол и начнут шуметь, обсуждая игру, но пока можно не обращать на них внимания. Больше в баре никого не было. Весь персонал — это Марк в черной футболке, джинсах и красном фартуке и бот-официант — пара манипуляторов, ездивших под потолком по сложно-переплетенным канавкам-напрявляющим.

Марк взял стакан, налил воды, поставил перед отрубившимся клиентом и, вытащив из кармашка фартука пузырек, капнул в стакан расщепитель этанола. Этот несчастный Ромео уже два дня безвылазно торчал в баре. Напьется, поплачется, вырубится, примет расщепитель, придет в себя и снова начнет нажираться.

Выполняя заказ, Марк нашел среди рядов из сотен бутылок с алкоголем нужную, с этикеткой надписанной «наливка» и рисунком вишенок. Бутылка, как и все остальные на полках, была точной копией бутылки из конца двадцатого, начала двадцать первого веков. Содержимое по рецепту также насколько это было возможным повторяло оригинальный напиток и даже по запаху казалось Марку сивухой.

— Петрух, ты уверен? Это ж, по-ходу, спиртяга с соком.

Петр Андреевич Горбунок, некогда авторитетный физик, а ныне учитель старшей школы, расплылся в улыбке:

— Тоже была такая мысль. Но вкусная, зараза.

Шел уже четвертый месяц, как Марк работал в этом баре, и

пятый, как он освободился после двух с половиной лет, проведенных в тюрьме строго режима в одиночной камере. После суда, бывшего лишь формальностью, он отправился в тюрьму с настроением «а, пофиг». Через неделю изоляции понял, что попал в ад. Камера три на два, безмолвная прогулка один час в день в хороводе с угрюмыми убийцами под маленьким квадратиком голубого неба и возможность раз в неделю заказать распечатку одной художественной книги из списка одобренного Иджисом — все, что у него было в течении всего срока заключения. Если исправительный трудовой лагерь был пряником, то тюрьма оказалась кнутом. Уже через неделю Марк готов был лезть на стену, через две биться об нее лбом. Через два месяца появились мысли о суициде. Если б не глазок камеры, неусыпно бдящий за ним, и уверенность, что здесь никому не дозволено умереть раньше окончания времени заключения, Марк был не уверен, что не попробовал бы наложить на себя руки. И его срок был одним из самых низких среди всех заключенных — накинули-то всего год за два эпизода взлома и больше дать не могли. Каково же так жить десять-двадцать лет или даже всю жизнь без возможности перекинуться хоть с кем-нибудь словом? В стеклянных глазах шаркающих впереди и позади заключенных он сразу увидел ответ — эти люди уже мертвы. Заключение полностью измотало, сломило, уничтожило их.

Освободившись, Марк поклялся себе, что никогда не вернется в тюрьму. Ну его к черту Всевышнего, сеть, азиатов, войну, хактехников. Пусть этот мир сгорит в огне, лишь бы снова не попасть в в камеру три на два. Иджис отлично справился с задачей показать, что значит быть отвергнутым социумом. Ему удалось выдрессировать азартно гонявшегося за его секретами парня. Не сломал, но сломил.

Поискав, но так и не найдя Ибрагимова, которого не видел ни разу с тех пор, как за ним закрылись двери суда, Марк начал устраивать свою жизнь. Вакансия бармена — вымершая профессия — не слишком-то его привлекла поначалу, зато заинтересовало расположение бара — вдали от мегаполисов. Война с азиатами продолжалась и все еще была тайной для большинства обывателей, но некоторые уже начали подозревать, что перебои с поставками энергии, выкинутые в сеть боевые скрипты и очень искусно разработанные и подробно описанные методики конспирации, не могли быть делом рук одних лишь хактехников. За всем этим должна стоять намного более могущественная сила.

Марк здраво рассудил, что пока по новостям не объявят о победе над азиатами, от городов лучше держаться подальше. Так

и оказался он в глухом местечке на постепенно разрушающейся трассе между Петроградом и Москвой. Из четырех полос регулярно ремонтировали только одну, трафик был никакой, и кроме этого бара и гостиницы в лесу за трассой, на десять километров вокруг не было ни единого здания.

Разве на этом можно что-нибудь заработать, откуда здесь клиенты, удивлялся Марк, глядя на двухэтажную пластиковую коробку с неоновой вывеской в виде электрогитары и названием Хард-Рок. А зайдя внутрь, понял, что это место не для всех и что в некоторых кругах оно обязано иметь статус культового.

Настоящий Харли-Дэвидсон слева от входа, справа Тандерберд с открытым капотом и изумительно сложным движком внутреннего сгорания. Десяток столов, танцпол, сцена с акустической ударной установкой, гитарами — электро- и акустикой, — огромные динамики и стойка с микрофоном со шнуром. У стен игровые автоматы — с азартными и обычными, развлечься, играми. Тир с пневматикой! Бильярдный стол. На стенах фотки машин и часы — механические, с прозрачными корпусами, позволявшими разглядеть сложность конструкции этих устройств. Телевизор на стене над бутылками с алкоголем был именно телевизором. Двухмерным! Даже манипуляторы бота-официанта были похожи на манипуляторы робота, и никто не пытался обтянуть их искусственной кожей. Не бар, а музей механики и культуры конца двадцатого, начала двадцать первого веков. И стилизация под старину была выполнена искусно и с любовью. Неудивительно, что им потребовался живой бармен. Бот за стойкой только испортил бы впечатление от этого места. Места, в которое Марк влюбился сразу и навсегда.

Вот здесь я хочу жить, решил Марк, направился к ожидающему его хозяину заведения и получил работу. Бывший зэк за стойкой, отсидевший в настоящей тюрьме, очень неплохо дополнит образ этого заведения, решил владелец и оказался прав. Второй и ночной бармены хоть и выглядели как настоящие байкеры, но были слишком добродушными. Тогда как Марк полностью соответствовал образу сурового и жесткого хозяина придорожного заведения где-нибудь в американской глубинке и пару раз даже доставал из-под стойки биту, чтобы утихомирить разбушевавшихся клиентов и остановить возню, которую многие принимали за смертоубийственную драку и поднимали истеричный вой.

Поселился парень в одном из гостевых домиков на берегу озера, содержавшихся владельцами гостиницы для персонала. И даже начал засматриваться на симпатичную и пугливую системщицу, обслуживающую коконы игроков. Девчонка тоже

была из геймеров, но умеренных, и хоть ее поначалу страшило тюремное прошлое Марка, в последнее время она уже не убегала при виде «свирепого» зэка, способного размозжить битой чью-нибудь черепушку. Неклюдов был без понятия, от кого пошел такой слух, и он ни разу никого не бил, тем более битой, однако благодаря этой легенде его смены всегда проходили спокойно.

Марк плеснул в пустой стакан наливки. Едва Горбунок коснулся стакана, по его стенкам по кругу побежали рекламные слоганы. Причмокнув, поднял стакан ко рту, невольно покосился на телевизор над полками и, выпив, скривился так, словно попробовал на вкус мочу.

На всякий случай Марк поднес горлышко бутылки к носу. На запах прежняя подслащенная сивуха.

— Марк, друг мой, сделай мне одолжение, — указал Горбунок на телевизор, — убери эту дрянь.

Неклюдов обернулся: с экрана вещала Матриарх. Очень красивая женщина лет сорока, с чуть полноватым вдохновенным лицом, покрывавшем голову платком и черной сутане, расписанной замысловатым узором из полумесяцев, звезд и крестов — чем-то средним между аскетским монашеским платьем и парадным богатым одеянием мусульманских мул.

Звук был выключен, но что именно говорила Матриарх, было ясно без слов. Каждый вечер сия дама появлялась в своем шоу и хорошо поставленным голосом с помощью методов нейролингвистического программирования убеждала свою паству быть счастливой, смиренной и великодушной. Этакий ежедневный сеанс групповой психотерапии и легкого внушения. И стоило кому-нибудь заинтересоваться очень интересным и чувственным лицом этой женщины, прислушаться к ее словам, как его проблемы отступали, и на него словно бы сходила божественная благодать. Красивое лицо, харизма, поставленный голос, живой ум и способность к самоиронии делали эту женщину идеальным кандидатом на роль посла Господа на грешной Земле. Малышня видела в ней добрую мать, подростки — авторитетного учителя, мужчины — понимающую жену, женщины — верную подругу, старики — любящую дочь. Неудивительно, что ежедневные речи Матриарха выслушивали миллиарды человек. Они были зависимы от нее, они подсели на нее. Матриарх стала для них наркотиком.

Пока Марк вспоминал, где пульт, Горбунок ворчал:

— Эта дрянь не понимает, что творит. Наука от Сатаны, ибо пытаться познать суть материи мира есть ни что иное как пытаться вскрыть грудь Господа, дабы лицезреть внутреннее устройство его. Но Господа нельзя познать, его нужно просто

принять, — процитировал физик. Он один из немногих понимал, кем управляется САС и кто стоит за спиной порицающей науку Матриарха. Горбунок единственный поверил Марку, когда тот честно ответил, за что его упекли в тюрьму. — Тьфу! Я еще понимаю, почему Иджис ограничивает генетиков — иначе они такого б могли наворотить… Но чем ему помешал мой токомак? Какой вред от термоядерного синтеза, дармовой энергии? У меня были надежные результаты! Уже все работало, оставалось оптимизировать технологию, и все! А нашу лабораторию взяли и прикрыли, заставили подписать отказ от дальнейших исследований. Ну как так?! И они еще собрались на Марс. Да что они там будут делать без энергии?

— А Солнце? — спросил Марк. Нашел наконец пульт в фартуке и принялся переключать каналы.

— А песчаные бури? Некоторые длятся месяцами!

— Ядерная энергия?

— Будут использовать ее. Но какой смысл тащить на другую планету тонны опасного и грязного топлива и стоить допотопные генераторы, если можно обойтись одной экологически чистой установкой?

Неклюдов пожал плечами:

— Петрух, ты же понимаешь, что вашу лабораторию прикрыли, чтобы у вас ничего не получилось. Чтобы ваша разработка даже в теории не могла попасть к азиатам или арабам.

— Ага, лучше сожжем дом, который мы строили, чтобы соседи не увидели, как мы его строили и не могли построить такой же. — Горбунок всплеснул руками. — И это в середине двадцать третьего века! — Он резко выпрямился. — О, бокс! Оставь!

На экране два тяжеловеса в шлемах со стеклянными забралами мутузили друг друга толстенными перчатками.

— Это не бокс, а бой на подушках, — презрительно скривился Марк, но все же отложил пульт. — Настоящий бокс закончился ближе к концу двадцатого века. Тогда мужики были по-настоящему крутыми. Знали, что на ринге могут покалечить и убить, и все равно выходили драться. Черт, в двадцатом веке даже правители были что надо. Гитлер, Сталин — наимощнейшие дядьки, легенды. После них пошли одни соплежуи и актеры.

— Правду глаголешь, отрок, — улыбнулся Горбунок. — Плесни-ка мне еще…

Входная дверь резко, словно ее открыли с пинка, хлопнула о стенку, зазвучали громкие мужские голоса. Из короткого коридорчика в бар ввалилась троица парней. Молодые, крепкие, пьяные и наглые. При их появлении геймеры притихли и

уставились на вновь прибывших, явно ожидая неприятностей.

Осмотревшись, троица подошла к стойке.

— Слышь, парниша, — развязно, чуть растягивая слова обратился к Марку, видимо, их лидер, — где здесь сортир?

— На улице под любым кустом, — грубо ответил Марк, наливая съежившемуся Горбунку наливку.

— Тебе чо, впадлу пустить нас к унитазам?

— А тебе чо, впадлу вежливо попросить?

Троица, столь сильно напоминавшая своим поведением блатовавших заключенных из Сахары, опешила. Привыкнув всегда добиваться своего напором и наглостью, они не ожидали получить отпор от какого-то бармена.

Один из троицы прищурился:

— Чего такой дерзкий? Можешь плохо кончить. Знаешь где?

— В канаве, что ли? — иронично повел бровью Марк. — Все может быть. Зато я точно знаю, где кончите вы. Недавно оттуда выпустили.

Парни все поняли правильно. Переглянулись, один из них стащил со стойки стопку салфеток, и все трое направились к выходу.

— Вот уроды, — хмыкнул Марк, доставая новую упаковку салфеток.

Горбунок, сидевший до того съежившись и стараясь, правда, безуспешно, выглядеть незаметным, выдохнул и опрокинул стакан в рот.

— Да, друг мой, тяжелый у тебя характер. Чуть на ровном месте не устроил драку.

— Под таких нельзя прогибаться ни на сколько, — пояснил Марк. — Один раз уступишь в чем-то, в любой мелочи — посчитают слабаком и будут давить все сильней и сильней. Нужно сразу ставить их на место.

— Но из-за туалета…

— Не из-за туалета. А из-за отношения. Я бы пустил, если бы вели себя прилично. А такие все обоссут. Могут даже стены дерьмом измазать. Они так, типо, метят территорию. Поверь мне, Петруха, я с этой породой…

Дверь на улицу снова чуть приоткрылась, донеслись звуки потасовки — вскрики, охи, что-то упало и разбилось, — дверь захлопнулась, все стихло.

— И когда таких вынуждают отступить, у них появляется сильное, прям непреодолимое желание доказать самим себе, что они не лохи, — неспеша произнес Марк и достал из-под стойки биту. — Для них самый простой способ доказать себе, что они не лохи, это избить какого-нибудь лоха. Такой вот парадокс. —

Нырнув под столешницу, Марк толкнул низенькую дверцу и вылез в зал. — Петр, присмотри здесь.

Геймеры все как один уставились на спешащего к выходу бармена. На лицах мужчин и женщин вместе с тревогой читалась зависть. Это в игре они были могучими воинами с огромными мечами и дубинами и могли косить врагов направо и налево. В реальности троица обдолбанных чем-то — алкоголем, Конопливитом или, скорее всего, всем вместе — молодчиков перепугала их одним своим присутствием.

Черт, думал на ходу Марк, скоро вся гостиница узнает, что бармен из Хард-Рок опять кидался с битой на людей. И что он, возможно, кого-то даже покалечил или убил. Черт! Надо будет сегодня подойти к системщице и объясниться. А то эти задроты окончательно порушат его репутацию. Достало, что все в гостинице шарахаются от него как от буйно-помешанного.

Потянув дверь, набрав полные легкие воздуха, Марк выскочил в летний знойный вечер на узкую стоянку вдоль трассы, готовясь криком остановить драку, — и выдавил из себя лишь невнятное «э-э-э-э».

Перед ним на бетонной площадке в окружении осколков бутылки лежал, свернувшись калачиком и держась за голову, Ибрагимов. Троица парней азартно и зло запинывала Рустама ногами, но тот и не думал сопротивляться.

Перехватив биту за концы, держа ее перед собой, Марк со спины налетел на ближайшего противника. От мощного толчка в спину, тот перелетел через Рустама и проехался лицом по бетонной крошке и камешкам. Разворачиваясь, Марк ногой пробил сбоку по колену второму парню, перехватил биту для удара и махнул ей перед лицом третьего. Ударный конец биты просвистел в миллиметрах от кончика носа парня. Тот дернулся назад, шлепнулся на задницу, нелепо перебирая руками и ногами, отполз подальше и, вскочив, побежал к машине. Сработал стадный инстинкт, и оставшаяся парочка также побежала и похромала за своим.

Угроза насилия и демонстрация способности исполнить эту угрозу намного эффективнее самого насилия — так объяснил ему Рустам. Пока что действовало на всех.

Когда старенький помятый джип загудел электродвигателем и сорвался с места, Марк протянул Рустаму руку, помогая встать. Нужно было что-нибудь сказать, и первое, что пришло в голову, было:

— Не знал, что тебя можно вырубить бутылкой.

Ибрагимов встал, под просвечивающей под короткими волосами коже не было ни царапины, ни капли крови. Потом

Рустам сделал то, чего Марк ждал от него меньше всего, — раскинув руки для объятий, он разрыдался.

Глава 9. Друг

— Никогда бы не подумал, что ты начнешь пить, — сказал Марк, наливая из-под крана уже четвертый стакан пива. Первый Рустам выдул залпом, второй прикончил в два захода и только затем сбавил обороты.

— Приходится, — пробурчал Ибрагимов. — Эта штука у меня в голове… Только так хоть немного прихожу в норму.

Близилась полночь, и все посетители разошлись по домам, кроме дрыхнущего за стойкой парня. Был понедельник, новых клиентов не ожидалось, и от беседы никто не отвлекал.

Рустам несколько изменился. Из-за переизбытка в крови женских гормонов его лицо округлилось, взгляд стал мягким, движения плавными, вокруг талии нарос жирок. Мышцы больше не бугрились под серой футболкой, волос на руках и торчащих из коротких шорт ногах заметно поубавилось, даже легкая щетина на лице стала реже. Но сильнее всего изменилось его поведение. От железобетонной стены уверенности, прежде окружавшей горца, не осталось и следа. Из горячего и вспыльчиво мастера боевых исскуств он превратился в неуверенного себе, забитого и запуганного мальчишку. Три года назад он был готов, будучи сильно избитым и скованным Стражем, продолжать драться со своим обидчиком. Теперь же спасовал перед тремя пьяными парнями — на вид уже взрослыми, но по поведению подростками, — когда те наткнулись на него у выхода из бара и попытались отнять у него бутылку виски.

Если бы попытался отбиваться, было бы хуже, пояснил Рустам.

— Когда освободился, я пытался тебя найти, — сообщил Марк. — Но твой соцаккаунт уже давно неактивен.

— Я сам не хотел, чтобы меня кто-нибудь искал. Я поставил мимикратор, нанял дропа — какого-то алкаша из глуши, и мы обменялись идентификаторами. Теперь я для всех Антон Коробейников. А Антон Коробейников это Рустам Ибрагимов. Был им.

— Был? — не понял Марк.

— Ага. Когда срок договора истек и я попытался вернуть личность, оказалось, что мой двойник утонул, никто его так и не нашел. Так что Рустам Ибрагимов теперь мертв.

Брови Марка поползли вверх. На такие меры конспирации шли только когда дело совсем плохо. Обычно чтобы суметь свалить из САС в Независимые воды и избежать серьезных сроков в тюрьме. Либо для совершения преступления.

— О как, — только и смог произнести Марк. — Зачем все это?

— Я принимал Тэкс и выступал на боях. Промоутеры обычно проверяют участников, поэтому не хотел, чтобы всплыла инфа про гормональный чип. Они бы сразу поняли, что я на Тэксе. Могли и настучать властям и начать шантаж, чтобы я сливал бои.

— Что еще за Тэкс?

Рустам глотнул пива. Грустно улыбнулся.

— Ах да, ты уже сидел, когда он появился. Разве ты не заходил на форумы хактехников? Всевышний не все подтер про Тэкс.

— Так, пролистал пару страниц. Мельком, — признался Марк. — Я теперь законопослушный. Я скинул то, что узнал про Иджис, но мне никто не поверил. Доказательств у меня ноль, а каждый месяц какой-нибудь придурок объявляет, что взломал Всевышнего.

— Такая же хрень, — горько ухмыльнулся Рустам. — Мне никто не верит, что я втащил Стражу. Особенно сейчас, когда я такой… жалкий.

— Так что за Тэкс?

— Когда мне поставили чип, я начал искать способы отключить его. Или хотя бы снизить влияние на организм. Пробовал жрать тестостерон, но эта штука, — Рустам постучал по виску пальцем, — вырубает все гормоны извне. Его нереально удалить, нужен живой нейрохирург и специальный медицинский кокон. Таких на весь САС три штуки. А потом на черный рынок кто-то выкинул партию таблеток Тэкс и описание технологии их синтеза. Тэкс блокирует гормональный чип. Полностью. Это единственная штука, которая работает. Кроме староверов никто не смог разобраться, как их производить. Там все слишком сложно, связано с нанороботами, и нужно очень сильно модернизировать наши принтеры, чтобы они смогли печатать эти таблетки. Староверы пообещали оптимизировать технологию, и вскоре в твоей бывшей общине открылся филиал Корпуса Стражей. Прикрыли эту вольницу, половина староверов разбежалась. — Рустам разочарованно шмыгнул носом, показалось, что на его глаза навернулись слезы. — Думаю, ты уже догадался, откуда выплыл этот Тэкс.

— Азиаты? — на всякий случай уточнил Марк. Взял стакан и принялся наливать себе пиво.

— Они самые, — кивнул Рустам. — В общем, когда люди поняли, что Тэкс работает, его буквально смели. Мне удалось достать всего одну упаковку. Ради нее я продал все, что имел. Но таблеток хватило всего на год. И все, больше их нет. Всевышний вымел из сети почти всю информацию о нем. Теперь Тэкс

городская легенда. А я, — он развел руками, — просто никакой. Я даже боюсь разозлиться. Если выделится адреналин, меня начинает всего коротить — это похоже на эпилептический припадок. Все, что мне хочется, это постоянно жрать, плакать и смотреть медиа-программы. Тренировки? После легкой пробежки я выдыхаюсь. Собраться, сконцентрироваться? Не, это не ко мне. Вечно отвлекаюсь, начинаю думать о постороннем. Мотивации нет никакой. Зато у меня повышен уровень окситоцина, и я теперь всех и все люблю, особенно что-нибудь миленькое и розовенькое. Ну, хотя бы начал легко сходиться с людьми. И самое стремное — у меня недавно встал на мужика.

— Мда, — только и смог ответить Марк. Глотнул пиво.

— Я помню, каким был. Сейчас, когда смотрю в зеркало, начинает тошнить. Лучше бы меня сунули в клекту или убили. Потому что так жить нельзя. Я больше так не могу, не хочу.

Ибрагимов снова шмыгнул носом. Залпом допил пиво и протянул пустой стакан Марку.

— Почему не пытался найти меня раньше? — спросил Неклюдов. — Я даже не прятался. Я сразу подредактировал обязательный соцаккаунт и указал, где меня искать. Мог хотя бы письмо чирканут.

— Да, я видел, что ты освободился, — признался Рустам, принимая полный стакан пива. — Просто не хотел появляться вот таким. Еще была надежда отыскать Тэкс. Но сейчас весь Тэкс — подделки. — Он выпрямился и с надеждой уставился на Марка. — Я понимаю, что все, что случилось со мной, это моя вина. Ты пытался меня отговорить, я не послушался — вот расплата. Но… я пробовал уже все: нанимал лучших хактехников, искал покупателей Тэкса, размещал объявления о покупке. Все бесполезно. Осталось последнее — я должен бежать в Азиатский союз. И мне нужна помощь.

Поперхнувшись пивом, Марк закашлялся. Сиплым голосом спросил:

— Во время войны? Думаю, сейчас проще попасть на Марс. И с чего ты решил, что азиаты ждут тебя? Ты гражданин государства, с которым они в состоянии войны. Тебя сразу пристрелят как диверсанта или шпиона. Это если произойдет чудо и ты сумеешь проскочить границу. Скорее всего, тебя отловят в нашей приграничной зоне. С мимикратором и левым идентификатором ты снова отправишься в Сахару или Северный полюс. Не, это бред.

Ибрагимов словно весь сдулся. Уткнулся взглядом в стакан.

— Значит, не поможешь?

Марк стукнул краем полупустого стакана по стакану Рустама.

Сказал:

— Рад тебя видеть. И за мной должек. Целая жизнь. Поэтому я точно не собираюсь помогать тебе покончить со своей. — Он достал с полки бутылку водки, поставил на стойку две стопки, плеснул в них алкоголь. Печально вздохнул: — Мне так здесь нравиться. Только начал обживаться, даже планы на семью появились. Черт! Ты точно не хочешь подождать, пожить здесь? Раз технология синтеза Тэкс появилась в сети и он пользуется спросом, значит, его производство будет налажено. Обязательно. Это закон рынка.

— У меня осталось мало времени. Не больше года. Мозг пластичен и постепенно перестраивается под текущий гормональный фон. Перемены в личности и модели поведения закрепятся навсегда. Даже если потом отключить чип, я никогда не стану полностью прежним. Я много читал об этом.

— Вот как? Не знал. Ну ладно, тогда, — Марк набрал полные легкие воздуха, поднял стопку, — прощай спокойная жизнь и Хард-Рок! — Он выпил, сморщился и поспешно запил пивом отвратный вкус водки. — Значит так. Бежать к азиатам слишком опасно, но бежать к ним необязательно. Они уже здесь, на территории САС. Поэтому поступим так: вычислим кого-нибудь из них, повяжем и расспросим про Тэкс.

Глава 10. Тень

На словах все звучало просто, на деле оказалось сложней. Просто подготовка к отъезду из Хард-Рок заняла почти месяц. Хозяин заведения поначалу очень расстроился, узнав о грядущем увольнении своего бармена, и пытался уговорить парня остаться, но, увидев чипированного Ибрагимова и узнав в нем горца из россказней Марка про свои злоключения, уступил его желанию. До того момента хозяин Хард-Рок не верил, что парень мог иметь неприятности с Корпусом Стражей, после наконец поверил и решил, что во избежание возможных проблем со стороны законников с ним лучше расстаться. Мужчина был далеко не глуп и смекнул, что появление горца и терминал и киберочки, до которых Марк прежде не касался, а теперь с ними не расставался, не сулят ему ничего хорошего. Парень снова вернулся к своим темным делишкам, с грустью понял пожилой мужчина, и, когда бармену нашлась замена, расторг с ним договор.

Первым делом была проведена инвентаризация. Деньги, заработанные Марком на торговле ганжей и оставшиеся у Рустама от боев и продажи всего его имущества, вместе составили приличную сумму и должны были с лихвой покрыть все будущие затраты. С контактами оказалось сложнее. За время отсидки многие сетевые знакомые Марка исчезли, другие остепенились и вели законопослушную жизнь, оставшиеся могли помочь лишь по мелочи. С окружением Рустама ситуация была похожа, и кроме самих себя друзьям рассчитывать было не на кого.

Пока Марк пытался восстановить связи, Ибрагимов, поселившийся в свободной комнате домика Марка, пытался восстановить форму. Предвкушение от предстоящего дела немного мотивировало его, а когда он начинал лениться или расклеивался, Неклюдов принимался подгонять того. Но происходило это редко. Вернувшись с последней смены в баре, Марк даже обнаружил во дворе домика вкопанный в землю деревянный столб, из которого торчали горизонтальные палки, и горца, махающего руками между этими палками. Зачем это, Ибрагимов не ответил.

Поиск тех, кто был подготовлен скрываться от вездесущего Иджиса и Стражей, поначалу показался невыполнимой задачей. Однако помощь пришла с неожиданной стороны — Горбунок прослышал, что Марк занялся розыском некой личности, но не сильно в этом преуспел, и познакомил его со своим приятелем — сыщиком полиции в отставке. Тот не слишком много понял из сбивчивых объяснений Марка, кого тот ищет и зачем, но все же

поведал о самых популярных стратегиях полиции по розыску скрывающихся преступников. Заполучив пошаговый план действий и подкорректировав его для своих целей, Марк начал осуществлять его.

Первым делом был начат сбор всей информации про Тэкс. В сети сведений почти не сохранилось, так, какие-то слухи, зато многое помнил Ибрагимов. Он рассказал, что таблетки появились в течении нескольких дней сразу во всех городах с населением свыше ста тысяч человек. То есть практически повсеместно на территории САС. Это позволило представить масштаб экспансии азиатов и очень обнадеживало — диверсантов было много, и они были везде. Чтобы сузить круг поисков, Марк выбрал несколько небольших городков неподалеку от крупнейших мегаполисов, рядом с которыми пролегали важные коммуникации, располагались транспортные узлы или высокотехнологичное производство. Потом начал сбор информации по этим городам за период в пять лет. Особый интерес представляли происшествия и статистика. Все это удалось найти в открытых источниках. Изучение и анализ информации потребовал две недели. По их прошествии стало ясно, куда нужно будет двигаться дальше.

— Почему Луга? — спросил Рустам. Они сидели на веранде дома, глядя, как Солнце опускается за частокол соснового леса. Ибрагимов потягивал пиво, Марк подключил к терминалу блок управления стереотканью и прогонял в тестовом режиме программу оптического камуфляжа. Лежащая на досках скамейки ветровка все еще недостаточно хорошо мимикрировала под цвет и текстуру досок, требовалась доводка.

— Потому что население всего двести пятьдесят тысяч — значит, искать будет проще. До Петрограда восемьдесят километров. Есть заповедники, леса и болота — то есть имеется возможность спрятаться. Если группа провалится, ее раскроют, у нее будет возможность просто исчезнуть. Почти уверен, что где-нибудь в лесу у них есть схрон. Под Лугой проходит вакуумная труба между Петроградом и Минском — это очень крупная транспортная артерия. Рядом есть атомная электростанция. Весь район питается от этой станции, плюс излишки энергии направляются в Петроград. Рядом есть несколько производств, вынесенных из Петрограда. И на этих производствах подозрительно часто случаются аварии. Количество убийств и несчастных случаев выросло в районе на двадцать процентов за пять лет. Это больше, чем по остальным городам. А значит, моя догадка должна быть верна — в Луге действует группа. Очень большая, возможно не одна. Так как эта группа в случае необходимости должна стать подкреплением или заменой для

действующих в Петрограде. Логично?

— Вполне, — восхищенно заметил Рустам.

— Правда, есть проблема. Если я сумел это выяснить с минимальными входными данными, значит, Всевышний тоже в курсе. Уже давно. Значит, в Луге много не только азиатов, но и Стражей.

— Черт, а ведь точно…

— Луга все равно лучший вариант. Единственный надежный. Так что дождемся посылку и выдвигаемся.

— Посылку?

— Я не собираюсь идти на войну с голой жопой. — Марк ехидно оскалился. — Кстати, раз теперь тебе нравятся котики и розовенькое, специально для тебя есть работенка. Бери-ка шовную машинку, нужно пришить к шмоткам клетки Фарадея и термоизоляторы.

* * *

— Не гони, — попросил Марк. — Где-то здесь должен быть поворот.

Старенький джип уверенно держал дорогу на скорости почти в двести километров. Его «мозги» могли бы и полностью взять на себя управление, позволяя развить большую скорость, однако после того, как в них покопался Марк, машина значительно поглупела и стала способна лишь следовать за впередиидущей машиной, подруливать и подсказывать оптимальную траекторию, выводя данные на ветровое стекло. Зато теперь никто, ни Всевышний, ни Страж, ни полицейский, не смогли бы дистанционно перехватить управление. Теперь чтобы остановить джип, правоохранителям пришлось бы использовать микроволновую пушку, наподобие той, из которой Страж МакАдамс пальнул и взорвал терминал управляющего де Граафа. Но такое орудие имело приличные размеры, малую дистанцию поражения и редко встречалось у полицейских.

Превратив терминал в зеркало, Марк ковырялся в коробке, которую полчаса назад доставил и сбросил во двор гостиничного домика дрон.

Марк достал из коробки два полицейских шокера, две пары умных наручников, пару тюбиков наногеля, носитель с боевыми скриптами, киберлинзы. Также внутри нашлись два гражданских пневматических пистолета-игломета, переделанных под стрельбу военными дротиками. Такие могли пробить сколь угодно слоев одежды, и даже легкий бронежилет. И при попадании в тело, в

отличии от гражданских зарядов, вызывали не просто болевой шок, парализующий на несколько секунд, а могли вырубить даже разъяренного быка. Кроме иглометов внутри лежали коробочки с дротиками и баллонами газа.

Глядя на все это запретное добро, Марк невольно вспоминал уголовный кодекс, в голове сами собой всплывали статьи и сроки, положенные за приобретение и хранение любой из этой вещи. Он был бы и рад, не думать о законах, но не мог. В тюрьме кроме распечатки книги раз в неделю, заключенным были доступны лишь толстенные своды законов и кодексов. Никому не возбранялось иметь в камере юридическую литературу, и, когда очередная книга была проглочена, Марк за неимением иного занятия частенько перелистывал эти кодексы и выучил их наизусть.

Шокер — три месяца исправительных работ. Поглощающий радиоволны наногель — три месяца работ. Скрипты — восемь месяцев. Модифицированный игломет — девять месяцев. Военные дротики — год тюрьмы.

Только так и никак иначе. В отличии от прошлых веков, в доработанных Иджисом кодексах больше не осталось недомолвок, какое-либо деяние нельзя было интерпретировать двояко. Кодексы описывали вообще все — каждое нарушение, каждую запретную вещь — и четко указывали меру наказания. Также исчезли смягчающие и отягчающие обстоятельства. Профессии адвоката и обвинителя канула в небытие. Суд, комиссия юристов в составе одиннадцати человек, голосованием определял, достаточно ли доказательств для вынесения приговора и не нужно ли направить дело на доследование. Потому Марк ясно представлял, чем ему грозит просто обладание этими предметами — год тюрьмы, после почти два года исправительных работ.

Следуя по навигатору по контрольным точкам, Ибрагимов свернул с трассы в лес на грунтовку, вскоре дорога превратилась в две колеи, и скорость упала до черепашьей. До охотничьего домика оставалась пара минут.

Наконец на дне коробки нашелся пенал с красным крестом на фоне белого круга.

Открыв пенал, Марк достал два шприца-инъектора и упаковку пластыря-анастетика. Оторвав две полоски, он налепил их на скулы. Когда джип выехал на делянку с покосившимся, давно заброшенным бревенчатым домиком, анастетик уже подействовал. Взяв один шприц, Марк нащупал пальцем ямку под скулой и, глядя в превращенный в зеркало терминал, вогнал иглу под кость и нажал поршень, загоняя чип-мимикратор под скулу. Нащупал зернышко чипа под кожей, прижал его в ямке, давая

возможность прилипнуть к кости, и проделал то же самое со вторым шприцем. Теперь при попытке дистанционно идентифицировать его по рисунку черепа и зубов, сканеры начнут показывать данные совсем другого человека. Того, кто ждал их в домике.

И вторую часть сделки продавец провел на отлично. Клон, полностью накрытый фольгинизированной простыней, лежал на одной из двух топчанок. Его грудная клетка равномерно вздувалась и опускалась, но сам он не шевелился. Рядом с ним стояла спортивная сумка. На вид обычная, но обшитая изнутри экранирующей тканью.

— Он точно… э, — замялся Рустам, подбирая подходящие слова, — ничего не понимает?

— У него нет мозга. Это просто тело для тестирования медицинских ботов и обучения людей-хирургов, — пояснил Марк. — Работает только вегетативная нервная система, по-сути, этот типчик — растение. Вырастить настоящего клона, с мозгом, слишком долго, сложно, дорого и незаконно, а таких штампуют месяцев за шесть, кромсают и в крематорий. Только этот не доехал до печки. Его как бы сожгли, а потом, ребята, которые его сюда положили, зарегистрировали это тело как нового гражданина САС. Обычно это делают через клиники, якобы он прошел операцию по смене пола. Серьезной проверки такой гражданин не выдержит, станет ясно, что он возник из ниоткуда, но мне сойдет — я не собираюсь попадаться. Меняться личностями с настоящим человеком надежнее, но дорого, долго и иногда опасно. Вдруг там коп или нарвешься на неадеквата, который начнет творить под твоим именем всякую жесть. — Он хохотнул. — Например, решит свалить в Азиатский Союз.

Марк откинул покрывало. Молодой мужчина, обложенный пакетами с питательными растворами, с торчащими из вен иглами-дозаторами, словно побывал в мясорубке. Он полностью, с ног до головы, был покрыт шрамами многочисленных тренировочных операций. К его груди пластырем было прилеплено зернышко чипа-идентификатора.

Марк открыл сумку — внутри скальпель с магнитным захватом на ручке и стеклянная бутылка с пожирающими плоть бактериями. Очень агрессивными, способными за трое суток превратить тело в жидкую кашицу. По условиям сервиса, тело надлежало уничтожить. Либо сразу, если клиент хотел исчезнуть, либо после того, как клиент закончит свои дела и вернет себе свою прежнюю личность.

Пластырь на предплечье Марк наклеил, еще выходя из машины, так что он сразу схватил скальпель, полоснул по

пластырю и, воткнув захват в ранку, вытащил свой идентификатор. Надрезав руку клона, он засунул чип в ранку. Теперь идентификатор сможет подпитываться теплом тела клона и не вырубится. Никакая проверка не выявит тот факт, что этот чип однажды был удален, и, следовательно, его носитель может быть замешан в нелегальных делишках.

Отлепив от клона его идентификатор, Марк засунул его в плоть на место старого. Вытащив бутыль с бактериями, поставив ее под кровать, он сложил в опустевшую сумку все вещи из посылки.

— Все, я готов. Погнали в Лугу.

Глава 11. Внедрение

— Вы совсем уже?! С головой дружите?! — Попов захлопнул дверь в подсобку, где за круглым столиком сидело пятеро мужчин и одна женщина. На столе вместе с кружками с кофеем-чаем лежали игральные карты рубашками вниз и фишки от игры го. — А ну быстро убрали карты! По нашему цеху шляется эта коза Стивенсон! Хотите, чтобы весь мир увидел, как вы тут режетесь в азартные игры?! Хотя б дверь закрыли, придурки!

— Здесь не публичное место, а место отдыха. Она не может снимать нас без нашего согласия, — беззаботно откликнулся Марк. На нем, как и на сидевшем рядом Ибрагимове, был замасленный рабочий комбинезон.

— Ой какой ты умный, Носик, — язвительно сказал Марку старший их смены — Алексей Попов. Начинающий лысеть мужчина лет пятидесяти, скрывающий залысины и сверкающее темечко под кепкой. Он тоже был в комбинезоне, но чистом. — Думаешь, ей не насрать на твое согласие? Она ж снимает это гребанное реалити-шоу, она даже к директору на совещание пыталась вломиться. Что ей до мнения какого-то оператора станка Носика, а? Ей же скандалы нужны. Вы только представьте, строители Соляриса играют в запрещенные азартные игры, да еще на деньги! Вас четвертуют! И меня заодно!

— Мы не строим Солярис, — напомнил Хайдулайнен — белобрысый короткостриженный мастер роботизированного цеха, сегодня впервые участвующий в традиционном послеобеденном покере, организованном стараниями Марка и Ибрагимова, вот уже две недели как устроившимся на этот завод под Лугой.

— Мы делаем кабели, — поддакнула ему сотрудница столовой Лена, принялась многозначительно ему улыбаться и закинула ногу на ногу, демонстрируя полоски белой кожи под чересчур короткой полой белого халата. Сегодня она получила возможность затащить в постель целого мастера. Так и до директора не далеко. И Хайдулайнен, судя по всему, повелся на шикарные формы белокурой красавицы, имевшей на заводе репутацию давалки, но разборчивой.

— Правда, для самого Соляриса, — сказал сотрудник отдела качества Гингадзе — высоченный, даже повыше Рустама, пожилой грузин с орлиным носом и ежиком седых волос. — Пас.

— Но эти кабели медные, будут третьим запасным контуром коммуникаций Соляриса, и нафиг не нужны Солярису. — Это высказался Андрей Самсонов, молодой атлетичный, в черной форме сотрудника службы безопасности завода. Через знакомство

с ним Марк с Рустамом устроились на завод и избежали глубокой проверки их прошлого и липовых лицензий инженеров-механиков. — Фактически, мы здесь делаем гирлянды для Соляриса. Стивенсон это понимает, знает, что ее стрим никто не смотрит, поэтому бесится и лезет всюду. Не обращайте на нее внимание. — Он глянул на прижатые к груди карты. — Открываем.

Задвинув на двери защелку, Попов уселся за стол на свободный стул. Грустно вздохнул.

— Вот что мне с вами делать? Ладно, хрен с вами. На меня тоже сдавайте.

* * *

По прибытию три недели назад в Лугу перед друзьями встал вопрос «что дальше?». План, составленный с помощью сыщика, требовал после установления местонахождения разыскиваемого начать работу со свидетелями на месте. Марк справедливо усомнился, что азиаты оставляли живых свидетелей своих диверсий, но вычеркивать этот пункт не стал.

Проехав в Луге мимо органического овощного рынка с преимущественно живыми продавцами за прилавками, Неклюдов вдруг сообразил, что в этом маленьком городе можно и не найти живых свидетелей деятельности азиатов, но очень легко можно отыскать свидетельства этой деятельности. И Всевышний никак не мог добраться и стереть эту информацию. Такие маленькие, сливающиеся с природой города гордились своими отличиями от мегаполисов, были довольно консервативны и населены преимущественно людьми старших поколений. Здесь не было атмосферы разнузданной вседозволенности большого города, жизнь текла в неторопливом ритме, общество было патриархальным насколько это возможно. Здесь было не принято выставлять напоказ свою сексуальность, и целующиеся на улице парни или девчонки вызывали неодобрение. Пусть и молчаливое, но все же неодобрение. Эти городки гордились своей давней историей, и в некоторых до сих пор печатались бумажные газеты, бравирующими надписями наподобие «издается с 1881 года». И в Луге можно было купить такую газету.

Отправив Рустама снимать жилье, Марк первым делом направился в редакцию, с радостью узнал от одного единственного сотрудника газеты — издателя, редактора, журналиста в одном лице, — что в редакции есть бумажный архив, и получил разрешение просмотреть все выпуски за пять

лет. Газета хоть и представляла из себя два сложенных листа, издавалась еженедельно, стопка оказалась толстой, и Марк просто переснял все страницы терминалом.

Содержащаяся в газете информация, на изучение которой ушло три дня, позволила выполнить следующий пункт плана — попробовать установить возможную цель, следующие действия разыскиваемого. После изучения сводок о происшествиях из сети, стало ясно, что аварии и техногенные катастрофы часто случались в компаниях и производствах, участвующих в проекте Солярис. И в одном из выпусков газеты мелькнула отсутствующая в сети информация о том, что местный многофункциональный завод получил контракт на производство кабеля для Соляриса. Более того, завод сам по себе должен был представлять интерес для азиатов, так как был крупнейшим в районе.

Рассудив, что шастать по городу и искать отлично законспирировавшихся азиатов бессмысленно и есть риск привлечь внимание Стражей, а значит, и Всевышнего, Марк решил перепрыгнуть через несколько пунктов списка, включавших тактики приманок, слежку за возможными контактами и путями передвижения разыскиваемого и так далее, и перейти к самому последнему пункту — засада. Чем бегать без толку по лесу, лучше засесть у приманки и ждать, согласился Ибрагимов, и парни решили проникнуть на завод. Тем более, для сотрудников были построены отдельные домики, и можно было постоянно находиться на территории завода, составлявшей десять квадратных километров, утыканных коробками цехов, кранами, трубами и зеленым квадратиком с несколькими сотнями домов, одно и многоместных.

В пересменок пройдя мимо проходной завода, обнесенного сплошной бетонной стеной с колючей проволокой поверху, парни влились в поток выходящих сотрудников, заприметили атлетичного, осанистого парня в армейских ботинках и штанах, свернули за ним в бар, где и познакомились с Андреем. С полученной от Самсонова информацией о мерах проверки новых сотрудников устроиться на завод было плевым делом. Сам же Самсонов им и помог.

Завод был довольно старым, построенным в начале двадцать первого века. Половина цехов полностью управлялась автоматикой, но некоторые, как кабельный, все еще имели внутри станки возрастом под полтора века и требовали присутствия рядом человека. Поэтому персонала было почти две тысячи человек. Невероятно много для Цифрового века. Естественно, завод нуждался в новых сотрудниках, и новоиспеченные Антон Коробейников и Давид Носик (Марк пообещал серьезно

подпортить репутацию продавцу новой личности) сразу получили годовой контракт и двухместный домик.

Заселившись, изучив местную систему безопасности, Марк вскоре подключился к камерам слежения завода. Также под предлогом сбора грибов друзья прогулялись в лесу, окружавших завод с трех сторон, и поискали подходы и возможные точки проникновения на территорию завода. Таких нашлось пять, и рядом с каждым местом Марк оставил по миниатюрной видеокамере с датчиком движения. Если датчик включит камеру, терминал или киберочки сразу сигнализируют об этом. Но пока что не удалось заснять ничего, кроме бездомной собаки, енота и двух спаривающихся представителей отряда высокоразвитых приматов.

Подготовив техническую часть ловушек, Марк обучил Рустама игре в покер и начал создавать сеть информаторов. Первым старинной карточной игрой заинтересовался Самсонов. Безопасник поначалу побоялся присоединяться к азартно резавшимся в карты приятелям, но Марк, блеснув знаниями в области права, доказал тому, что если не играть на деньги, то у законов к ним претензий не будет. Правда, игра просто на фишки быстро закончилась, и каждая фишка вскоре начала означать определенную сумму в денежном эквиваленте, что придало игре азарт. Следующим попался Попов. А после живое общение за столиком и взрывы хохота начали привлекать остальных. Через столик в подсобке кабельного цеха прошли многие, но задерживались не все. Что неудивительно — подыгрывающие друг другу Марк с Рустамом сливали и не давали как следует разыграться никому, кроме полезных для их дела людям. Нужным они, напротив, подыгрывали, и, получив возможность прочувствовать азарт игры, те становились регулярными участниками карточных баталий. Не прошло и двух недель, как парни выведали все тайны, сплетни и слухи, коими жил завод.

Естественно, Марк всерьез не рассчитывал, что покер позволит им вычислить азиатов, зато игра могла навести его на след Стража. Кто-то из безопасников наверняка имел отношение к Корпусу, понимал Неклюдов, ведь его стратегия розыска была далеко не уникальной и основывалась на полицейских методах. Корпус Стражей просто не имел права не внедрить кого-нибудь на завод, как минимум от них должен был действовать информатор или внештатный агент. Не пересечься с ним было жизненнонеобходимой задачей.

* * *

На следующий день Марк проскользнул из постепенно наполняющейся работниками завода столовой в приоткрытую дверь кухни, где в окружении варящих, шинкующих, жарящих и моющих комбайнов хлопотала Лена. Сейчас она была одна, и Марк, подойдя сзади, сразу положил ладони на осиную талию девушки.

— Угадай кто, — прошептал он ей на ухо.

Продолжая помешивать варящийся соус, не оборачиваясь, Лена хихикнула:

— Знамо кто. Один миленький настырный еврейчик.

— А я тебе говорил, что я отлично умею делать массаж. — Он скользнул ладонями ниже. — Особенно стройных уставших ножек.

Вытерев руки о висящее на плече полотенце, вывернувшись, Лена легонько оттолкнула парня. Игриво сказала:

— Ой, Давидик, мы уже все обсудили. Я не встречаюсь с операторами станков.

— Ой, две недели назад я тоже был оператором.

— Две недели назад ты еще был загадкой, опасным. А ты обычный законопослушный жадненький игроман.

— И что? Разве тебе не понравилось? Или ты просто любишь постонать и покричать?

— Может, я таким образом пыталась не рассмеяться. — Хихикнув, Лена чмокнула его в губы и тут же отстранилась. — Все. Пока с тебя хватит, Давидик. Может, как-нибудь потом разрешу сделать мне массаж. Но точно не сегодня и не завтра и не на этой неделе.

Марк изобразил разочарование. Лена была ценным источником информации, вдобавок с ней было хорошо, но после одной ночи она больше не подпускала его к своему телу.

— Эх, Лена, какая же ты плохая девочка.

— Все, иди, дай мне работать. — Она кивнула на щель между дверью и косяком, из которой доносились громкие мужские голоса. — Эта орава сейчас устроит голодный бунт. Вон, уже расшумелись.

Хлопнув Лену по тугой ягодице, Марк со смехом увернулся от почти хлестнувшего по его лицу полотенца и выскочил в зал столовой.

К этому пищеблоку было прикреплено почти пятьсот человек, но регулярно столовалась здесь всего половина из них. Сегодня, однако, создавалось впечатление, что на обед явились все пятьсот, если не больше. Часть уже расселась за столами, другая выстроилась в извивающуюся очередь вдоль прилавка, тянущуюся к автомату-раздатчику, но большинство столпилось в углу. Из-за

спин доносились раздраженные крики.

— Чо происходит? — спросил Марк одного из очереди. — Откуда народ?

— В соседнем пищеблоке загрязнение. Вот всех направили сюда.

— А что за крики?

Мужик пожал плечами.

— Что-то не поделили. Кто-то из наших сцепился с новенькими.

Поискав в очереди и среди сидящих Рустама, Марк забеспокоился. Ибрагимов пришел вместе с ним и давно уже должен был доедать обед. Но горца нигде не видно.

Протолкавшись через столпотворение, Неклюдов вылез почти в самом центре заварушки и выругался на себя за то, что оставил Ибрагимова одного, и пообещал себе как-нибудь отблагодарить Самсонова.

Молодой безопасник стоял между Рустамом и незнакомым мужиком — здоровенным и очень злым, так как по его рабочему комбинезону по груди и животу был размазан соус вперемешку с макаронами, по бедрам расползлись влажные пятна. Опрокинутый на него поднос, тарелки и остатки еды и горячего чая были затоптаны ногами мужчин. И на высоте, так чтобы сразу было не заметно, висел дрон-камера Стивенсон. Сама оператор-репортер-ведущая где-то пряталась.

— Отвали, я сказал, — с угрозой произнес Самсонов мужику и положил ладонь на рукоять дубинки-шокера.

— Этот урод специально меня испачкал! — кричал мужик, указывая на Рустама. — Я вообще мимо шел! Даже не смотрел на него! А он взял и кинул в меня жратвой!

— Извини, брат, — сквозь стиснутые челюсти выдавил Рустам и поправил полу-оторванный рукав комбинезона. — Судорога, запнулся.

— Тебе что непонятно? — спросил мужика Самсонов. — Тебе говорят, это случайно. Успокойся, иди почиститься или переоденься и забудь.

По телу Ибрагимова пробежала мелкая дрожь. Гормональный чип отлично справлялся с задачей выработать негативный условный рефлекс на злость и раздражение, и скоро, знал Марк, Рустам может свалиться в припадке на глазах у столпившихся и зрителей реалити-шоу. Если это случится, вся проделанная работа окажется зазря, более того, придется срочно сматываться.

— Или что? — набычился мужик.

Марк выступил вперед, сказал:

— Или год исправительных работ. Оно тебе надо из-за еще

одного пятна на грязном комбинезоне? Все, представление окончено. Расходимся, мужики.

Схватив Ибрагимова, Марк потащил его через расступающуюся толпу к туалетам.

— Так, а ты стоять! — Самсонов перегородил путь двинувшемуся было следом мужику.

Толкнув одну из двух дверей, Марк затащил Рустама внутрь белого кафельного зала.

— Все, успокойся.

И тут началось. Рустам согнулся, его начала бить крупная дрожь. Пока он не свалился, Марк потащил друга к туалетным кабинкам. Открыл первую, толкнул того к унитазу, помигивающему огоньками блока управления, и обернулся на скрип открывающейся двери — внутрь вплыл дрон-камера, а за ним в киберочках зашла его назойливая хозяйка Кора Стивенсон.

Марк поспешно захлопнул дверь, заперев дергающегося Ибрагимова в кабинке.

— Эй, дамочка, это мужской туалет!

Одетая в серый брючный костюм Стивенсон была невысокой, угловатой, с резкими, порывистыми движениями. Светлые волосы едва касались плеч, лицо очень симпатичное, но его портил слишком въедливый взгляд. Если б не это и грубоватые манеры, молодая женщина не могла бы не привлекать внимание.

Стивенсон пожала плечами.

— Что, думаешь, я членов никогда не видела? — Она кивнула на кабинку, из которой доносились стоны и стук. — Что с твоим другом?

— Паническая атака, — ответил Марк и, пока девица не сообразила заглянуть камерой над кабинкой, силой развернул ее и, упирающуюся, потолкал к выходу. — Свали отсюда. — Он сорвал с нее киберочки. — Или разобью твою камеру.

У самого выхода Стивенсон уперлась ногой в стену. Сказала:

— Давай, бей. Все мои зрители увидят.

— Тебя никто не смотрит. — Он обхватил ее за талию, приподнял и вынес в обеденный зал. Их появление было встречено дружным гоготом сидящих неподалеку рабочих — репортерша уже всех достала. Поставив девицу на пол, он сложил киберочки и сунул их в нагрудный карман пиджака репортерши. — Все, проваливай.

— Выпусти мою камеру, — велела Стивенсон. — И кстати, я знаю, как выглядит паническая атака. Припадок твоего друга больше похож на тот, который вызывает гормональный чип.

— Какой еще чип? Чего ты несешь? — Марк приложил все силы, чтобы не выдать дрожь в коленях и голосе. Приоткрыв

дверь, выпустил бота, автоматически занявшего позицию над головой хозяйки. — Иди ищи сенсацию в другом месте. В мусоре покопайся, что ли.

— Ну и ладно. — Стивенсон развернулась и направилась к выходу из столовой.

Зайдя в туалет, Марк согнулся и уперся ладонями в колени, пытаясь отдышаться. Мало кто видел, как действует гормональный чип. Даже он сам, проводя много времени рядом с Ибрагимовым, не сразу научился распознавать эффекты, оказываемые им на организм. Так как эта девица с ходу заподозрила наличие чипа у Рустама? Вряд ли она участвовала в съемках программы про чипированных. Те старались жить уединенно, а тема чипа и то, во что он превращал людей, была табуирована в медиа-программах.

Значит, сделал единственный возможный вывод Марк, Стивенсон может иметь отношение к правоохранителям. Более того, если у Корпуса появилась информация, что завод может быть атакован, личина всюду сующей свой нос медиаведущей была бы очень удобна для Стража, и ее шатания по территории завода не вызвали бы ни у кого подозрений.

— Рус, кажется, я нашел Стража, — разгибаясь, сообщил Марк.

Глава 12. Враг

То, что получилось доработать до конца смены, Марк счел чудом. Хотя, поразмыслив, сообразил парень, Стражи могли решить не раскрываться раньше времени, и их с Рустамом оставили на десерт. Азиаты им точно важнее двух граждан САС, которые уже никуда от них не денутся.

В любом случае, их с Рустамом положение стало шатким, требовалось прояснить ситуацию. Может, все волнения зря и Стивенсон настоящая репортерша. Ведь в сети удалось найти ее фотографию и информацию об ее месте работы.

Поэтому после работы Марк как следует почистился, причесался, опрыскался духами с феромонами, одел рубашку, купил бутылку вина, шоколадные конфеты и букет цветов. Конечно, разумнее было бы послать Ибрагимова, который обычно действовал на женщин, как валерьяна на кошек, но из-за чипа либидо того снизилось, да и уныние на его лице не прибавляло ему привлекательности. К тому же Рустам был не силен в интеллектуальных дуэлях.

На время съемок Стивенсон также поселилась на территории завода в одноместном домике. Пройдя несколько улиц, Марк остановился перед белым панельным домиком, стену которого украшала надпись черной краской, постоянно подновляемая и гласившая «сука!».

Спрятав цветы и пакет с алкоголем и шоколадом за спиной, Марк постучал в дверь и заулыбался, глядя в глазок-камеру. Щелкнула собачка замка, дверь открылась наружу. Держась за ручку, на пороге стояла Стивенсон, одетая в черные спортивные штаны и черную облегающую футболку, очерчивающую высокую грудь. Волосы были собраны в короткий хвостик, грудь быстро вздымалась и опускалась, невольно приковывая внимание.

— Чего тебе? — грубо спросила девушка, развеяв мимолетное очарование собой.

— Ты не одна? — на всякий случай уточнил Марк.

— Одна.

Он вытащил из-за спины цветы и протянул девушке.

— Прости меня, пожалуйста, за то, как вел себя сегодня. Я не хотел показаться грубым. Просто переживал за друга. Вот, это тебе.

— Ладно, прощаю, — кивнула та, принимая букет. — Еще что-то?

Марк кашлянул, вытащил из-за спины и протянул ей пакет.

— У меня здесь вино и конфеты. Как насчет пропустить по

бокальчику?

— Я занята.

— Спорт? Гимнастика? Аэробика? Танцы?

— Вроде того.

— Тогда, — продолжал настаивать Марк, — после тебе понадобится немного расслабиться.

— Ладно, давай пакет, — она взяла подарки, но с порога не отошла.

— Может, пригласишь?

— Нет.

— Я умею делать массаж.

— Все, до свидания.

Стивенсон начала закрывать дверь, но Марк успел просунуть ступню между косяком и дверью.

— И как это понимать? — нахмурилась девушка.

— Слушай, не будь такой, а, — перешел к более решительным действиям Марк. — Ты очень красивая. Не могу поверить, что тебе нравится, когда все вокруг тебя ненавидят…

— Мне плевать.

— И что тебе нравится быть одной, — закончил Марк.

— Переживу.

— Зачем же лишать себя всех радостей жизни? — с намеком улыбнулся Марк.

— Я ничего себя не лишаю.

— Значит, ты больше по девушкам.

— Нет. Ты со своим другом разве не пара?

— Что? — возмутился Марк. — Не-не-не, мы просто друзья. Общее прошлое.

— Понятно. — Она покосилась на мешающую закрыть дверь ногу. — Ну?

— Ты действительно такая злюка? Или я такой страшный?

Стивенсон на секунду задумалась, и в этот момент Марк отжал дверь и протиснулся внутрь домика. На вид, комната как комната, легкий беспорядок, и все. Коре точно было нечего скрывать или стесняться.

— Какого?.. — попыталась было сказать Стивенсон, но шагнувший к ней Марк крепко обнял ее и впился губами в полуоткрытый рот девушки. Поцелуй продолжался несколько секунд. Когда Марк открыл глаза, то наткнулся на внимательный взгляд девушки на хмуром лице. — Ну, теперь доволен?

— Нет, — стараясь придать голосу побольше страсти, сказал Марк. — Я хочу еще. Хочу тебя всю. Прямо сейчас. Когда вытаскивал тебя из туалета, ты даже не представляешь, как ты меня завела. Весь день думаю только о тебе. Кажется, я влюбился

в тебя.

— Ладно, — заметно смягчилась Стивенсон, отступая от Марка, — если тебе так приспичило, завтра я согласна встретиться с тобой. Сегодня я занята, у меня важное дело. Спасибо за цветы-конфеты, это очень мило. Теперь уходи.

— Но…

— Что непонятно? Я занята. Увидимся завтра, может, даже перепихнемся. Сейчас уходи. — Кинув цветы и пакет на кровать, она обошла Марка, открыла дверь и сама вышла на крыльцо. — Или вызову службу безопасности и обвиню тебя в домогательствах.

— Хорошо, завтра так завтра…

* * *

Марк распахнул дверь в гостиную своего домика и вихрем ворвался внутрь, едва не запнувшись о сидящего на полу в позе лотоса Рустама.

— Что-то быстро, — заметил тот.

— Эта девка вообще непробиваемая! — Марк подбежал к стене, надавил на край панели, и противоположный край этой панели выскочил из стены. Сняв панель, он извлек из полости спортивную сумку, кинул ее на кровать и принялся раздеваться до трусов. — Не представляю, что бы я с ней делал, если бы она вдруг согласилась на секс. Куклы вызывают желание посильней, чем эта Стивенсон. Говорят они тоже больше.

— Думаешь, Страж? Уходим?

— Не, рано.

— Тогда зачем достал сумку?

Раздевшись, Марк вынул свернутую в комок ветровку и тюбик наногеля. Развернув куртку, выдавливая по чуть-чуть гель, принялся наносить маленькие мазки по стереоткани.

— Она что-то собирается сделать. Или делает вид, что собирается. Хочу за ней последить. Еще неплохо бы обыскать ее домик.

— Могу заняться домиком, — предложил Рустам.

— Тебе, припадочному, сейчас даже за руль опасно. Возьму кибер-линзы, будешь следить за всем отсюда. Тем более я не собираюсь ни во что встревать. Просто понаблюдаю.

— Помнится, я тоже так говорил, — проворчал Ибрагимов.

— Лучше займись машиной — вдруг все таки придется сваливать. — Неклюдов достал из сумки второй тюбик наногеля, кинул его Рустаму. — Этого должно хватить на два раза.

Используй экономно. Хватит покрытия в виде решетки, не надо мазать весь кузов, гель сам растечется по кузову. Про колеса и диски не забудь.

* * *

Солнце зашло, когда едва заметный под светом наддверного фонаря силуэт человека — колебание перегретого воздуха, не более — выскользнул из домика Марка и Ибрагимова. Перевалившись через перилла узкой веранды, силуэт двинулся вдоль стены и полностью растворился в тени.

Самодельный камуфляж отлично работал в темноте — если замереть, никто никогда не рассмотрит мимикрировавшего под стену человека, — но под свет лучше не попадать. Программа распознавания системы видеонаблюдения не сможет различить и привлечь внимание к замаскировавшемуся человеку, но связка глаз-мозг куда совершеннее и способнее к распознаванию образов. Если наблюдатель-безопасник или случайный прохожий хоть краем глаза заметят мелькнувшую тень человека, они ощутят легкое, вызываемое рептилоидным мозгом беспокойство, захотят присмотреться повнимательней. Безопасник точно. И хоть наногель и теплоизоляторы делали его невидимым для сканеров и тепловых фильтров камер, полностью растворяться в оптическом диапазоне был способен лишь военный, произведенный промышленным способом камуфляж. Если безопасник сообразит повысить чувствительность программы распознавания, то окна вывода изображения в медиа-комнате окропятся тысячами маркеров мышей, мух и прочей живности, среди которых появится надпись «невозможно идентифицировать объект». Именно туда сбежится вся служба безопасности завода.

Замерев у угла дома, Марк поморгал, стараясь поскорее привыкнуть к ненавистным киберлинзам. Их светочувствительность была повышена ровно настолько, чтобы не слепили фонари, под одеждой слегка грел пузо привязанный к линзам терминал. Пришитая к капюшону куртки маска из стереоткани не слишком плотно прилегала к лицу, слегка колыхалась, и картинка мира на внутреннем слое получалась искаженной. Надо будет напечатать твердую анатомическую маску, решил Марк. И неплохо бы придумать систему циркуляции воздуха.

Двигаясь перебежками, замирая в темноте при звуках голосов, Марк вскоре добрался до домика Стивенсон. Над дверью горел фонарь, окна темные, но это ничего не значило —

светофильтры позволяли делать стекла и прозрачными и зеркальными.

Перебежав через дорогу, Марк добрался до бокового окна домика, расположенного в тени за кустами. Разогнувшись, уже особо не опасаясь быть замеченным, он задрал маску, уставился в стекло, будто замазанное черной краской, и принялся играть с настройками фильтров линз. Пришлось поднять чувствительность до предела, так, что даже заболели глаза, но, наконец, во тьме стекла шевельнулось черное пятно. Стивенсон была дома.

Опустив маску на лицо, Марк сел на землю, прислонился спиной к стене. Теперь оставалось ждать. На случай, если Стивенсон просто хотела отделаться от прилипчивого ухажера и останется дома, ровно в три часа ночи он был готов вскрыть замок — давно взломанный сервер безопасников охотно поделился кодами ото всех домиков, — добраться до киберочков или терминала репортерши, скопировать с них информацию и оставить программу-шпион. А если она проснется и обнаружит незваного гостя, выручит игломет.

Сняв перчатку, чтобы линзы смогли увидеть ладонь и распознать жесты управления, Марк включил поиск точек доступа по всем возможным протоколам связи. Вокруг их оказалось с десяток, но устройства в доме Стивенсон молчали. Марк раздосадовано поморщился, открыл в линзах список камер слежения и погрузился в изучение скучной ночной жизни завода.

Только он увлекся своим занятием — подсматривать так интересно, — рядом хлопнула дверь. На четвереньках добравшись до угла, выглянув, он увидел спину свернувшей на пешеходную дорожку репортерши. Она по-прежнему была одета в спортивки и футболку, значит, задерживаться на улице не планирует.

Следить за Корой оказалось легко — уже на полпути Марк догадался, куда ее понесло в столь поздний час. Спортплощадка располагалась между домиками и забором, давно опустела, но фонари все еще горели. Спрятаться там вроде и негде, но Марк знал хорошее укромное место рядом с ней. Свернув за пару улочек до цели Коры, он миновал несколько домиков, прошел мимо хозблока с заряжающимися роботами-чистильщиками и вышел к декоративным кустикам между площадкой и забором. В этот момент к беговой дорожке приблизилась Стивенсон, нацепила киберочки, вставила в уши наушники и без разминки припустила трусцой.

Опустившись на одно колено, Марк принялся наблюдать за девушкой. Но та просто бегала. На пятом круге Марк похвалил репортершу за отменную физическую форму, на десятом удивился, откуда у нее столько сил — ведь еще и дома

занимается, — на одиннадцатом та отошла к траве, присела и принялась завязывать шнурки. Когда она разогнулась, то что-то сжимала в кулаке. И эта вещица отправилась в карман спортивок Стивенсон.

Марк перестал что-либо понимать. Что-то происходило, но совсем не то, что он ожидал. Зачем Стражу тайник?

— Рус, внимание, — прошептал он. Ибрагимов мог видеть все, что видел он, мог слышать его, но не мог ответить.

Стивенсон продолжила пробежку.

В десятке метров хрустнула веточка, раздался шелест раздвигаемой ногами травы. Задержав дыхание, Марк обернулся на звук, повысил чувствительность линз до предела — и лишь тогда различил мерцание воздуха, легкие складки в гладкой ткани пространства. Это был кто-то в термооптическом камуфляже, причем в настоящем, заводском, а не собранном на коленке. Если бы этот человек не двигался, он бы продолжил оставаться невидимкой.

Человек в камуфляже подошел к краю беговой дорожки, замер и стал ждать приближающуюся девушку.

— Рус, если ты сейчас на толчке, очень надеюсь, ты захватил терминал, — зашептал Марк. — Я нашел азиата. И, похоже, Стража. Кидай шмотки в машину и гони на спортплощадку. Срочно.

Когда Стивенсон пробежала мимо Стража, тот начал действовать. Рывок, воздух заколебался — и Кора, взлетев вверх, приземлилась лицом в беговую дорожку. В тот же миг над ней, прижимая ее коленом к прорезиненному покрытию и заломив ей руку за спину, материализовался человек в черном, похожем на дайверский, костюме. Только капюшон продолжался и полностью закрывал лицо, и, судя по контурам, под камуфляжем он носил полицейскую броню и шлем.

— Не двигаться! — раздался искаженный помехами голос. — Я оперативник Корпуса Стражей. Настоятельно не рекомендую вам сопротивляться.

Стивенсон крикнула что-то гневное, попыталась дернуться — и Страж еще сильнее заломил ей руку, рвя связки и выворачивая сустав плеча. Кора снова закричала, на этот раз от боли. В тот же миг Страж запустил ладонь в открытый рот девушки, раздвигая ее челюсти еще шире, уцепился за зуб-резец механизированной перчаткой, с корнем выдрал его из десны и бросил в траву.

Услышав гудение двигателя джипа, Марк искренне пожалел, что уже поздно сдавать назад. По плану нужно было схватить азиата, допросить, заполучить Тэкс и скрыться. В идеальном варианте все это можно было бы провернуть, вообще ничем не

афишируя свое присутствие на сцене, Стражи бы даже не поняли, что у них под носом кто-то умыкнул одну из их целей. И стычки со Стражами, да еще бронированными, точно не входили в планы. Но на поиски одной только Коры Стивенсон ушло почти два месяца, и найти ее так быстро удалось по чистой случайности. Сейчас была лучшая и, возможно, единственная возможность заполучить азиата. Упускать такую — грех. Нужно было рисковать.

Проведя большую часть жизни рядом с лесом, Марк умел передвигаться бесшумно. А приближающийся джип и плененная девица должны были отвлечь Стража. Так и получилось. Крадучись, на ходу вынимая игломет, Марк зашел Стражу за спину, подобрался на расстояние трех шагов, прицелился в подъем шеи, под нижний обод шлема.

Резанув по Стивенсон и Стражу светом фар, джип свернул на беговую дорожку, начал, ускоряясь, приближаться. Страж распустил магнитный замок на бедре камуфляжа, положил ладонь на рукоять пистолета.

Задержав дыхание, Марк сделал три быстрых шага к Стражу, приставил дуло игломета к шее под шлемом и трижды без паузы нажал на клавишу спуска.

Дернувшись, Страж завалился и растянулся поперек Стивенсон, которая принялась вертеть головой, соображая, что происходит.

В тот же миг что-то кольнуло и отбросило в сторону сжимавшую игломет руку Марка, оружие выпало из онемевших пальцев. Прямо в воздухе начал распускаться цветок кровавого пятна. Рука снова дернулась. На этот раз обошлось без боли — пуля просто порвала стереоткань с изоляторами.

Сообразив, что в него стреляют, Марк бросился на газон, перекатился и замер, спрятав под себя раненную руку. Ну конечно же, младшие оперативники Стражей действуют парами! Как же мог не подумать о втором?! Вот и расплата! Хорошо хоть тот стрелял вслепую, ориентируясь на единственную видимую им вещь — игломет. Если бы не камуфляж, был бы уже трупом.

Рядом с головой Марка пуля выбила из газона кусочек дерна. Вторая легла немного дальше. После Страж переключился с невидимой цели на более доступную — джип. Несколько пуль высекли искру из кузова машины, в боковом окне со стороны водителя появились две аккуратные дырочки. Джип вильнул, выскочил на газон, но быстро выправился и по синусоиде продолжил катиться к Стивенсон и Стражу.

Ибрагимову удалось прикинуть, откуда по нему ведется огонь, и джип, проскользив по газону, процарапав в земле

борозды, прикрыл их от стрелка. Обе пассажирские двери открылись, кое-как втиснувшийся под приборную панель Ибрагимов стянул с лица киберочки и крикнул репортерше:

— Ползи сюда!

Повторять не пришлось. Прижимая к себе травмированную руку, сгибаясь, девушка добежала до джипа и рыбкой нырнула на заднее сиденье. Подобрав игломет, Марк дополз до переднего места, отодвинул как можно дальше кресло и полностью откинул его спинку. Под звон осыпавших кузов пуль забрался в салон. Стреляли из чего-то приличного, но старый джип был так плотно, включая двери, нашпигован аккумуляторами, что это делало его почти броневиком.

— Веди, я все. — Рустам сунул ему киберочки, с которых управлял джипом, обхватил себя руками и застонал.

— Ранен? — Марк задрал маску, нацепил киберочки, стянул, скрипя зубами, перчатку сначала с раненной потом со здоровой руки. Захлопнув за собой дверь, растянулся на сиденье.

— Чип, — ответил Ибрагимов, и его глаза закатились, обозначая начало припадка.

Потянув пиктограмму ускорения, Марк направил, разворачивая, джип к выезду со спортплощадки, следя за дорогой через камеры на морде машины. Стивенсон лежала молча, баюкая травмированную руку. Оно и к лучшему, сейчас не до ответов на вопросы.

Едва машина выехала со спортплощадки, Страж прекратил стрельбу. Марк сел, отстегнул приборную панель и на магнитных салазках передвинул ее вместе с рулевым колесом к своему месту. Зафиксировав панель, он вдавил на руле кнопку ускорения, и джип полетел по пустой и прямой дороге к невидимым отсюда воротам.

От домиков до выезда с завода было с километр. И безопасники уже знали, что на их территории случилась заварушка со стрельбой. Ворота были закрыты, вдоль забора к ним несся, подскакивая на кочках и сверкая желтым проблесковым маячком, джип службы безопасности. Марк до боли в пальце утопил клавишу акселератора в руле, движок вместо обычного гудения начал издавать ультразвуковой писк, машина заскользила шинами по прорезиненному асфальту, зад завилял, ветровое стекло замигало красным. Но безопасники все равно успевали к воротам на секунды раньше. Одно хорошо — Страж остался далеко позади, а охрана не станет сразу палить из боевого оружия.

— Остановиться в десяти метрах от ворот, — скомандовал Марк машине, бросил руль и принялся натягивать перчатки.

Джип службы безопасности успел первым. Машина перегородила дорогу перед воротами, в освещенном салоне сидело четверо парней, в одном из которых Марк узнал дежурящего этой ночью Самсонова. Когда те дружно открыли двери, Неклюдов натянул маску, взял игломет, толкнул дверь и пригнулся, готовясь незаметно выбраться из салона из остановившейся машины. В этот момент заднее и переднее стекла машины взорвались миллионами сверкающих осколков. Раздались вопли боли и страха, звонкий стрекот ударяющихся о металл пуль.

Марк выпал из салона, сразу же перекатился и замер. Спустя пару секунд еще одна очередь прошила его джип, машину безопасников и кабинку дежурного. Двое охранников, сидевших с пассажирской стороны, были невредимы и перекрикивались с раненным внутри кабинки. Водитель зажимал живот и катался по дороге, Андрей Самсонов сидел, раскинув ноги, прислонившись к машине. Его голова была откинута, на месте правого глаза зияла пустота, по щеке красными слезами стекал ручеек крови.

Град из пуль снова осыпал машины. Когда Страж расстрелял третью обойму, Марк вскочил, по обочине, держась тени, добежал до джипа безопасников и нырнул за него. Те даже не поняли, что рядом появился кто-то еще, и в тело каждого воткнулось по дротику. Страж правильно оценил расстановку сил, знал, что четверка охранников не сможет задержать нарушителя в оптическом камуфляже больше, чем на несколько секунд, и вообще не учитывал их присутствие. Остановить врага было намного важнее, с сопутствующими потерями можно не считаться.

— Эй, па… — высунулся из кабинки, зажимая плечо, дежурный и тут же осекся. Он увидел два неподвижных тела и поворачивающийся в его сторону игломет. Человека в камуфляже он разглядел, только когда игломет выплюнул в его лицо дротик.

Под прикрытием джипа Марк добежал до вырубившегося дежурного, сорвал с его шеи ключ-карту и шлепнул им по сканеру на пульте. Загудев, клацнув запорами, ворота начали откатываться в сторону.

Стрельба очередями прекратилась, Страж, видимо экономя боезапас, снова перешел на одиночные. Теперь он принялся за задние колеса джипа и еще не разглядел, что шины цельные, самовосстанавливающиеся.

Добежав до изрешеченной машины, Марк заполз на пассажирское сиденье. Ибрагимов уже начал приходить в себя, Стивенсон мало что понимала и просто наблюдала за развитием событий.

Пригибаясь, Марк объехал джип безопасников. Выезжая в ворота и сворачивая за забор, он сам себе прошептал:

— Прости, Андрей. Так не должно было получиться…

* * *

Когда джип нарушителей свернул за забор, Страж поднялся с колена из-за пригорка, расположенного в полукилометре от ворот. Повесив винтовку на плечо, расстегнул капюшон камуфляжа, снял шлем с подшлемником и, вытащив заколку, тряхнул, распуская, влажные белокурые волосы. Глядя на ее жесткое, волевое лицо, никто бы не смог узнать в Страже миловидную простоватую веселушку из столовой.

— Что с Сергеем? — осведомилась младший оперативник Корпуса Стражей Елена Кунец.

— Жив, — отозвался в ухе координатор операции. — Оказывается, в него стрельнули дротиком.

— Кто это вообще был? Откуда?

— Мама выясняет. Это точно не наши азиатские друзья. Пока известно, что это были некие Коробейников и Носик. Носик точно клон, Коробейников, похоже, настоящий.

— Давид? — искренне изумилась Елена. — Вот гаденыш… Полицию-коптеры подключили?

— Пусть немного побегают.

— Уйдут! — возмутилась Елена.

— Не-а. Они отлично подготовились к пряткам от Мамы, но почему-то не додумались спалить свой домик и потереть генетические следы. Это любители с хорошей теоретической подготовкой, но без реального опыта. Видимо, импровизировали, отклонились от своего плана. Это была их единственная и последняя ошибка. Кроме того, они стащили кое-что из нашего добра. Мама дает благоприятный прогноз на то, что действия этой парочки помогут накрыть всю ячейку или ее часть. Они нам сейчас полезнее на воле. С этого момента руководство операцией и нашим звеном переходит к старшему оперативнику. А ты бери нюхач и готовься выезжать. Мама скоро скинет координаты.

* * *

Покатавшись по лесной дороге с несколько минут, Марк наконец добрался до выезда на трассу и остановился под кронами деревьев. Ждать пришлось недолго, вскоре вдали мелькнул свет

множества фар и всполохи желтого проблескового маячка приближающегося автопоезда.

— Включаем камуфляж, выходим, — скомандовал он Рустаму и Стивенсон, которой выдали и заставили надеть приготовленный на этот случай безразмерный плащ с капюшоном. Термоизолятор был пришит к нему вкривь, маски к капюшону не было, но для небольшой скрытной прогулки под кронами деревьев большего не требовалось.

Когда Рустам со Стивенсон вышли, Марк, включив свой камуфляж, выехал из-за деревьев, дождался, когда мимо пронесется автопоезд, свернул на трассу, включил программу «ленивый водитель» и выпрыгнул из набирающего ход джипа. Наногель и прицепы автопоезда на некоторое время скроют джип от глаз Всевышнего. Когда тот наконец найдет машину, установить точку, в которой машина разделилась с пассажирами, станет невозможно. А значит, уже никто не отыщет самих пассажиров.

Поднявшись с асфальта, Марк побежал к ожидающим под прикрытием крон деревьев Рустаму и Стивенсон.

— Маски можно убрать, — сказал Марк и первым задрал и затолкал под капюшон опостылевшую маску.

— Спасибо, что вытащили, — сухо произнесла Стивенсон. Коснулась травмированной руки, сморщилась, запустила ладонь под полу плаща. Когда она вытащила ладонь, в ней был зажат пистолет.

Молодец, успел подумать Марк, не растерялась и сумела под шумок прикарманить оружие Стража.

Наведя ствол на Марка, Стивенсон потянула за спусковой крючок и тут же принялась смещать оружие на дернувшегося в ее сторону Ибрагимова. Снова потянула за спусковой крючок, и снова пистолет Стража отказался стрелять.

Выдохнув, Марк вырвал из кармана игломет и выпустил в Кору все оставшиеся в обойме дротики.

Глава 13. Солярис

Двигались быстро, почти бегом, однако болтающаяся на плече Ибрагимова Стивенсон не добавляла им мобильности, и к укрытию удалось выйти значительно позже рассвета.

Короб аварийной вентиляционной шахты вакуумной трубы когда-то располагался посреди вырубленной специально под него поляны. Правда, поляна давно заросла деревьями, а само низенькое бетонное строение затянули мхи и опутали плети ползучих растений.

Кое-как отыскав вход, парни расчистили дверь от растительности. Рустам дернул за скобу-ручку, и дверь, затрещав и застонав, подалась ему навстречу. Потянув сильнее, горец открыл дверь настолько, чтобы протиснуться внутрь.

Спускаясь первым по запыленной лестнице, подсвечивая ступеньки экраном терминала, Марк объяснял:

— Трубы начали строить задолго до Всевышнего. В те времена, когда еще существовали частные космические, транспортные и телекоммуникационные компании. Тогда не очень доверяли технологиям и моделированию и всерьез боялись, что капсулы могут застрять, а пассажирам придется выбираться самостоятельно. Поэтому рядом с туннелями под сами вакуумные трубы копали технические, к ним же пристыковали выходы на поверхность и вентиляционные шахты. Потом появился Всевышний и подгреб под себя весь космос, транспорт и связь. Когда он выкупил права на трубы у частников и выдавил тех, кто не продался, он сразу же модернизировал всю сеть, расширил основные туннели и перенес в них все коммуникации. А эти коридорчики перекрыли, и о них забыли.

— Перекрыли? — переспросил Рустам и, дернув плечом, поправил начавшую сползать Стивенсон. — Зачем мы тогда сюда лезем?

— Сквозняк чувствуешь? Вот поэтому лезем. Тоннели перекрыли, но ненадолго. Такие места не могут не привлекать любителей экстрима. Очень скоро в них полезли диггеры, подростки, перевозчики запретов и просто психи. Они-то посносили большинство перегородок. Далеко мы по этим тоннелям не уйдем, но нам далеко не надо. Когда изучал газеты, нашел заметку, что местные детишки заблудились в лесу, нашли вентиляционную шахту, чтобы не замерзнуть, спустились в нее и вышли в депо вакуумных капсул в Луге. Следовательно, отсюда можно выйти к депо, а от него всего ничего до вокзала. Все входы в тоннели под контролем Всевышнего, но сами вокзалы и капсулы

находятся в ведении полиции. Поэтому прямо отсюда мы сможем легко добраться до любой точки в САС. И никто нас не отследит. — Неклюдов достиг конца лестницы, скинул с плеча сумку, посветил терминалом вокруг — они попали в тесную бетонную коробку с проходом в узкий технический туннель. Он выглянул в туннель и не обнаружил в нем вообще ничего кроме пыли и штырей в стенах под давно растащенные трубы и кабели. — Все, привал. Ты делай что хочешь, а я спать…

* * *

Через несколько, как показалось Марку, мгновений, Рустам растолкал его, что-то проворчал, положил на пол свернутую куртку, устроил на нее голову и засопел. Терминал стоял на ступеньках, освещая насколько возможно помещение, Стивенсон валялась в углу с наручниками на кистях и лодыжках.

Чтобы не вырубиться, Неклюдов сразу поднялся на ноги, сделал несколько приседаний. Подошел к девушке и легонько попинал ее по бедру.

— Хорош прикидываться. Я видел, ты шевельнулась.

В ответ молчание.

— Жрать, как я понимаю, ты не будешь?

— Буду, — тут же откликнулась та. Морщась, села, поудобнее оперлась спиной о стену.

Неклюдов достал из сумки две бутылки с чаем-кофеем и упаковки с едой. Дернув за кольцо, включил подогрев одной упаковки и поставил ее перед девушкой.

— Что вам от меня надо?

— Тэкс.

— И все?

— Все. Дашь нам Тэкс, и свободна.

— Свободна? — рассмеялась та. Зубами сняла крышку. — Меня вычислили Стражи.

— Могу отправить тебя в Независимые воды, — предложил Марк. — Оттуда сможешь попасть домой.

— Домой? — почему-то еще больше развеселилась Стивенсон. — Я смертница. Когда меня закинули сюда, в САС, я знала, что никогда не вернусь домой. И что мне будет некуда возвращаться, если я и такие как я провалим задание. Поэтому если тебе больше нечего мне предложить, а тебе нечего, лучше убей, пока до меня не добрались Стражи. На мою помощь не надейся.

— Не хочешь помогать — не надо, — пожал плечами Марк. —

У меня есть твои киберочки, в них есть твой контакт, тот, кто скинул тебе посылку. Кстати, что ты вообще забыла на заводе?

Плотно сжав губы, Стивенсон отвернулась.

Взяв бутылку, Марк подошел к девушке, опустился перед ней на колено, поставил бутылку и, взяв наручники, приложил большой палец к сенсору. Пискнув, браслеты открылись.

— Думаю, так удобнее. И давай без героического пафоса. Мне все равно, смертница ты или еще кто. Мы не Стражи. Сама понимаешь, у Стражей ты бы уже пела обо всем, что тебе известно. Поэтому предлагаю тебе посидеть, покушать и подумать о своем поведении и будущем. Которое зависит от нас. И которого у тебя точно не было бы, если бы я не отбил тебя у Стража. Понятно? Если да, можно начать с самого простого. Меня зовут Марк. Тебя?

Стивенсон промолчала. Лишь взяла упаковку с едой и принялась жадно есть. Когда Неклюдов прикончил свою порцию и начал раздумывать над вариантом чай или кофе, девушка произнесла:

— Кэтрин.

— Что Кэтрин? — Марк сдвинул крышку бутылки на рисунок кофейного зернышка, нажал на донышке кнопку подогрева.

— Меня зовут Кэтрин. Так получилось, что настоящая фамилия Стивенсон. Родилась в Аделаиде, Австралия. Живу в САС уже пять лет, но действовать начала месяцев шесть назад.

— Остальные ваши тоже австралийцы?

— Не все. Есть с Курилл, из Владивостока. Большинство этнические китайцы, индусы, японцы или корейцы. Мы способны немного переделать лицо без серьезного хирургического вмешательства.

— А где настоящая Кора Стивенсон?

— Я ее убила. — Она тоже выбрала кофе, и жидкость внутри бутылки начала чернеть. — Мы были очень похожи, так что хватило пары косметических инъекций, чтобы слепить лицо как у нее. С ее идентификатором, мимикратором, лицом и образцами ее ДНК я полностью стала ей. Меня не должны были вычислить.

— Ты недооцениваешь Всевышнего, — заметил Марк, размышляя, как относиться к только что услышанному признанию в хладнокровном убийстве ни в чем не повинного человека.

— Ты тоже, раз сцепился со Стражами из-за Тэкса, — парировала Стивенсон.

— Не из-за Тэкса. — Марк указал бутылкой на Рустама. — Из-за него. Когда-то давно, в прошлой жизни, я охотился за секретами Всевышнего. Один я раскопал, и Страж попытался

убить меня за это. Если бы Рус не вмешался, мы бы сейчас не разговаривали.

— И что раскопал? — заинтересовалась девушка.

— Что Стражи — это сервера Иджиса. — Марк прищурился: реакция Стивенсон, вернее, ее отсутствие, не оставляли сомнений в том, что эти сведения ей были известны. — Ты лучше расскажи, что ты делала на заводе? И что было в посылке?

— Бомба. Я должна была подложить его к партиям кабелей, готовых к отправке на Солярис.

— Взорвать Солярис? — ужаснулся Марк. Внутри него поднялась волна возмущения и отвращения к этой с виду хрупкой девушке. — Зачем?! Это же не военный объект, гражданский! Это же крупнейший проект всего человечества, дорога к другим планетам!

— Всего человечества?! — злобно прошипела Стивенсон. — Или это проект САС? Помнится, Азиатский Союз был готов проложить дорогу к другим планетам. Еще сто лет назад. И любой мог принять участие в этом проекте. А потом ваша гребанная машина разбомбила всю высокотехнологичную промышленность Азии и пищевые фабрики! Знаешь, сколько тогда человек умерло от голода?!

— Про голод ничего не знаю, но десять миллионов за всю войну.

— С вашей стороны! Ты, мальчик мой, забываешь, что ваша машина считает за людей только граждан САС. Да, вас он защищает, именно для этого он создан. Граждане других государств для него никто! Поэтому ты нигде не найдешь упоминания о сотнях миллионов, которые погибли в Азиатском Союзе после Патентной войны!

— Ладно-ладно, потише, — попробовал сдать назад Марк. — Я, честно, не знал.

— О, ты много чего не знаешь! Откуда тебе?! В вашей конституции записана свобода слова. И это правда, любой может высказаться, только потом его высказывание будет стерто из сети навсегда. Свобода передвижения? Если покинешь территорию САС, сразу лишишься гражданства. Так что да, свободно перемещайся где угодно по территории САС. Презумпция невиновности? Она у вас есть, только с вашими законами осудить можно любого. И ваши суды — это какой-то фарс. Тайна переписки, личной жизни? До первого доноса. Потом ваш Иджис сразу вытащит все ваши тайны на свет. А за недоносительство тоже срок. Ваши правители? Их кто-то постоянно выбирает, но где они? Сменяемость власти? Да, вы можете сменить власть и вместо одних бесполезных клоунов выбрать других таких же

бесполезных, только истинный правитель все равно останется на прежнем месте. — Она прервалась. Отвинтила крышку бутылки так резко, что та покатилась к Марку. — Вы променяли возможность самим управлять своей жизнью и самим выбирать свое будущее на полное брюхо и беззаботное сегодня. Вы променяли неудобную правду на счастливое неведение. Ты знаешь ровно столько, сколько тебе позволено знать. Поэтому какое ты имеешь право осуждать меня, нас, за то, что мы хотим взорвать Солярис? Что ты вообще о нем знаешь? Думаешь, перед войной Иджис вдруг решил построить экспресс на другую планету?

Выдохнувшись, Стивенсон присосалась к горлышку бутылки и начала звучно глотать.

— Что я не знаю про Солярис? — почти по слогам произнес Марк.

— Как думаешь, почему Всевышний не торопится бомбить Азию и почему эта война такая тайна? Космос полностью ваш, с вашими спутниками и технологиями ваша победа была бы гарантированна. Но вы просто отбиваетесь. Почему? — Марк состроил выражение «без понятия», и Стивенсон объяснила: — Всевышний не может напасть на Азию, потому что знает, что его атака гарантированно приведет к уничтожению САС. И что даже слухи о нашем способе контратаки вызовут сильнейшие волнения. После Патентной войны, когда стало ясно, что Азиатский Союз не сможет полностью компенсировать технологическое отставание от САС и что будущие конфликты неизбежны, была разработана стратегия последнего удара. Не ракетами, которые вы бы все посбивали, кое-чем другим. Мы начали строить. Но не вверх, а вниз, под землю. На данный момент около пяти миллионов граждан Азиатского Союза живут под землей на полном самообеспечении, и только эти люди выживут на всей планете, если война перейдет к активной фазе. Потому что под крупнейшими вулканами Тихоокеанского огненного кольца мы заложили ядерные заряды. И если хоть одна ваша ракета упадет на нашу территорию, если станет ясно, что нам не победить, мы взорвем эти заряды, разбудим вулканы и уничтожим все живое на планете. Когда пыль осядет, выживших под землей хватит, чтобы в кратчайшие сроки полностью восстановить популяцию и цивилизацию. Без вашего Иджиса. И поверь, мы это сделаем, потому что мы — не вы. Все население Азиатского Союза знает о плане последнего удара, и мы согласны принести такую жертву. Потому что помним, что ваша машина сотворила с нашим домом, и знаем, что, пока есть Иджис, нам никогда не будет позволено жить по-своему. Мы устали бояться.

— Постой-постой, ты хочешь сказать, что Солярис будет чем-то вроде ковчега для граждан САС?

Словно растолковывая что-то ребенку, Стивенсон терпеливо объяснила:

— Солярис не станет ковчегом, он слишком мал для этого. Он будет тем, чем его задумали — экспрессом на Марс. Но сначала он станет единственным оружием, способным уничтожить бомбы под вулканами. Потому что только лазерная пушка на геостационарной орбите сможет пробить воды океана, земную кору и уничтожить блок управления зарядами, а потом расстрелять все заряды. Единственный подходящий источник энергии для пушки такой мощности — это Солярис. И эта пушка уже создается. Но когда Солярис начнет палить, выброс тепла с океанского дна вызовет сильнейшее цунами, которое смоет половину Азиатского Союза. Вам, европейцам, тоже достанется, но ваша машина допускает сопутствующие небоевые потери. Даже если ценой безопасности и процветания САС станет гибель половины его населения, Иджис, будь уверен, заплатит эту цену.

— Хм-м-м-м… — только и смог произнести Марк. Горячность австралийки удивляла, была сродни фанатизму. Ненависть к САС и Всевышнему глубоко укоренились в ее мировоззрении, стали следствием тяжелой и печальной судьбы Азиатского Союза, однако в отличие от пылающей страстной ненавистью фанатички она была на удивление логична. Возможно, просто так переживает за свой дом и свою проваленную миссию, что не может сдержать эмоции. Но кто бы мог подумать, что они у нее есть. — И поэтому вас послали…

— Нас никто никуда не посылал! — осекла его Стивенсон. — Мы все добровольцы. Я сама решила отправиться в САС.

— Чтобы убить Кору Стивенсон, которой, я уверен, было плевать и на САС, и на Азиатский Союз, — не смог удержаться Марк.

— Чтобы моя семья могла выжить, чтобы другие, те, кого я выбрала, смогли выжить! — сказала, как плюнула, Кэтрин.

— Выбрала?

— Ты правда думаешь, что мы безумные фанатики, которым лишь бы пострелять да повзрывать?

— Ты недавно заявила, что ты смертница, — напомнил Марк.

— Мальчик мой, мы пришли сюда сражаться не за идею, а за живых людей. Каждый доброволец получил право пригласить в убежище сто человек. Теперь понятно?

— Теперь да. Неплохо придумано — спихнуть расходы на обычных граждан.

— Какие расходы? — удивилась Стивенсон.

— Как какие? Вас же нужно было простимулировать, чтобы вы согласились на практически самоубийство. Представляю, на что были готовы пойти люди, чтобы купить у вас билетик на жизнь.

— Купить?! — Стивенсон всю передернуло, она даже не попыталась замаскировать чувство омерзения к собеседнику. — И чем же, по-твоему, могли мне заплатить дети?

— Не понял. Какие еще дети?

— Те, которых я пригласила в убежище. Я пригласила пятерых из моей семьи и девяносто пять детишек из школы, в которой училась. Почти все добровольцы поступили так же.

Неклюдов почувствовал себя оплеванным. Ему и в голову не приходило, что кто-то может решиться пожертвовать собой не ради материальной выгоды, а ради того, чтобы другие, незнакомые ему люди, могли жить. Целеустремленность и горячность Кэтрин, ее готовность убивать и умирать вдруг обрели для него смысл. Нет, она точно не фанатичка, она просто другая, принадлежит другому миру и другой культуре. Вероятно, Кэтрин Стивенсон на самом деле неплохой человек, любящий и преданный. Возможно, она даже раскаивается, что убила Кору Стивенсон. Почти наверняка она не желала зла ему и Рустаму, когда пыталась пристрелить их, — у нее просто не было иного выбора, они были для нее врагами. Как вообще все граждане САС. И хоть Марк не смог принять ее хладнокровную решимость сеять вокруг себя смерть, он смог понять ее. А когда понял, перестал бояться и ненавидеть. Осталась только жалость к ней. Девушка добровольно обрекла себя на жизнь в страхе и одиночестве, но скоро Стражи, поймав и допросив, отнимут у нее даже такую жизнь.

— Прости, — искренне попросил Марк.

— Расслабься, я не злюсь. Ты с твоим другом отличаешься от большинства граждан САС, но вы все равно граждане САС. То есть глупые наивные эгоистичные дети.

— Может, хватит, а? — взмолился Марк. — Заканчивай с этими «мальчик мой, детишки». Мне скоро тридцать лет, и я отсидел в настоящей тюрьме.

— Мне скоро тридцать три, и я участвую в настоящей войне. Мальчик.

— Тебе никогда не исполниться тридцать три, если этот мальчик, — он постучал себя по груди, — не придумает, как нам всем разойтись по-хорошему. — Он потянулся, зевнул. — Ладно, пора заняться твоим контактом.

— Тебе не надо заниматься моими контактами, — сказала Стивенсон. — Я смогу достать Тэкс. У координатора есть запас.

Получите его на моих условиях.

Глава 14. Всевышний

— Грешники!!! — завопил вдруг старик в черном пасторском костюме и белым подворотничком. Вскочив со своего кресла, он встал посреди прохода вакуумной капсулы и начал метать гневные взгляды на засуетившихся вдруг пассажиров. Потрясая крючковатым пальцем, плюясь, проповедник продолжил: — Вы все отринули истинного Господа нашего, забыли наставления его, обрекли на вечные муки в аду души свои! Ты, блудница, — он указал на девицу в шортиках и полупрозрачном топе, сидевшую через пару рядов от него и подкрашивающую тенями глаза, — позабыла, что тело твое это храм Его! Как смеешь ты выставлять напоказ прелести свои, осквернять благословенный Им мир похотью своей? Не ведаешь ты, что змей-искуситель проник в чрево твое и пожирает изнутри душу твою!..

Вытянув шею, Марк наконец оторвался от созерцания открытой в терминале карты и повнимательней поглядел на старика. Судя по всему, ортодоксальный католик, похоже, даже настоящий проповедник, а не просто сумасшедший старикан. Такие иногда устраивали набеги на подземку, на единственную доступную им трибуну, с которой они могли вещать хоть сколько-нибудь долго, не боясь быть немедленно утащенными с нее вездесущими полицейскими. Эти полубезумные фанатики отрицали неохристианство и Новую Церковь, признающую генетику, дарвинизм и Большой Взрыв, всюду таскали с собой бумажные Библии, верили в Акт Творения и рай с адом. В принципе, народец этот был безобидным, но шумным и доставучим. Марк даже немного уважал их — в отличии от церковников-неохристиан, потакавших большинству людских пороков, ортодоксы были последними, кто не позабыл истинный смысл существования религий большой тройки — помочь отринуть в себе животное начало, прививкой морали убить прячущегося в каждом человеке зверя.

Проповедник ткнул пальцем в следующего пассажира — накрашенного парня — и принялся обличать его грехи. Народу в капсуле было немного, из двухсот кресел заняты были лишь треть, до отправления оставалось меньше минуты. Но продержаться эту минуту будет сложно — проповедник уже заметил и обратил взор пылающих праведным гневом глаз на величайшего грешника из всех когда-либо ступавших по этой бренной земле.

Семейство, расположившееся через пару рядов от усевшихся в хвосте капсулы беглецов, на первый взгляд было обычным — пара

малолетних детей, мальчик и девочка, еще симпатичная жена и молодой отец, чье плечо под толстовкой обхватывала лента с капсулами с гормонами, а грудь была украшена надписью «я пама!». Лента и надпись не оставляли сомнений — это была продвинутая семья, без ярко-выраженной гендерной идентичности, и во вшитой в брюшной полости искусственной плаценте отец вынашивал в себе третьего ребенка. Таким образом мужчина должен был ощутить на себе всю тяжесть материнства, что лишь укрепило бы семейные узы этой пары.

Марк отлично представлял, что будет дальше: проповедник начнет насылать проклятия на голову грешного мужа, тот нажмет кнопку тревоги, и в капсулу завалится пара полисменов. Первым делом они скрутят старика, после просканируют капсулу и, несомненно, заинтересуются экранирующей сумкой, неизвестно как пронесенной через сканеры и датчики на спуске в вокзал. Старика следовало срочно утихомирить.

Покосившись на сидевшего через проход Рустама, Марк издал обреченный вздох и начал подниматься.

— Сиди, я разберусь, — сказал Ибрагимов.

Загородив собой семью, Рустам склонился к старику, что-то прошептал ему, с важным видом выслушал ответ — и вдруг обнял проповедника. А тот разрыдался. Проводив старика к его месту, горец усадил проповедника, похлопал его по плечу и сел в пустующее кресло рядом.

Двери закрылись, капсула начала набирать ход, перегрузка на несколько секунд вдавила Марка в анатомическое кресло. Через пять минут капсула преодолеет двести километров до берега Балтийского моря и остановится в Таллине, откуда всего ничего до населенного практически одними машинами города-порта Таллин-2, рядом с которым и должен был состояться обмен Стивенсон на Тэкс. Детали обмена утрясла сама Стивенсон, каким-то неведомым способом убедившая координатора, знавшего о ее провале, выкупить ее у ее спасителей. Марк, не веря, что все оказалось так просто и опасаясь подвоха, лишь назначил знакомое ему и безопасное место.

— Что будешь делать потом? — спросил он у сидящей рядом девушки. Та, облокотившись о ручку кресла, задумчиво пялилась на картинку горного пейзажа, транслировавшегося в окне.

— Продолжу свою миссию, — не оборачиваясь, ответила Кэтрин.

— Снова в тень? Менять личность?

Та наконец посмотрела на него:

— Ты правда думаешь, что смог скинуть Стражей?

— Почему нет? Я все продумал. Как только получим Тэкс,

Носик и Коробейников исчезнут. Я верну себе свою настоящую личность и буду просто жить. Есть у меня одно местечко, куда бы я хотел вернуться, — там тихо, спокойно, Всевышний далеко и не достает. Прямо как у староверов. Ну, а Рус возьмет себе новую чистую личность, и что будет делать, это у него надо спросить.

— Как же Солярис, война?

— Желаю вам успехов в вашей войне, — просто ответил Марк. — Я не против, если вы грохнете Солярис. Все равно уже смирился, что мне никогда не прогуляться по Марсу. Надеюсь только, что у ваших властей хватит мозгов не уничтожить всю планету.

— И все? — удивилась Стивенсон. — Вот так просто забудешь обо всем, что узнал? Сможешь спокойно жить, зная, что Земле может прийти конец?

— А что мне остается? Что может сделать один человек, когда между собой сцепились два государства? Ничего. И, кстати, я не имею ничего против Азиатского Союза, но раз твой народ взял в заложники всю планету, то если придется выбирать, я выберу сторону САС и Всевышнего. Пусть лучше он уничтожит половину Азиатского союза, чем вы — вообще всех. Поэтому не пытайся перетащить меня на свою сторону.

— Пф-ф, больно надо, — фыркнула Стивенсон. — Ты, мальчик мой, сильно себя переоцениваешь.

— А ты нет? — съехидничал Марк. — Ты отлично законспирировалась, я бы никогда не допер, что ты из Азиатского Союза. Но ты ничего не успела сделать, тебя раскрыли. Как? — Девушка пожала плечами. — Ты представляешь, что такое Всевышний и насколько он хорош в прогнозировании? Нет? Давай объясню. Когда-то давно, триста лет назад, жил один ученый и писатель Айзек Азимов. Он сформулировал три закона робототехники, три принципа. На заре программирования считалось, что эти принципы неприменимы к созданию искусственного интеллекта, так как их невозможно объяснить мыслящей двоичной логикой машине, она не поймет. Потом появились исследования, доказавшие, что интеллект это ни что иное, как способность нейронов головного мозга выстраивать цепочки связей. Чем больше таких цепочек способен построить мозг, тем выше уровень интеллекта. И примерно тогда же были созданы нейросети, в них была заложена возможность создавать такие цепочки. По сути, нейросети были первой попыткой сымитировать работу мозга, и, самое главное, они могли обучаться. Поэтому для создания искусственного интеллекта, оказалось, нужно не так уж много — всего лишь напихать в код побольше нейронов и начать скармливать этому коду как можно

больше информации, чтобы стимулировать образование цепочек. То есть учить машину так, как обучают детей. Первый шесть версий Иджис оказались не слишком хороши, седьмая попытка завершилась успехом, Иджис-Семь стал полноценным человеком, правда без тела. Он даже оказался способен понимать чувства людей, сам, однако, чувствовать не мог, только имитировал этот процесс. А так как Иджис был обычной программой с открытым кодом, в него можно было напихать еще неограниченное количество нейронов, что и сделали. Со временем он стал очень умным, логические цепочки, которые он создавал, стали чрезвычайно сложными. Количество мыслительных процессов, которые он мог одновременно поддерживать, было ограничено лишь оперативной памятью его первого сервера, но все равно было большим, чем у любого самого гениального человека. Иджис буквально стал способен предвидеть будущее. — Марк пощелкал пальцами, подбирая пример поточнее. — Я часто играл с дедом в шахматы. И выигрывал одну партию из десяти. Потому что я был способен просчитать ходы на два шага вперед. Дед просчитывал на три, поэтому всегда выигрывал. Иджис просчитает любую партию на десять ходов. Это миллиарды возможных комбинаций. И его способности к прогнозированию применимы во всех сферах человеческой деятельности, он почти человек. Сначала его использовали как игрушку, очень интересную функцию социальных сетей. Любой мог скормить ему информацию о себе, и Иджис, которого стали в шутку звать Всевышним, подбирал этому человеку идеальную пару. Причем, он был настолько точен в своих прогнозах, что эти пары редко когда распадались. Было целое поколение людей, сведенных вместе Всевышним. Он даже смог «поженить» христиан и умеренных мусульман после того, как один студент-теолог задал ему задание найти общие моменты в Библии и Коране и опубликовал результаты. Потом его начали использовать генетики для прогнозирования изменений в организме при включении-выключении какого-либо гена. Так как опыты на людях были запрещены, генетикам не оставалось ничего иного, кроме как обратиться к Иджису. Так возник гендизайн. А потом один очень предприимчивый брокер нанял кодеров, и те переделали одну из копий Иджиса для махинаций на рынках валют и ценных бумаг. Естественно, этот брокер озолотился, но он своими действиями сильно напряг банкиров, финансистов и разных магнатов, которые, в свою очередь, напрягли прикормленных ими политиканов, и те подсуетились и быстренько прикрыли проект Иджис. Для чего использовали сам Иджис. Власти в качестве основополагающих принципов

скормили ему конституцию САС, обучили праву, законам и назначили его помощником замминистра САС по информационным технологиям. Сначала он просто помогал отлавливать свои копии, потом ему начали делегировать полномочия исполнительной власти. И чтобы Всевышний не лез в их дела, Азиатский Союз и Арабская Лига физически отделили свои сети от сетей САС. Некогда единое информационное пространство распалось на три отдельные части. Потом постепенно распались рынки, и три государства, союзы, утратили точки соприкосновения, отделились друг от друга даже на уровне культур. Теперь мы имеем то, что имеем — три враждующих между собой государства и изумительно сложную, почти равную богу, машину, которая училась понимать и править людьми на протяжении полутора веков. Теперь ты понимаешь, против кого тебя послали воевать? — Марк с сочувствием поглядел на внимательно внимавшую ему девушку. — Моего ума хватило, чтобы понять, где искать тебя, но я даже близко не представлял, кого мне нужно искать. Всевышний, будь уверена, знал и где, и кого. У него был круг подозреваемых, поэтому тебя так легко повязали. Он всегда на несколько шагов впереди. Поэтому вы уже несколько лет ведете тут свою маленькую диверсионную войну, но почти ничего не добились. Поэтому если стратеги Азиатского Союза не припасли крайне неожиданный финт, ваша война обречена. Фактически вы все просто мясо, которое кинули в мясорубку в надежде, что она подавится. И мясо без костей, потому что никто из вас даже близко не сравниться по своим возможностям со старшим оперативником Корпуса Стражей. Вы просто люди, а они настоящие монстры, за которыми стоит Бог. Не думай, что я пытаюсь оскорбить тебя, просто не хочу, чтобы ты погибла ни за что. Вот тебе мой совет: возвращайся домой.

Стивенсон отвернулась к окну и некоторое время молчала. Капсула начала постепенно замедляться, когда она наконец прошептала:

— Не могу. Если вернусь, меня заклеймят позором. Те люди, которых я пригласила в убежище, будут изгнаны. Все. Я не могу подвести их.

— Вот как, — пробормотал Марк. — Крепко же тебя подцепили. Тогда… Независимые воды. Я на всякий случай уже проверил канал туда. В Талине у меня есть знакомый старовер, он занимается контрабандой из САС в Мариам-Бэй. Сядешь на рыболовецкий траулер, потом тебя подхватит подлодка. Всплывешь уже рядом с Мариам-Бэй.

Стивенсон повернулась к нему и как-то слишком осторожно, нерешительно спросила:

— А ты и Рустам?

— Что я и Рустам?

— Не хотите сбежать в Независимые воды?

Марк пожал плечами:

— Я когда-то хотел туда. Когда жил вне закона. Сейчас не знаю. Не особо. Все-таки мой дом здесь. Рус, наверное, хотел бы туда, но сейчас он немного не в себе. — Он вытянул шею и глянул поверх голов впередисидящих на беседовавшего с проповедником Ибрагимова. Старик уже не плакал, улыбался. — Гормональный чип пошел ему на пользу. Но не все изменения к лучшему. Я должен сначала привести его в норму.

— Дом, — грустно улыбнулась Стивенсон. Тряхнула головой, плотно сжала губы. Из голоса исчезла нерешительность. — У меня тоже есть дом. И долг перед теми, кто живет в нем. Даже если моя смерть ни на что не повлияет, я должна сражаться. Спасибо тебе, что хочешь помочь, поэтому вот тебе мой совет: когда получите Тэкс, бегите из САС. Как можно быстрее.

Марк напрягся:

— Я что-то упустил? Что я не знаю?

Капсула остановилась. Пассажиры начали подниматься, снимать с полок сумки и рюкзаки.

— Просто сделайте, как говорю, — посоветовала Стивенсон.

Глава 15. Террор

Стивенсон с ее координатором определенно что-то запланировали. Но вот что — Марк даже не мог вообразить. Да и какой вообще смысл выручать засветившегося агента? Для координатора, понимал Неклюдов, разумней и безопасней было бы вообще не выходить на связь и оставить девицу на попечение ее спасителей. Чтобы задействовать ее в другом задании? Это вряд ли — сама Стивенсон понимала, что долго на воле ей не продержаться, даже если она снова сменит личность. Перед захватом Стражи должны были собрать максимум информации о цели, если кто-то с ее скелетом, походкой и манерой двигаться и говорить хоть на километр приблизиться объекту, представляющему интерес для диверсии, Иджис моментально пометит этого человека как подозрительного и установит за ним наблюдение. Хотя, размышлял Марк, Стивенсон могла знать координатора лично, что маловероятно, но не исключено, тогда координатор мог согласиться на встречу, чтобы… устранить девушку. Или чтобы добраться до ее киберочков, где он был в контактах. Правда, ему проще было бы избавиться от своих очков-терминала, которые могли бы вывести Стражей на него. Вряд ли он выходит в сеть под своей основной личиной, он обязан использовать фейка и вирусный протокол. А еще координатор не мог не подозревать, что вместо двух странных типов, которые отбили его агента у Стража, этого агента могли сопровождать сами Стражи.

По всему выходило, что этот обмен Стивенсон на Тэкс — полный бред. Либо координатор клинический идиот, либо их с Рустамом собираются использовать для чего-то. Они, сами того не подозревая, стали пешками в противостоянии двух умных и хитрых игроков. А пешкам не положено знать, какая судьба им уготована — выведут в ферзи или пожертвуют ими.

Успокаивало одно — Стивенсон была уверена, что обмен состоится и что он и Рустам будут после него дышать достаточно долго, чтобы иметь возможность сбежать из САС. Марк верил ей. Она могла быть жестокой, но не подлой. А еще он отлично знал место, где назначил обмен. В свою бытность продавцом запретов именно из Таллина-2 он собирался отправиться в Независимые воды и хорошо изучил все входы и выходы из роботизированного города-порта.

Ветка вакуумной трубы, которой они воспользовались, обрывалась в Таллине, и вокзал находился на поверхности. Перед входом выстроилась небольшая очередь проходящих через

досмотровые сканеры, но выход практически не контролировался. Так, стояла камера, чтобы никто не проскочил на вокзал без досмотра и идентификации, но камера обычная, оптическая, не подключенная напрямую к Всевышнему.

Пройдя через турникеты и раздвижные двери, троица вместе с потоком покидающих вокзал пассажиров оказалась на квадратной площади со стелой посередине. Почти все стоящие у тротуаров машины были автоматизированными такси, но у входа кучковалось несколько мужчин — к ним-то Марк и направился. Не успел он приблизиться и на десять шагов, как от компании отделился молодой парень и с ходу спросил:

— Машина?

— Нужно такси, — подтвердил Марк.

— Только перевозка? — Парень хитро прищурился. — Экскурсия нужна?

— Нет.

— Могу провести по интересным местам. Популярным и не очень. Легальным и не очень. Познакомлю с кем надо. Есть контакты девочек. — Он глянул на Стивенсон. — И мальчиков.

— Успокойся, мы не туристы. Нужно в Таллин-2. К старому терминалу. Плачу два счетчика.

— Окей, — кивнул таксист и больше ни о чем не спрашивал. Он был смышлен и знал правила.

* * *

Таллин-2 был шедевром прагматизма. Ни одной кривой линии, ни одной выступающей части, ни одного склада-ангара хоть на сантиметр выше другого. Город был построен машинами и для машин. Для людей здесь попросту не было места. Нефиг непредсказуемым людишкам метаться по узким улочкам перед грохочущими по рельсам платформам, груженными контейнерами, цистернами и частями механизмов, вынуждать эти платформы притормаживать и нарушать безупречную логистику города-порта. Здесь время перемещения каждого контейнера было просчитано до секунды, задержишь один — задержишь всех, собьешь город с его ритма и местный ИИ — сильно недоразвитый старший брат Всевышнего — обязательно обратит внимание местной службы безопасности на помеху. Самому ИИ нет и не будет никакого дела до того, кто шляется по улицам его города, пока эти люди перемещаются по правилам. У него есть дела поважнее — контролировать подачу тока на рельсы и к кранам, следить за состоянием этих рельс и кранов, принимать и

отправлять суда, просматривать декларации, проверять груза и еще куча всего. Поэтому стоит отойти хоть на сантиметр за узкие дорожки из желтых линий, не остановиться вовремя на красный сигнал и гудок пред выезжающей из склада платформой, — тебя тут же заметят. Пока ходишь внутри линий, то почти не привлекаешь внимания. А если используешь камуфляж, то становишься невидимкой.

— Охренеть! — прошептал Рустам, когда мимо пронеслась платформа и на секунды стало относительно тихо. Забыв, что камуфляж включен, он указал мороком руки на гигантскую машину, ощетинившуюся кранами, манипуляторами, сваебойниками, пилами и ковшами. Она была втрое выше любого пятнадцатиметрового здания города и была видна с верхних этажей находившегося в двадцати километрах отсюда Таллина. — Это что за хрень такая?!

— Колосс, — ответил Неклюдов. — Эти штуки стоят такие города. Обычно они модульные, в разы мельче, но этот самый первый и самый старый. Он первая и последняя попытка создать замкнутый цикл производства внутри одной машины. К нему подвозят руду, цемент, песок, шебень, воду — короче, все, что ему нужно, — он перерабатывает это внутри себя и выдает металлические сваи и бетон. И сам же из них лепит здания. Даже разметка на земле — это его работа. Если нужно что-нибудь перестроить, он сам снесет ненужное здание, сожрет его и переработает в нужный материал. Кстати, это почти незаметно, но он сам перемещается. У него, по-моему, восемь шагающих платформ. Или больше, не помню. Не важно. Важно то, что вокруг этой машины такое мощное электромагнитное поле, что в километре от него начинает сбоить любая электроника. — Марк вытянул руку и показал, как заколыхалось изображение на стереоткани, как по нему пошли волны. — Во, уже началось. Скоро начнется мертвая зона для всей неэкранированной электроники. Платформы уже сюда не ездят, камеры отключены. Камуфляж тут тоже бесполезен. — Он глянул на номер на здании, мимо которого они проходили, и вытащил из кармана игломет. — Следующее наше. Я захожу, ты, Рус, стоишь снаружи и делаешь вид, что готов пристрелить нашу… э, подругу.

— Не волнуйся. — Стивенсон откинула капюшон, нащупав на воротнике блок управлении, вырубила питание стереоткани своей накидки, которая к тому моменту стала проецировать какие-то психоделические картинки из цветных водоворотов и кривляющихся гримас. — Если не будешь тупить, останешься цел.

Марк также вырубил камуфляж, задрал маску и скинул капюшон. Нахмурился:

— По-твоему, твой координатор настолько глуп, что приперся сюда лично? Что ему мешает доставить посылку дроном? Может, он уже оставил посылку? Я бы сделал так.

— Мы — не ты, — напомнила Стивенсон. — Мы не преступники.

— Поэтому вы помрете, а мы нет, — невольно, от нервов, съязвил Марк.

— Вот из-за своего самомнения ты и сгниешь в тюрьме, — парировала девушка. — Напомни, что вам полагается за измену?

— Двадцать пять лет заключения, — сходу отрапортовал Неклюдов. И помрачнел, представив себя запертым в одиночке на столь внушительный срок.

Стивенсон повернулась к Ибрагимову. Сказала:

— Твой друг самоуверенный идиот. Когда примешь Тэкс, в норму придешь через недели две, припадки прекратятся сразу. Хватай своего товарища и беги к ближайшему контейнеровозу. С вашими игрушками сможете легко пробраться на судно. Там будет всего три-четыре человека команды, у них есть спасательный коптер. На нем долетите до любого города в Независимых водах. Знаю, он может начать упираться, решит, что сможет спрятаться в САС, но у него ничего не получится. Поэтому, если понадобится, выруби его.

— Сделаю, — пообещал Рустам.

— Эй-эй, дамочка, — возмутился Неклюдов. — Что ты несешь?

— Стражи уже должны выяснить ваши настоящие личности, — спокойно объяснила Стивенсон.

— С фига ли?

Кэтрин обреченно вздохнула:

— Мальчик мой, ты великолепно умеешь прятаться от Иджис. Твой криминальный опыт научил тебя быть невидимкой в сети, для камер и датчиков. Но ты хоть раз подумал о том, чтобы, кроме сетевых следов, подтереть за собой другие?

— Какие другие? — не понял Марк.

— Смотрел старые фильмы? Читал детективы? Те, которые были выпущены до Иджис.

— Парочку глянул, — подтвердил тот. И вдруг до него дошло. Застонав, он схватился за голову и стукнулся лбом о стену склада. — Вот дерьмо-о-о-о! Отпечатки!

— И ДНК, — добавила Стивенсон, проходя мимо бьющегося о стену лбом Марка к приоткрытым воротам склада.

Неклюдов схватил ее за руку, рывком развернул к себе и злобно прошипел:

— Почему не предупредила раньше?

— А должна была? И что бы изменилось? — Она кивнула на зияющую черным щель между створок ворот. — Там тебя ждет Тэкс. Ты бы не пришел, если бы знал, что тебя раскрыли?

— Ну, э-э-э…

— Значит, понимаешь, что это твой единственный шанс получить Тэкс. Все равно бы пришел и привел меня. — Она стряхнула руку парня, развернувшись боком, проскользнула в щель. Донесся ее голос: — Давайте заканчивать. Осталось мало времени. — И громче, криком: — Свои! Это Кэтрин!

— Черт, Рус! Как же я облажался!

— Независимые воды? — уточнил Рустам и начал протискиваться внутрь склада.

— Если сейчас нас там не кончат, — согласился Марк. — Вот сука!

Он пролез внутрь склада. Просторное помещение размером с футбольное поле было абсолютно пустым, если не считать рядов металлических колон, подпиравших кровлю крыши. Между крышей и стеной зияли пустоты, внутрь, наискось, лился свет. Стивенсон уже успела отойти от ворот. Марк устремился за ней, его мучил еще один вопрос:

— Эй, дамочка, ты что-то сказала насчет времени. Почему?..

Он осекся, врезавшись в спину замершего Рустама. Выглянул из-за него и тут впервые увидел, что под лучами света в тени замерла массивная фигура. Прищурившись, Марк всмотрелся внимательней. А потом открыл от удивления рот. «Ирбис» — тяжелая механизированная броня десантника САС, черного цвета, со встроенной системой оптического камуфляжа. Человек в такой броне мог некоторое время на равных тягаться даже с Цербером. В случае, если хозяин потеряет сознание, броня могла самостоятельно продолжить бой или выйти из него — смотря как запрограммирована. У незнакомца в руках был крупнокалиберный шестиствольный пулемет, к ранцу за спиной тянулась широкая патронажная лента. У ног валялась большая черная сумка. На маске белой краской был нарисован улыбающийся череп.

— Мать вашу, — прошептал Ибрагимов, — это же «Ирбис».

— Вон еще один, — указал Марк на дальний угол, где стоял второй пехотинец. — Кажется, надо отсюда сваливать. Берем Тэкс и бежим.

Подойдя к пехотинцу, Стивенсон произнесла:

— Прости, что так получилось. Я не успела принять токсин, — она оскалилась, демонстрируя брешь в нижнем ряду зубов, — Страж выдрал капсулу. Извини, что подставила.

— Ты меня извини, — донесся глухой, очень знакомый голос.

Маска чуть отделилась от шлема, пехотинец сдвинул ее на макушку, и глазам подошедших поближе парней предстал орлиный нос их товарища по покеру Гингадзе. — Две недели следил за тобой, думал, все чисто, Стражи не подозревают. А они, — он всплеснул руками под жужжание сервоприводов, — не понимаю, как не заметил, что за тобой наблюдают. Откуда?

— Мин, тебе не нужно было раскрываться. Лучше бы передал Сверчка мне.

— Нет, Кэт, им нужен только я. Остальных они убьют. Нужно открывать карты, — Гингадзе покосился на замерших неподалеку парней, — как сказали бы наши глупые друзья. Мы недооценили его. Этот их Иджис просто чудовище. Нас бы всех переловили по-одному. Погибли бы ни за что.

— Как тебе место?

— Неплохо. Очень неплохо. — Непроизвольным жестом Гингадзе поднес к уху под шлемом руку. — Наблюдатель сообщает, они близко. Примерно двадцать человек. Скорее всего, больше. Есть тяжелая техника, два коптера. Даже Цербер притащили.

Марк заволновался. Громко кашлянув, он спросил:

— Господа, вы что, устроили засаду на Стражей? Серьезно? Тогда мы с Русом, может, того, покинем вас?

Стволы пулемета качнулись в его сторону.

— Не надо, Мин, — встала между Гингадзе и парнями Стивенсон.

— Стражи не знают про Ирбисы. Они попадутся и сдадут нас. Пусть эти игрушки, — он постучал себя по бронированной груди, — станут сюрпризом. Положим побольше этих тварей.

— Не попадутся, — заявила Стивенсон. — Сейчас они возьмут Тэкс и побегут отсюда не оглядываясь. — Не оборачиваясь, спросила. — Я права?

— Да! — синхронно кивнули те.

— Как знаешь. — Гингадзе пинком отправил сумку поближе к Стивенсон. — Ирбисов всего три. Для тебя только полицейская броня. Тэкс тоже там. Одевайся, тактическая карта загружена, твоя пушка на точке. Я на свою позицию.

Сдвинув маску на лицо, Гингадзе развернулся и под едва слышное жужжание приводов направился к задним воротам к ожидающему его пехотинцу.

Открыв сумку, Стивенсон вынула и разложила на полу закрепленную на экзосекелете полицейскую броню. Покопавшись в сумке, она достала шлем и перехваченную резинкой пачку блистеров. Кинула таблетки Рустаму.

— Здесь таблеток на пятьдесят лет. В Независимых водах

продолжительность жизни намного меньше, чем в САС, так что этого тебе точно хватит.

Подождав пока Гингадзе и его напарник выйдут со склада, Рустам выдавил из блистера капсулу, внимательно осмотрел ее, помял, понюхал, лизнул и, наконец, кинул в рот.

— Ну как? — поинтересовался Марк.

— Похоже, настоящие.

— Действует?

— Должны. Ударь меня по лицу — узнаешь.

— Ладно, поверю, — решил Марк и спросил у стоящей на колене и расстегивающей щитки и жилет брони девушки: — Когда вы успели организовать все это? Я контролировал ваш разговор. Вы друг-другу и десяти слов не сказали.

— Про кодовые слова слышал? — Она легла на броню, опустила нагрудную пластину и принялась застегивать щитки на правой руке. — А план был проработан заранее. Со мной-вами или без меня-вас, но Мин в любом случае выманил бы на себя Стражей. Вы просто удачно подвернулись. Спасибо, что проводили меня сюда.

— Думаешь, Стражи еще не знают, что вы им готовите?

— Естественно, они учитывают возможность засады. Иначе зачем им Цербер и коптеры? — Сев, Кэтрин принялась застегивать щитки на бедрах и щиколотках. — Но они точно не знают, сколько нас здесь всего и что их ждет.

Марк прищурился:

— Это будет не просто перестрелка. Вы что-то задумали. Что-то намного масштабнее. Так?

— Все, вам пора, — резким тоном велела Стивенсон. Поднявшись, она пару раз присела, помахала руками, проверяя, как сидит броня. — Город уже окружен даже с воды. Спрячьтесь где-нибудь, дождитесь, когда начнется стрельба и уходите к пристани. Стражам вы не интересны, будут заняты нами. Скорее всего, они пропустят вас через свой периметр. — Она открыла маску шлема, надела его. Прежде чем опустить маску, сказала: — Прощайте. Может, увидимся в следующей жизни.

Переглянувшись, парни направились к главным воротам. На полпути Марк остановился, оглянулся и крикнул:

— Тебе не обязательно умирать! Ты свое дело сделала, привела Стражей в ловушку. Пойдем с нами. Я выведу нас, гарантирую.

Вместо ответа, Стивенсон достала из сумки крупнокалиберную винтовку и перевязь с обоймами. Направилась к задним воротам.

— Пойдем. — Ибрагимов дернул Марка за капюшон

куртки. — Она солдат, она не бросит своих. Не в такой момент.

— Ну и дура, что не бросит, — с досадой кинул Марк. Взглянул на Рустама: впервые с момента их встречи в баре горец не побоялся проявить инициативу. Прежний Рустам возвращается, понял Марк, еще раз с досадой глянул на девушку и повернулся к воротам: — Ладно, валим подальше от этих психов. На пристань не пойдем. Будем уходить другим путем. Знаю одну лазейку…

* * *

В передвижном командном пункте Корпуса Стражей было людно и тесно. Четверо аналитиков сидели в одну линию перед пультом и сотней мониторов, занимавших одну стену бронированного кунга командного пункта, вдоль второй выстроились в ряд четыре Ирбиса. Нагрудники и набедренные щитки были открыты, костюмы ждали своих хозяев. В узком проходе за спинами аналитиков стояли, глядя на мониторы, координаторы внешнего, полицейского, и внутреннего, из младших оперативников Корпуса, периметров. У дальней стены на откидном кресле сидел, сгорбившись и положив локти на колени, облаченный в полицейскую броню здоровяк. Объективы сканеров шлема светились красным, гигант молча, не двигаясь, наблюдал за руководителем операции — Славко МакАдамсом, который втиснулся между кресел аналитиков и теребил завязки воротника подброневого комбинезона Ирбиса.

Допотопные ЖК-мониторы представляли собой архаизм, даже устройства ввода на пультах были клавишными. Однако лишь эта громоздкая техника могла бы без ущерба для себя пережить атаку из ЭМИ-пушки, если таковая имелась у противников.

— Еще один контакт. — Аналитик рядом с МакАдамсом вывел на монитор перед собой картинку со спутника, нацеленного на ворота склада. В предельно четком изображении можно было рассмотреть облупившуюся краску на чуть приоткрытых воротах, но Страж не заметил ничего не обычного. Правда, аналитик ориентировался не на само изображение, а на столбцы из цифр в углу. — Судя по шумам их камуфляжа, это наши, САСовцы. Коробейников и Носик.

— Уже установили, кто они? — спросил МакАдамс.

— Один есть, — откликнулся другой техник. — Гражданин Неклюдов Марк Анатольевич. Анализ ДНК второго в процессе.

— Вот те на, — искренне изумился МакАдамс и даже заулыбался. — Все никак не успокоится.

— Второй будет через минут пять.

— О, я даже знаю, кто второй. Пересекался с ними.

— Указания насчет этой парочки? — спросил координатор периметра Стражей.

— По обстоятельствам. Не забывайте, до суда они все еще полноправные граждане САС. Будут мешаться, махать оружием, можете стрелять на поражение. Если будут тихо уходить, то и хрен с ними, можно пропустить. Пусть ими занимается полиция. В любом случае, в САС они долго не продержатся. Не возражаю, если они навсегда исчезнут в Независимых водах. Координатора уже вычислили?

Аналитик пробарабанил по клавиатуре и вывел изображение утрамбованного Колоссом пустыря и куска склада.

— Больше всего фонит это место, — пояснил мужчина. — Он прячется где-то здесь. Мама провела анализ колебания магнитных полей, там недавно перемещался большой кусок металла. Похоже, на нем военная броня. Еще пара похожих случаев зафиксирована в трехста и пятистах метрах от этого места. Больше данных нет, Колосс очень мешает. Нужно его отключать. Коптеры тоже жалуются на Колосс, не могут подлететь, пока он работает.

— Значит, минимум четверо, — резюмировал МакАдамс. Он обернулся к координаторам. — Через три минуты начнем. Все как обычно. Сначала вырубаем Колосс, после Мама скинет «Гром», потом запускаем Цербер. Он вызывает огонь на себя и устанавливает местоположение стрелков. За ним идут младшие оперативники в Ирбисах, им помогают коптеры. Будет десять звеньев. Разрешаю устранить цели на месте. Если возьмете кого-нибудь живым, тоже неплохо. — Он повернулся к гиганту, который наконец шевельнул головой. — Ну, а у нашего нового друга сегодня боевое крещение. Мы с ним займемся координатором. Если он уйдет от нас и выскочит на младших, на поражение не стрелять. Отходите и зовёте нас. Аналитики подскажут, где он.

Гигант поднялся и почти уперся шлемом в потолок кунга.

— Залезай в Ирбис, — велел МакАдамс.

— Нет, — прозвенел искаженный помехами голос, — пойду в этом. Броня тормозит меня.

— Уверен?

— Я бы предпочел заняться целью сам, командир. Обещаю, сильно не помну.

— Черт, кто же ты такой? — спросил координатор полицейских.

— Прототип, — ответил МакАдамс. — Первый старший оперативник, модифицированный по третьему типу. — Он

грустно вздохнул, подошел к Ирбису, скинув тапки, повернувшись к нему спиной и подтянувшись на перекладине под потолком, начал просовывать ступни в щиколотки брони. — А мы, двойки, уже устареваем.

* * *

— Это мертвая зона для вообще всего, — сказал Марк, когда они с Рустамом нырнули в узкий, меньше метра, проход между складом и высоким бетонным забором, разделяющим старый и новый терминалы. — Сейчас дойдем до конца здания, там будут рельсы. Когда услышим платформу, выбегаем, прыгаем на рельсы и цепляемся к платформе. Я смотрел, там есть за что ухватиться — скобы, силовые кабели. Делаем все быстро — раз здесь Стражи, сейчас над нами летают такие штуки, о которых никто не слышал. Но даже самым навороченным датчикам нужно время, чтобы засечь нас. Полагаю, им потребуется секунд десять, поэтому надо успеть за пять. Отсюда платформы едут к сортировочному узлу. Он под крышей, нас там будет не видно. Нужно будет найти контейнер с зеленой меткой — это значит, что его готовы забрать. — Марк похолопал по пластине терминала под одеждой. — Коды к контейнерам стандартные, их не меняли уже лет двадцать. У меня они сохранились. В общем, забираемся в контейнер и через полчаса-час нас отвезут в Таллин-1. Наверное, в Таллин-1. Или куда-нибудь еще. Главное, подальше отсюда.

— Звучит просто, — согласился Рустам. — Только скоро начнется война.

— Ну, значит, придется посидеть внутри подольше. День-два. Никто не будет обыскивать контейнеры. Их здесь больше миллиона. Невозможно проверить их все.

— День-два? — скептически хмыкнул Рустам. — Дружище, контейнеры герметичные, дышать-то чем будем?

— Проветрим. Думаю, смогу открыть замок изнутри. Или у тебя есть идеи получше? — Они добрались до конца прохода и остановились. Метрах в двух от их укрытия, тянулись две рельсовых дорожки. — Кстати, рельсы под напряжением, очень большим, так что аккуратно. — Марк прислушался и среди грохота, гудения и сирен города-порта уловил нарастающий лязг и стук колесных пар платформы. — Первую пропустим. Прыгаем под следующую.

Дождавшись, когда между рельс замигает красный фонарь, сигнализирующий о приближающейся опасности, Марк начал

считать. На счет пять из ворот неспешно, на скорости километров в сорок, выкатилась платформа, груженная стопками из трех контейнеров.

— Едет достаточно быстро, — заметил Рустам. — Запрыгнуть просто, цепляться снизу рискованно.

— Справимся. Следующая наша. Как только фонарь замигает, сразу бежим.

Ждать пришлось недолго. Уже через несколько секунд вновь донесся стук колес следующей платформы.

— Итак, — проговорил Марк, — три, два, один, — фонарь замигал, — пошли!

Ибрагимов рванул из укрытия — и налетел на едва видимого Марка, который, чуть дернувшись, застыл на месте. Схватив друга за одежду, Рустам втянул вытолкнутого им парня обратно в укрытие между забором и стеной и зашипел:

— Ты чего завис?!

— Слушай, — прошептал Марк. — Что-то не так.

И действительно, платформа, выехавшая из ворот, двигалась медленней предыдущей. Она катилась по инерции и постепенно замедлялась.

Рустам прислушался: город-порт словно бы засыпал. Интервалы между стуком колес снующих туда-сюда платформ становились все длинней, сирены больше не ревели, видимые из укрытия краны-журавли и кран-балки опускали груза. Даже далекий Колосс прекратил гудеть и теперь сердито ворчал, постепенно затихая.

— Началось, — констатировал Ибрагимов.

— Ну почему именно сейчас?! — вскинул руки и лицо к полоске синего неба Марк. — Не могли подождать всего минуту?! Вот почему нам так не везет?!

— Теперь что? Пойдем пешком?

— Ха! — вдруг вскрикнул Марк. — Смотри на контейнер на этой платформе! Кажется, нам очень даже повезло!

Выглянув из-за угла поверх головы Неклюдова, Рустам увидел зеленый круг на боку одного из контейнеров на платформе, которой они намеревались воспользоваться. Она остановилась метрах в двадцати от их укрытия, и нужный им контейнер был нижним в стопке из трех.

— Дай-ка подумать… — начал Марк.

— Кончай уже думать, погнали! — сказал Рустам, вытолкнул Марка из прохода и понесся к платформе.

Первым добежав до платформы, Ибрагимов нырнул под нее и на четвереньках по шпалам полез поглубже. Капюшон его ветровки едва коснулся оси колесной пары, как стереоткань

замерцала, а вшитый в рукав конденсатор лопнул с громким хлопком.

— Осторожнее! — пропыхтел позади Марк. — Не касайся рельс и колес. Камуфляжу тогда точно конец.

— Понял. Кстати, в пять секунд уложились. Что теперь?

— Видел белые цифры на боку контейнера? — Задрав куртку, Марк вытащил из-за пояса терминал. — Первые четыре вроде «ноль-пять-девять-семь», так?

— Угу, — промычал Рустам.

— Сейчас найду код. Очень надеюсь, что внутри хватит места. И очень надеюсь, что здесь не начнут стрелять. Эта платформа и забор хороши как укрытие, можем оказаться под перекрестным огнем. От нас ничего не останется.

— Упс, поторопился, — признался Рустам. — Кстати, почему-то тихо…

Едва он сказал это, как неподалеку что-то громыхнуло. И звук низкой басовой ноты, очень сочной, утробной, начал набирать силу. Первые секунды еще было ничего, затем Рустам ощутил, как внутри него все задрожало, к горлу подкатил тугой едкий ком желчи.

— Какого?.. — сквозь сведенные до боли челюсти выдавил Марк — и резко задрал маску, отвернулся и начал извергать содержимое желудка на шпалы.

Нота продолжила набираться силу. Рустам впервые в жизни почувствовал все свои органы — сердце, печень, легкие, мозг, желудок, кишечник. Все они вибрировали, колыхались, словно каждая молекула воды в его теле вдруг пришла в движение и начала метаться под гнетом все усиливающегося звука.

Терпеть стало невмоготу. Рустам задрал маску, и его стошнило. А потом мир перед глазами взорвался снопом искр и погрузился в темноту…

* * *

Елена Кунец медленно двигалась по улице, параллельной забору, разделяющему старый и новый терминалы. Камуфляж Ирбиса был отключен за ненадобностью. Взрывное устройство было примитивным донельзя — что-то из конца двадцатого, начала двадцать первого веков, — однако оказалось крайне эффективным и с ног до головы заляпало ее броню белой краской. Смекалка врага даже восхитила ее: вот так вот просто оказалось лишить Ирбис одного из его главных преимуществ — скрытности. Сканеры даже не смогли засечь эти взрывпакеты из-

за слишком малого количества металла и отсутствия активного взрывателя, а Цербер просто пролетел над растяжками из нанонитей. Едва войдя в город и еще не успев приблизиться к врагу и на километр, большая часть группы младших оперативников была демаскирована. А выйдя на свет, они стали отличными мишенями для автоматических турелей. Еще и три Ирбиса и ручная ракетная установка Сигма. Даже не потребовалась помощь аналитиков и Иджиса, чтобы догадаться, что пожар на военном складе под Петроградом, вспыхнувший три месяца назад и закончившийся грандиозным взрывом, был прикрытием для кражи.

Хорошо хоть Ирбисов у врага было всего три, а «Гром» сумел нокаутировать облаченных в полицейскую амуницию. Ненадолго, на пару минут, так как их шлемы минимизировали урон для нервной системы, но этих минут хватило, чтобы перестроиться и четко оценить силы противника. Правда, автоматические турели все же успели покрошить трех Стражей, прежде чем Цербер заткнул их. Затем очнулся враг с ракетной установкой и вывел из строя Цербера и один из коптеров.

Елена вызвала на визоре полупрозрачную тактическую карту. Бегло оценила расстановку сил. Бой длился всего двадцать минут, но уже подходил к концу. Изначально число противников равнялось девяти. Один из тяжелых пехотинцев врага был уничтожен, двое оставшихся окопались неподалеку от Колосса и поливали все вокруг себя из пулеметов. На них со всех сторон наседали двое старших оперативников и четверка младших. Плюс Иджис выслал на помощь стратосферный штурмовой истребитель — через пять минут там все будет кончено. Еще двое противников в полицейской амуниции было убито, оставшиеся четверо разделились на пары и уходили в разные стороны. Со стороны Стражей погибло шестеро, пятеро получили критические повреждения брони и были вынуждены выйти из боя. Трое младших оперативников преследовали убегающую в сторону леса парочку, ее звено из нее самой, Сергея и крадущегося впритык к крышам коптера загоняли к морю и старому терминалу оставшихся двух, один из которых был ракетчиком с последним снарядом в Сигме. Как только он выпустит ракету, больше потерь не будет — их винтовки мощные, с патронами с урановыми сердечниками, но уплотненную на молекулярном уровне броню Ирбиса они пробьют, только если пуля попадет в сочленение сустава или под шлем.

Двадцать два Стража против девяти солдат врага, а столько трупов. И ведь бой еще не закончился. Это откровенный провал. Прогнозировались потери в одного-двух, но никак не шестерых и

двух единиц техники. Правда, это был первый случай, когда враг дал столь организованный и яростный отпор Корпусу Стражей таким количеством солдат и настолько качественным вооружением. Впрочем, если удастся захватить командира врага живым, это оправдает потери. Точно известно, что координаторы контактируют между собой, после допроса удастся как минимум обезглавить смежные ячейки сети азиатских диверсантов. При удачном раскладе, получится переловить всех членов этих ячеек.

Пуля оставила небольшую вмятину на наплечнике Ирбиса, броню чуть развернуло. Тактическая карта тут же исчезла, на визоре загорелась красная пунктирная линия траектории, по которой летела пуля. Повернув штурмовую винтовку к забору в сотне метров, Елена от бедра выпустила короткую очередь. Пули наискось высекли крупные куски бетона из забора и стены стоящего за ним склада.

Проклятый городишко, скривилась Елена. Все прямое, простреливается насквозь, здания огромные и каждое имеет по два выхода. На карте все выглядело удобно, на деле оказалось не очень. Проблематично загнать врага в угол, если нет ни одного угла и тупика. Да еще эти чертовы платформы повсюду. И эта нелепая щель между забором и складами, куда невозможно втиснуться в тяжелой броне. Забор высокий, под четыре метра, но стрелок врага каким-то образом умудрялся стрелять из-за него. Причем стрелял он хорошо. Высунет винтовку, пальнет, и сразу вниз. А каждая пуля ложилась в опасной близости от слабых мест Ирбиса.

— Сергей? — позвала Елена.

— Все, я нашел ворота, сейчас за забором. Через минуту добегу до него, — отозвался напарник.

— Осторожнее, он опасен. Пилот?

— Над тобой, — отозвался коптер.

Елена включила режим панорамного видения. Из-за края крыши склада, рядом с которым она шла, высунулись и тут же втянулись обратно два кожуха коптера.

— Наведи Сергея на стрелка.

— А ракетчик?

— Он на моей стороне, где-то рядом. Там он тебя не достанет.

— Понимаю, что не достанет. Как же ты?

— Сама с ним разберусь.

— Он тебя расплавит. Я-то, может, выдержу.

— Выполняй, это приказ, — велела Кунец.

— Понял, приступаю.

Пропеллеры коптера взревели, машина набрала пару метров

высоты, развернулась, и на мгновение из-за края крыши показались задние кожухи.

Из-за платформы в сотне метров впереди Елены к коптеру устремилась ракета. Получив предупреждение, пилот резко накренил машину и начал смещать ее в сторону. Однако на таком расстоянии увернуться от ракеты было невозможно. Как и вырубить ее «мозги» ЭМИ-импульсом. Он лишь сумел избежать прямого попадания в отсек с боезапасом. Правый задний кожух коптера исчез в огненном шаре, кумулятивная струя и осколки посекли и оплавили правый передний.

— Подбит! — крикнул пилот и перенаправил всю энергию на еще работающие пропеллеры левой стороны, введя их в критический режим работы. — Засек его! Сейчас получит ответку!

Ревя готовыми рассыпаться пропеллерами, кренясь и дергаясь, дымящийся коптер развернулся к платформе, за которой прятался ракетчик, и поплыл к цели. Шестиствольный пулемет на носу дернулся, завращался — но из него не вылетело ни одной пули.

— Отказ вооружения, — спокойно констатировал пилот, направил нос машины вниз и полетел к ракетчику. Когда до цели оставалось с полсотни метров, фонарь кабины отлетел вверх, за ним на реактивной тяге вылетела спаскапсула с пилотом. Потерявшая управление машина накренилась, закружилась, оставляя позади себя завитки черного дыма, и, чуть-чуть не дотянув до платформы, рухнула на рельсы. Боезапас сдетонировал, машина буквально испарилась. Взрывная волна подхватила и понесла на Елену стену пыли, мелких камушков и частей коптера. Платформа дернулась, ее сорвало с рельсов, с нее посыпались контейнеры и части какого-то механизма.

Когда волна прошла, лишь оцарапав Ирбис, Елена увидела выкатившегося из укрытия и лежащего на спине противника. Приблизила изображение: тот, похоже, отделался контузией, так как на броне не было заметно повреждений, а его грудная клекта равномерно вздымалась.

— Пилот?

— В порядке, — отозвался тот из капсулы, запрограммированной приземлиться рядом с командным пунктом. — Дальше сами.

— Спасибо, отлично сработал. За мной должок.

— Ловлю на слове.

— Сергей?..

* * *

Соваться в эту щель ой как не хотелось, но пока враг там, он так и будет постреливать из нее по напарнице, оставаясь в безопасности. Одно хорошо — стрелку тоже особо некуда деваться из этого коридорчика. Выйдет на улицы к рельсам, там отловить его станет вопросом времени.

Пройдя между складами к забору, младший оперативник Сергей Аничкин высунул винтовку в коридор в сторону предполагаемого местоположения врага. Камера на винтовке передала изображение на визор — и он не сразу смог поверить в свою удачу. Вот он! В каких-то двухстах метрах прямо по центру длинной стены склада! Четко различимый человеческий силуэт, целится в него из винтовки.

Не раздумывая, Сергей выпустил в противника всю обойму, сменил ее на новую и вышел в коридорчик. Изрешеченный пулями стрелок лежал на спине, только на самом деле это был не стрелок, мгновенно понял Страж. Манекен посверкивал искрами из пулевых отверстий и все так же держал в руках какую-то палку, больше всего похожую на швабру.

— Черт! — с досадой кинул Сергей, и пуля противника впилась в миллиметровый зазор между нагрудником и шлемом брони. Сам же стрелок, облаченный в оптический камуфляж, завис на высоте три метра. Ногами он упирался в забор, а спиной в стену склада.

Отшатнувшись, Сергей выронил винтовку, вывалился из коридорчика и рухнул на бетон между складами.

* * *

— Сергей? — снова повторила Елена.

— Здесь, — просипел напарник.

— Что случилось?

— Этот сраный акробат подстрелил меня. На сантиметр в сторону, и все. Вроде ничего серьезного, небольшое кровотечение. Броня сбоит, но я могу продолжать.

— Уверен?

— Да, уверен. Смотрю на него через винтовку. Он только что перебрался на твою сторону. Видимо, решил, что я труп. У него, кстати, камуфляж. Я снимаю броню и лезу за ним. Если сможешь выманить его на себя и отвлечь, буду очень благодарен.

— Сделаю.

* * *

Глянув на карте местоположение напарника, Елена принялась оценивать местность. Улица узкая, ее наполовину перегородили обрушившиеся контейнеры, в сотне метров ворота на пристань. Между нею и воротами замерла пара платформ. Что ж неплохо. Когда стрелок явится, он наверняка начнет рассматривать контейнеры как укрытие. Поэтому лучше не смущать его своим близким присутствием и отойти поближе к воротам.

Подойдя к контуженому противнику, Елена схватила его за ворот нательной брони и поволокла к примеченному ею месту. Ноги того волочились по пыли, оставляя две дорожки, винтовка на перевязи скребла по бетону. Подойдя к воротам, Елена приставила к забору свою винтовку, выпустила из указательного пальца перчатки брони короткое лезвие и перерезала ремень оружия врага. Пнув его винтовку к складу, она сверху вниз глянула на бессознательного противника. Удобная позиция занята, теперь пора выманивать стрелка.

Присев, она расстегнула клипсы и сорвала шлем. И хоть насилие никогда не доставляла ей особого удовольствия, в этот раз, поняла она, все будет иначе. Потому что перед ней лежала Кора Стивенсон. Та самая сучка, которую она упустила и из-за которой получила выговор.

Елена легонько пнула по поврежденному плечу Стивенсон, та застонала и замотала головой, рассыпав по бетону светлые волосы.

Отключив режим модуляции голоса, чтобы та могла узнать ее, Елена проворковала:

— Открывай глазки, киса. Сейчас мы с тобой немного поиграем. Если позовешь своего напарничка сюда, тебе будет просто больно. Если будешь молчать, тебе будет очень больно. Это понятно?

Застонав, все еще не придя в себя, Стивенсон чуть приподняла веки и тут же опустила их.

— Ясно. Тогда сделаем так. — Зажав кисть руки Стивенсон одной рукой, Елена наступила ей на грудь и приставила лезвие к мизинцу. — Нужно, чтобы ты немного покричала.

Сказав это, Страж начала не спеша пилить лезвием мизинец пленницы. Это мгновенно привело ее в себя, и Стивенсон завопила и забилась. Но сколько бы она ни извивалась, ни вырывала руку, преодолеть сопротивление брони было ей не под силу. Она все так же оставалась прижатой к дороге, а ее кисть и оттопыренный мизинец были намертво зафиксированы в стальной перчатке Стража.

Секунд через пятнадцать окровавленный мизинец Стивенсон упал ей на лицо, вопль прекратился, сменившись бульканьем и

всхлипами.

— Ну как, киса? Готова сотрудничать?

Стивенсон прошипела что-то на незнакомом языке.

Елена зафиксировала безымянный палец пленницы и принялась пилить его. Даже медленней, чем в прошлый раз, стараясь, чтобы звонкий вопль Стивенсон звучал как можно громче и дольше.

Когда безымянный палец девушки повис на полоске кожи, Елена оторвала его, взглянула на вопящую пленницу, с ненавистью и слезами на щеках глазевшую на нее снизу вверх. Все еще не сломалась, поняла Страж и принялась за средний палец.

— Сначала я отрежу тебе все пальцы, потом уши, нос, губы, — пообещала Кунец. — Я буду резать тебя, пока твой напарник не начнет стрелять в меня. И тогда ему конец. Он сдохнет из-за тебя. Ясно тебе, киса?

Лезвие заскребло по кости, как вдруг Стивенсон умолкла и расширенными от боли и ужаса глазами уставилась за спину своей мучительницы.

Отпустив руку пленницы, Кунец обернулась, удивленно моргнула, а затем с досадой сморщилась.

— Ну а ты какого хрена здесь забыл, Давидик? Забейся обратно в нору, из которой вылез, и сиди там тихо. Тобой займусь позже.

— Прекращай это, — с угрозой приказал Неклюдов. И добавил: — Леночка.

— Ты вмешиваешься в операцию Корпуса Стражей. Я защищаю САС, я действую в интересах и на благо САС.

— Если это, — он указал на пару пальцев между ними и Кунец, едва двигая сведенными от ярости челюстями продолжил: — в интересах и на благо САС, я уничтожу такой САС.

— Очень смелое и громкое заявление, — рассмеялась Елена. — Для безоружного человека. Для одного безоружного человека. Твой дружок, смотрю, умнее тебя, раз решил не встревать.

— Не. Такой же дурак. — Он кивнул за спину Елены в сторону ворот. — Кстати, вот и он.

Выпуская лезвия на всех пальцах брони, Кунец отступила от Стивенсон и повернулась к Марку спиной. В этот момент Ибрагимов, успевший оббежать склад, перелезть через забор и зайти Стражу за спину, отключил камуфляж и ускорился еще сильнее, оглашая окрестности дробью громких шагов.

Дротики из игломета застучали по спине Ирбиса. «Мозг» брони тут же отметил вооруженного Марка как более опасную и

приоритеную цель. Повинуясь рефлексам, Кунец крутанулась обратно к Неклюдову.

Прыгнув, Рустам вытянулся в полете в струнку и выбросил обе ноги в спину Стража. Его скорость помноженная на массу составили вместе кинетическую энергию чудовищной силы. Двухсоткилограммовый Ирбис чуть оторвался от земли и рухнул на выставленные перед собой руки. Правда, досталось и Рустаму. Отдача от удара по тяжеленному и твердому Ирбису пронзила стопы адской болью. Он упал, перекатился подальше от Стража и вскочил, правой ногой опираясь лишь на носок ботинка.

Марк бросился к винтовке Стивенсон.

Ловко поднявшись, словно и не было на ней всех этих килограмм, Кунец побежала к своему оружию. Протянула к нему руку — и винтовка, завибрировав от удара пули, пружиной отскочила в сторону. Грохнул еще один выстрел, пуля чиркнула по шлему. После за контейнерами вдалеке затрещал автоматический пистолет Стража. Раздался третий выстрел крупнокалиберной винтовки — пистолет умолк.

Подхватив винтовку Стивенсон, Марк побежал на Стража, молясь, чтобы биометрические сенсоры были отключены. Проскользив подошвами по бетону, он остановился в паре метров от Стража, от бедра навел ствол на живот Елены и потянул за спусковой крючок. Грохнул выстрел, безинерционный ствол винтовки утонул в цевье оружия и тут же отскочил в боевое положение. Но пуля оставила лишь маленькую вмятину на черном корпусе брони. Правда, ее энергия вынудила Елену попятиться.

Марк еще дважды выстрелил в корпус Стража, вынуждая того отходить, а потом упер приклад в плечо и начал палить в лицевую маску шлема. С каждым попаданием Ирбис пятился к воротам и подальше от своего оружия, вмятина на маске становилась все глубже и глубже. На седьмом выстреле прогибающаяся лицевая пластина достигла носа Елены и начала вминать хрящ и кость в череп. Страж закричала. После одиннадцатого выстрела патроны закончились, но Марк продолжал щелкать спусковым крючком.

Подняв руки, Елена просунула когти-лезвия в появившуюся щель между маской и шлемом и принялась отдирать стискивающую ее череп пластину. Заорав от боли в ноге, Ибрагимов преодолел последние метры до Стража и врезался в нее плечом.

Отступив на шаг назад, Страж запнулась о рельс и растянулась на спине. Отодрала наконец маску, отшвырнула ее и, подняв голову со свернутым носом и провалившимися скулами,

уставилась на Неклюдова, который бросил винтовку Стивенсон и приближался к ней, держа ее оружие.

— Идиот, оно только для Стражей, — прохрипела Кунец.

Вместо ответа Неклюдов бросил винтовку на нее. Цевье упало на грудь брони, ствол коснулся второго рельса, и цепь замкнулась. Ирбис выгнулся дугой, а Кунец лишь пискнула. Спустя мгновение плоть уже мертвого Стража зашипела и загорелась. Из всех сочленений брони вверх потянулись струйки дыма, разнося по воздуху тошнотворно-приторноватый запах жженых волос и мяса.

Упав на колени, Марк схватился за голову и застонал, не в силах поверить и принять то, что только что сделал.

Припадая на травмированную ногу, Рустам прихромал-допрыгал до друга, вздернул того на ноги, тряхануул и закричал:

— Успокойся! Приди в себя! Ты должен придумать, что делать дальше!

Сбив хватку Рустама, Марк побрел, пошатываясь, к Стивенсон, сидящую и баюкивающую покалеченную руку.

— Ты! — зашипел он. — Это все из-за тебя, тварь! Из-за тебя и твоих дружков! Из-за вашей гребанной войны! Из-за тебя я убил человека! — Он схватил девушку за ворот нагрудника и принялся со злостью со всей силы молотить ее кулаком по лицу. — Ненавижу! Ненавижу! Чтоб ты сдохла, сука!

Схватив друга за шкирку, Рустам оторвал его от девушки, развернул к себе и залепил ему звучную пощечину.

— Успокойся! Включай уже голову! Нужно сваливать!

— Куда?! Мы только что убили Стража! Он, — Марк ткнул пальцем в небо, — все видел! Нам теперь нигде не спрятаться! — Он указал на пристань неподалеку. — Он нас даже под водой выследит и достанет! У нас ничего не получится!

— Полущится, — прошепелявила Стивенсон, вытащила из уха наушник и отбросила в сторону. Поковырявшись во рту языком, выплюнула пару зубов и коснулась свернутого носа. — У Мина не получилось. Нужно отойти еще немного и найти укрытие. Очень надежное. И уходить нужно быстро.

— Куда идти? — деловито поинтересовался Рустам.

Стивенсон кивнула куда-то в сторону границы города.

— Все, подъем! — велел ей Рустам. — Пойдем вдоль забора.

— Да пусть сидит здесь! — крикнул Марк.

— Заткнись! — рявкнул на него Рустам. — И давайте уже шевелиться!

— У нас не больше минуты, — сообщила Стивенсон.

* * *

— Ублюдки! — крикнул окровавленный, вырванный из брони Гингадзе вслед двум убегающим Стражам. Он сидел неподалеку от Колосса, его распотрошенный Ирбис валялся на площади в сотню метров, из культей ног, оторванных ниже колена, толчками вытекала кровь.

Провал, это провал. А ведь все так хорошо начиналось. Даже это чудовище в полицейской амуниции, которое голыми руками растерзало его броню и оторвало ему ноги, когда доставало из Ирбиса, не смогло причинить ему столь много боли, как Иджис. Он понял! Каким-то невероятным образом он сумел разгадать его замысел, ради исполнения которого вся группа обрекла себя на смерть. Все было разыграно идеально, никто не струсил, никто не дрогнул, со стороны все их действия выглядели, как будто они решили погромче заявить о себе в своем последнем бою.

Даже он, Мин, бился отчаянно и яростно, подставляясь под пули и идя в самоубийственные атаки. Ни единым своим действием он не дал намека на то, что он не желал смерти, а напротив, хотел, чтобы его захватили и доставили в штаб Стражей. Но Иджис раскусил его и приказал Стражам убегать.

Но ничего, никто не уйдет живым из этого города. Они уже обречены. Его группа все-таки одержала победу. Пусть и маленькую, но они первыми смогли в открытом бою так сильно потрепать Стражей. Осталось лишь поставить точку и добить их всех…

* * *

— Секунд двадцать! — крикнула Стивенсон.

Они втроем уже вбежали в первый попавшийся склад, и Марк, достав терминал, искал код от присмотренного им контейнера.

— До чего? — спросил, нервно оглядываясь по сторонам, Рустам.

— Сюда! — указала девушка на массивный контейнер с рисунком снежинки на боку.

— Рехнулась?! Это холодильник! — возмутился Марк. — Мы сдохнем там!

— Быстро открывай! — приказала Стивенсон.

Марк попробовал было возмутиться, но его опередил Рустам:

— Она хоть раз соврала нам?

Поморщившись, Марк глянул на номер на боку контейнера, вбил первые цифры в строку поиска, и на терминале выскочил список кодов. Поднеся терминал к замку, он начал поочередно жать на строки с кодами, подбираясь к нужному.

— Ну же! — приплясывала рядом девушка.

— Заткнись и не мешай! — Замок пискнул, и Марк потянул на себя рычаг запорной планки. Открыл дверь и жестом пригласил всех внутрь. — Прошу!

Рустам вошел первым, Кэтрин плечом втолкнула Марка следом и захлопнула за собой дверь.

— Эй, полегче, — кинул Неклюдов. Осмотрелся: по всему контейнеру были развешаны замороженные коровьи туши, стены и пол покрывали корки льда. И по этому льду вдруг потекли струйки талой воды. — А это как понимать?..

— Лечь и сгруппироваться! — приказала Стивенсон, бросилась в лужу воды, секунду назад бывшую льдом, свернулась калачиком и обхватила голову руками. Рустам немедленно последовал ее примеру. Марк остался на ногах.

Неклюдов коснулся ладонью стенки контейнера — и со вскриком отдернул ее назад. Все внутри заполнилось паром, дышать стало тяжело, туши засочились кровью.

— Что?.. — начал было Марк, как вдруг его швырнуло об стену контейнера, он врезался в нее виском и моментально отрубился.

* * *

МакАдамс бежал изо всех сил. Их было столько, что ему пришлось притормозить на пару секунд, открыть броню и выбраться из Ирбиса, чьи ограничители не позволяли развить скорость выше пятидесяти километров в час, дабы находящийся внутри человек не растянул или порвал сухожилия. Но его связки были полусинтетическими, они могли выдержать куда большую скорость и нагрузки, чем мог себе позволить немодифицированный человек.

Выплеснутый чипом в кровь АТФ наконец разнесся по всем клеткам тела, и МакАдамс припустил еще сильнее. Но новичок все равно намного опережал его. Тот уже добежал до пристани и как раз нырял рыбкой с пирса между двумя громадными контейнеровозами. В полтора раза быстрее, в три раза сильнее, констатировал Страж, которому оставалось еще метров триста, пятнадцать секунд бега на его максимальной скорости.

Он глянул назад, ожидая увидеть вспышку, означавшую конец. Но пока ничего, лишь четверо младших оперативников плелись в полукилометре позади в своих неуклюжих бронекостюмах. Странная у этого координатора бомба, точно не с ядерным зарядом. Когда новичок вырвал Гингадзе из его брони,

его Ирбис просканировал того, но не нашел внутри тела врага посторонних устройств. Затем Иджис вдруг сменил женский голос на мужской и приказал бежать в воду. Они и рванули. Когда Всевышний из Мамы становится Папой, не послушаться нельзя. Если бы он приказал застрелиться, любой Страж моментально сунул бы дуло пистолета в рот и спустил курок. Потому что если ослушаешься, тебя ждет что-то гораздо страшнее просто смерти.

Стиснув зубы, МакАдамс постарался выжать из своего тела еще десяток километров скорости. Суставы заломило, поток набегающего воздуха еще сильней исказил черты его лица, начал натягивать его кожу на затылок. В голове лопнул сосуд, из живого глаза по виску заструились кровавые слезы. Но он успел. Сделав последний шаг по пирсу, Страж прыгнул, в полете развернулся боком, еще раз глянул на город: Ирбисы младших оперативников раскалились докрасна и плавились, как восковые свечи, краска, металл и бетон отслаивались от всех поверхностей и рассыпающимися хлопьями черного снега кружили в воздухе. В следующий миг волна нестерпимого жара прокатилась по телу Стража, по той его половине, что еще не успела опуститься под прикрытие бетонного пирса. А в центре города, пожирая Колосс, здания и механизмы кранов, разрасталась полусфера клубящейся желтой плазмы…

* * *

— Никто не поверит, что мы могли пережить такое. Даже Иджис, — сказала Стивенсон. Она сидела в позе лотоса в кровавой луже на ставшей полом стене контейнера, прижимая к груди покалеченную руку, обмотанную импровизированными бинтами из разорванной на лоскуты футболки Рустама. Коровьи туши, сорванные с крюков, были накиданы в кучу, занимали половину контейнера и уже начинали попахивать. Именно благодаря им удалось избежать серьезных травм — когда пришла взрывная волна, они уже слегка оттаяли, засыпали людей и самортизировали удары, когда контейнер подкинуло и пару раз перевернуло в воздухе. Правда, из-за жара внутри и заполнившего все кровяного пара троица слегка обварилась. Если бы удар не нарушил герметичность контейнера, оторвав половину крыши, сварились бы заживо, так как температура воздуха внутри поднялась до пары сотен градусов. Потом воздух весь вышел, а они смогли выбраться из-под защитивших их туш. Теперь же оставалось сидеть и ждать, пока машины и спасатели не начнут

разгребать завалы, под которым оказалось их убежище.

Рустам посветил терминалом, превращенным в источник слабого бледно-синего света, в лицо Неклюдова. Тот до сих пор был без сознания, половина его лица посинела и опухла, голова покоилась на коровьей ляжке.

— Мы точно не облучились? — еще раз уточнил Ибрагимов и поправил лохмотья из ветровки, порванной о крюк, который только скользнул по его лопатке.

— Нет, исключено. Бомба была из антиматерии. Всего половина грамма в замороженном до абсолютного нуля вакууме. Вживляется в зуб, обнаружить нереально. Это все, что мне известно.

— И много у вас таких?

— Конечно, мало, — призналась Стивенсон. — Антивещество собирают по кваркам на ускорителях элементарных частиц. Думаю, еще есть пара таких бомбочек, вряд ли больше. Если бы я провалилась, Мин должен был дождаться окончания строительства пушки, найти способ отправиться на Солярис — для монтажа кабелей или еще чего — и там привести бомбу в действие. Но когда меня взяли, он понял, что скоро его раскроют, и решил попасться Стражам, чтобы проникнуть, в идеале, в главный штаб Корпуса. И нет, это не было импровизацией. Наши стратеги расписали нам все наши действия на любой случай. — Девушка вдруг вытянулась, прислушалась, приложила ухо к стенке контейнера. — Так, слышу технику. Скоро нас будут откапывать. — Она кивнула на Марка. — Он точно очнется? Нам бы пригодилась помощь его земляка. Который занимается контрабандой в Независимые воды.

— Значит, навоевалась? Пойдешь с нами?

— А что мне остается? — Она продемонстрировала перевязанную руку. — Мои все убиты, людей без пальцев и зубов в САС, наверное, сейчас вообще нет ни человека. Мной сразу заинтересуются, откуда я такая взялась, стуканут полиции — это у вас принято. Лучше доберусь до дома и сообщу, что Иджис все-таки смог обнаружить или догадаться о нашем якобы секретном оружии. До окончания строительства Соляриса еще пять лет, может, наши стратеги смогут придумать, как еще можно обдурить эту скотину, Всевышнего. — Склонив голову на бок, она с интересом взглянула на Рустама, который заглядывал Неклюдову в лицо, приподняв одно из век. — Слушай, все никак не пойму, почему ты слушаешься его, этого Марка? В чем твой интерес? Вы ведь на самом деле не друзья, так? Не настоящие друзья, просто партнеры. Ты не дурак, сам можешь решать за себя. И ты, похоже, одиночка, как и он, не любишь подчиняться. Теперь, когда ты на

Тэксе, это четко видно. Две альфы вместе — это противоестественно. Я, конечно, благодарна ему, что он прикончил ту тварь, Стража, но он ведь не ради меня вмешался, а ради себя, чтобы совесть потом не замучила. Его трудно назвать приятным и разумным человеком. Если будешь помогать ему дальше, однажды вляпаешься в совсем скверное дело.

Рустам заулыбался, восхитившись проницательностью девушки:

— Вот поэтому помогаю. — Стивенсон удивленно захлопала веками, и Рустам, вздохнув, начал объяснять: — Понимаешь, я всегда считал себя воином, бойцом. Такие у меня дома, в моей семье, традиции. Мужчина должен уметь сражаться, защищать себя и свой дом. И я стал очень хорош в драке. Только когда встретил Марка, понял, что никакой я не воин, а обычный агрессивный мудак, знающий приемчики. Перед тем, как меня запихнули в камеру, я пытался убить на ринге своего противника, который не мог продолжать бой. Потом сломал челюсть девке. Рано или поздно я бы кого-нибудь убил. Ни за что. Я был такой. Наверное, меня бы завербовали в Стражи, поработали надо мной, и я тоже стал бы резать людям пальцы. Потому что я… нехороший человек. Мне бы было несложно пытать людей. За правое дело, как себе его представляют Стражи, я бы, наверное, смог причинить вред даже родным. — Рустам указал пальцем на Неклюдова. — Он нет. В это трудно поверить, но он знает, что такое честь. Потому что он воин, просто не хочет признавать это. Он не как я, он сражается не за себя и не против того противника, которого возможно победить. Потому что он сражается с настоящим Богом и миром, созданным им. Он боится его, Всевышнего, но все равно постоянно бросает ему вызов. Пока я вместе с ним, я, получается, тоже сражаюсь с Богом. Только так я чувствую себя настоящим воином, таким, каким он должен быть. — Горец хрустнул костяшками и кровожадно ухмыльнулся. — Марк еще не готов к главной битве, но скоро будет. Я тоже буду. Потому что если проиграю — умру. Если смогу одержать победу — стану легендой.

Часть 3

Глава 16. Независимые воды

Древнее, все в заплатах на проржавевшем корпусе, рыболовецкое судно натужно урчало двигателем внутреннего сгорания, рассекая волны Тихого океана и приближаясь к одному из бесчисленных островков региона, некогда именовавшегося Микронезией. Как с самого начала своей новой истории, с открытия в 16-ом веке нескольких островов испанскими мореплавателями, ни единому государству на планете Земля не были особо интересны эти крохотные многочисленные острова, коими изобиловал бескрайний Тихий океан, так и по сей день они были предоставлены сами себе. Потому-то с конца двадцать первого века сюда со всех концов света потянулись люди — беглые преступники, политические диссиденты, приверженцы разнообразных сект, отшельники, романтики, бунтари, не желающие придерживаться норм поведения, принятых у них дома. Встречались здесь даже ученые и технари, протестующие против ограничений на исследования в их родных государствах. Попадались люди, измененные гендизайном настолько, что в них уже было трудно узнать людей. Когда-то сюда даже пришли бывшие владельцы частных космических компаний возмущенные тем, что Всевышний отобрал у них космос. Они даже построили десятки плавучих стартовых площадок, которые вскоре были заброшены и затонули, ибо военные спутники САС сбивали все размером больше чайника, что выходило за пределы стратосферы без дозволения Всевышнего. Хочешь в космос, лети туристом хоть на орбиту Земли, хоть на Луну, главное, без самодеятельности. Космос важен и ценен, предоставляет слишком много преимуществ, потому он должен принадлежать исключительно САС. А раз ты не хочешь играть по правилам САС, не хочешь развивать ракетостроение для САС, тебе там не место.

Марк, стоявший в капитанской рубке в одних шортах и шлепанцах, чуть повернул штурвал, корректируя курс лодки. На островке, названном переселенцами Коралл, проживало примерно десять тысяч человек. Были острова покрупнее, однако их население все равно редко когда превышало эту цифру. Были острова, где проживало совсем мало народу, — в основном сектанты. В прошлом году один такой остров даже полностью опустел — все его жители, включая младенцев и стариков, числом в пол-тысячи человек обожрались какой-то дряни и дружно отправились за своим пророком в объятия их Бога. Еще по волнам Тихого океана плавали техноградов — состыкованные между собой суда, обросшие каркасами из балок, на которых

возвышались невысокие дома и производственные центры и лаборатории. Самый крупный из них, Мариам-Бэй, населяли пять миллионов человек, и Марк, четыре года назад бежавший вместе с Рустамом и Кэтрин из САС сначала в Мариам-Бэй, долго не мог поверить, что это не настоящий, а искусственный, способный передвигаться, остров. Населяли техноградов — центры торговли и промышленности — в основном люди, родившиеся в Независимых водах. Новички предпочитали ощущать под ногами настоящую, твердую, сушу и оседали преимущественно на островах.

— Хей, босс! — как обычно почти криком обратился к Марку выходец из Арабской Лиги Хасан, сидевший в кубрике внизу и занимавшийся сонаром и подводными ботами-охотниками. Высунув свое худое смуглое лицо над полом капитанского мостика, молодой иранец сообщил: — На сонаре что-то крупное. Кажется, стая тунца. Поохотимся?

— Я тебе этот тунец в твою каюту запихаю! — заорал с палубы гарпунщик Лука-9. А может, Лука-1 или Лука-5. На судно нанимался именно Девятый, но кто их различит, этих десятерых клонов-близнецов. Через раз, был уверен Марк, Девятого точно подменяет кто-то из его братьев. — А что не влезет в каюту, засуну в твой зад! — горячился потомок древних римлян. — Все! Места больше нету!

— Азиаты знаешь, как тунца лопают?! — отвернулся к Джанлуке Хасан. — Сырым его едят! Перекуп все у нас возьмет! Сразу!

— У нас полный трюм судака!

— Кому нужен твой судак?!

— Европейцам! — проорал Лука. — От них скоро придет лодка!

— Судак не кит и не моллюск! Тунец дороже!

— Ты сам навел нас на судака! Куда его теперь девать?! Выкидывать?!

— Все, хватит орать! — крикнул Марк и закатил глаза. Два представителя наций, известных своей горячей кровью, иногда утомляли. — Успокойтесь, оба! Мы почти дома.

Рыбный промысел был одним из основных занятий жителей островов. Выращенное в пробирках мясо животных и рыбы хоть и стоило в трех государствах дешевле натурального, однако отличалось пресным вкусом. Тогда как ввезенная контрабандой рыба из Независимых вод была чуть ли не втрое дешевле выловленной законным путем, потому к островам регулярно приходили подлодки перекупщиков. Да и жители техноградов нуждались в пище, меняя произведенные в их промцентрах и

лабораториях товары или сырье для принтеров, на дары моря и выращенные в многоэтажных теплицах овощи и фрукты.

Экономическая модель Независимых вод была проста — техноградыдобывали со дна моря сырье и производили большинство необходимых для выживания товаров, островитяне обеспечивали их едой. Это позволяло жить хоть и скромно, но не затягивая пояса. Также техноградыподдерживали баланс в морской экосистеме — в их лабораториях клонировали исчезающие виды рыб и морских животных, после чего мальками отпускали набирать вес на воле. Другой очень крупной статьей доходов техноградов были услуги, оказываемые жителям трех государств, запрещенные в этих государствах. В основном это касалось гендизайна. Дружное семейство близнецов-итальянцев было одним из примеров таких услуг. Четверть века назад одному богатею из САС стукнуло в голову, что его гены должны как можно шире распространиться по планете. Он заказал десять копий себя, до взрослого возраста — ускорять и замедлять рост клонов умели лишь САСовцы — поддерживал их материально, а потом обеспечил им гражданство в Арабской Лиге и Азиатском Союзе и сказал: «идите и плодитесь», и исчез из их жизни. Близнецы, однако, не спешили никуда уходить, а плодиться им помешала ошибка генетика, сделавшая их бесплодными.

Иной раз глядя на некоторых жителей островов, подвергшихся удачным и не очень изменениям — человека-амфибию, гиганта, трехрукого карлика, мужчину-вампира, который, правда, питался обычной пищей, но умел впадать в анабиоз — Марк задумывался, а так ли на самом деле не прав Всевышний, что взял под контроль гендизайн и некоторые научные дисциплины. Пусть он жестко подавлял ученых, ограничивал прогресс, зато люди в САС оставались людьми и никто из них не имел возможности, как покойный Гингадзе, вживить себе в зуб микробомбу, способную разнести целый город. Все же Всевышний заботился о людях. Правда, об одной трети людей, населявших планету. И через шесть месяцев его извращенная любовь к этой трети вынудит его нанести удар по оставшимся двум. Первыми пострадают жители Независимых вод, живущими как раз над его целью — подводными вулканами Тихоокеанского огненного кольца. Всех их он попросту утопит. И десяток братьев, и весельчака и возмутителя спокойствия Хасана, и трех беглецов из САС.

— Босс! — крикнул дальнозоркий Хасан. — Это не нас там встречают?!

Марк взял бинокль: на причале с пришвартованными к нему лодками, на самом краю стоял высокий широкоплечий мужчина с

короткой черной бородой — Рустам. Ибрагимова он не видел уже больше года, с тех пор, как тот отправился готовиться в Мариам-Бэй. Они лишь переписывались, затем Рустам перестал отвечать на сообщения. Последнее гласило, что процедура будет тяжелой, поэтому его лучше не тревожить и что он даст знать о себе через двенадцать месяцев. Прошло одиннадцать с половиной, и вот он объявился.

— Козлина, — прошептал Марк пересохшими от волнения губами, — хоть бы предупредил. — Прокашлявшись, облизав губы, Неклюдов крикнул: — Хасан, лодка теперь твоя! Пополам с Лукой!

— С каким из них? — тут же по приставной лестнице взлетел на мостик иранец. Лука лишь забрался на лестницу, и его голова торчала над полом. — Их десять штук наштамповали. И это, босс, куда ты собрался?

— Домой, в САС.

— Ты беглый преступник! Чего ты там будешь делать?! Сядешь до конца жизни в клетку?

— Не, — ухмыльнулся Марк, — в клетку точно не сяду. А делать… буду спасать мир. Больше, похоже, некому.

* * *

Передав штурвал и право причалить Хасану, Марк перепрыгнул с борта лодки на пирс. Рулевой из иранца был так себе, поэтому прыгать пришлось далеко. Едва шлепанцы коснулись края пирса, Марк забалансировал, замахал руками и понял, что сейчас рухнет спиной в прозрачные воды океана. Подскочив к нему, Ибрагимов схватил его за запястье и вытянул на пирс.

— Почему не сообщил, что прилетаешь? — сразу спросил Неклюдов.

— Некогда было, — пробасил Ибрагимов. Несмотря на жару и слепящее жаркое солнце, бликовавшее на белом песке пляжной косы и небесного цвета воде, на нем были черные, военного кроя брюки и водолазка с высоким воротом. За его спиной сидел на корточках трехлетний белобрысый малыш в красных шортиках. Вооружившись лупой, мальчик увлеченно выжигал на досках причала какую-то фигуру.

Услышав голос Марка, ребенок вскочил, заулыбался и, раскинув руки, кинулся к нему, крича:

— Папа!

Подхватив сына на руки, Марк посадил его себе на плечи и

вопросительно уставился на горца.

Тот пожал плечами:

— Я прилетел с азиатами. Кэт сейчас с ними, попросила присмотреть за Дениской.

— Ясно, — кивнул Марк. — А арабы и наши?

— Марианцы уже должны приземлиться, они вылетали сразу за мной. Арабы должны скоро приплыть. Ты же знаешь, не любят они летать.

Денис направил лупу на макушку Марка, коверкая слова и звуки, спросил:

— Буду гости?

— Ага, будет очень много гостей. — Марк мотнул головой, не понимая, отчего так припекает темечко. Развернулся к Луке, который держал швартовочный канат и криком насмехался над новым капитаном, все пытающемуся подойти бортом поближе к пирсу. — Эй, Хасан, Лука, сегодня будет вечеринка! Ждем вас!

Глава 17. Союз

Для Всевышнего они умерли четыре года назад.

Очнувшись в контейнере в кровавой луже, Марк послал своему земляку просьбу вытащить их из полуразрушенного Таллина-2 и план по их спасению. Это стоило ему всех оставшихся средств, однако все получилось идеально. Узнав от Марка номер контейнера, старовер вычислил фирму, которой тот принадлежал, влез в ее сетевые бухгалтерские документы и купил этот контейнер, перечислив за него деньги в полном объеме. Единственное, что он подправил в документах, это дату приобретения. Никто в той конторе даже не заподозрил, что их фирма только что продала часть своего имущества. ИИ-ассистентам и взмыленным менеджерам и так было чем заняться — взрыв нанес их компании огромные убытки.

Получив виртуальный сертификат собственника, старовер нанял грузовик и отправился в Таллин-2, о котором уже трубили во всех медиа-ресурсах САС. Однако, причиной взрыва все до единого называли устаревший Колосс. Плюс пару альтернативных версий, якобы подорвался газоналивной танкер, предложили несколько менее популярных новостных страниц. Гражданам САС незачем знать правду, гражданам САС вредно волноваться.

Старовер прибыл как раз вовремя — машины уже разгребли завал над убежищем троицы, и в контейнер собирались заглянуть страховщики. Затребовав свою собственность, мужчина без труда получил ее. ИИ порта подтвердил подлинность сертификата, а руководивший на участке работ офицер спасотдяда был только рад избавиться от куска железа, которых и без того хватало на его участке.

Прибыв в Таллин к своему траулеру, мужчина тут же перегрузил туши, а заодно и спрятавшуюся внутри них троицу в морозильную камеру судна. Через день они вышли в море, где встретились с подлодкой из Независимых вод. Через шлюз в днище траулера старовер передал в подлодку пассажиров и забрал запрещенное к продаже в САС мясо кита и синтезированные в лабораториях Мариан-Бэй таблетки, по слухам, способные на некоторое время отключать ген «программы устаревания» человеческого организма. Так это или не так, было неважно — главное, они пользовались огромным спросом. В САС продление жизни на генетическом уровне воспрещалось Всевышним, так как это привело бы к бесконтрольному скачкообразному росту населения, с которым потом нужно что-то делать и куда-то девать, и цена на таблетки была заоблачной.

Когда Марк спросил капитана, не боятся ли они, что на лабораторию, производящую эти таблетки, однажды упадет ракета, капитан посмотрел на него как на идиота и предложил подумать, кто в САС мог позволить себе приобретать настолько дорогой товар. Марк подумал и сразу все понял. Несмотря на то, что реальная власть принадлежала Всевышнему, в САС имелся президент, губернаторы, министры и законодатели. Пусть и номинально, но они существовали и за ними стояли отодвинутые от власти элиты, сохранявшие и преумножавшие свои капиталы. И если бы Всевышний отобрал у них пилюли молодости, деликатесное мясо и прочие запреты, эти элиты при помощи их карманных политиков и идолов шоу-бизнеса, которые и сами, несомненно, сидели на этих таблетках, начали бы мутить воду, продвигать идею омолаживающих пилюль в массы. Законодатели дружно приняли бы закон, разрешающий исследования в области продления жизни, и Всевышний не смог бы ничего поделать. Конечно, он бы сразу замордовал этот закон поправками, опубликовал бы какие-нибудь страшилки про, например, страшные мутации, вызываемые омоложением, гендизайнеры вдруг отказались бы от исследований в этой области и утратили доступ к научным данным. А на следующих выборах все законодатели, проголосовавшие «за», внезапно лишились бы народной поддержки. Но устраивать конфликт с элитами на пустом месте было вне интересов Всевышнего. Ему было выгодней не трогать производителей таблеток из Независимых вод, которые тем самым удовлетворяли потребности богачей и помогали держать их в узде. Всевышний руками полиции исправно ловил поставщиков и продавцов запретов на территории САС, но предпочитал не замечать источник их происхождения, находящийся вне его юрисдикции.

К тому же, добавил тогда капитан, все, что поступало из Независимых вод в САС, не несло прямой угрозы САС и не нарушало слишком явно законодательство САС. Таков был негласный договор между ними и Всевышним, и этот договор служил гарантией безопасности техноградов. Более того, поделился по секрету капитан, имелись подозрения, что сам Всевышний посредством какого-либо человека иногда заказывал в лабораториях Мариам-Бэй или другого техноград исследования или испытания, которые сам же запрещал на территории САС, уж слишком они были аморальными и опасными. Подозрения подкреплялись тем, что иногда в качестве груза в Независимые воды приходили партии безмозглых или вполне себе соображающих клонов, которых сопровождали крепкие люди, по слухам, из Корпуса Стражей. Они же следили, чтобы результаты

опытов и применяемые в них технологии случайно не осели на серверах техноградов и достались бы исключительно их заказчику.

То, насколько САС и Всевышний проникли в Независимые воды, ужаснуло Марка. Впрочем, ему тоже было чем пострашать этих так называемых независимых — они понятия не имели, что под ними были заложены бомбы, а над ними строят пушку против этих бомб. Правда, Марк решил немного придержать эту информацию.

По прибытию в Мариам-Бэй сразу стал вопрос, как им тут выжить, ибо денег не хватало даже на приличный завтрак. Эту проблему тут же решила Стивенсон, которая пошла к врачу вставлять зубы и пришивать механизированные пальцы и оплатила его услуги со счета ее диверсионной группы. Узнав, сколько там средств, Марк убедил девушку повременить с отплытием в Азиатский союз, подлечиться и осмотреться. Также он считал, что на случай, если в Независимых водах окажется совсем несладко, лучше иметь при себе билет в Азиатский союз в лице Кэтрин Стивенсон. Как ни странно, та согласилась подождать — она не была уверена, что дома ее встретят с распростертыми объятиями. Все-таки единственная выжившая из группы, которая испарилась во вспышке термоядерного взрыва, — это может навести контрразведчиков азиатов на нехорошие мысли. Она лишь выполнила свой долг и вместе с перекупщиком из Азиатского союза отправила отчет и сведения, как связаться с ней. После стала ждать, запершись в арендованной ею комнате.

Через несколько дней после прибытия Ибрагимов как бы случайно повздорил в баре с тройкой охранников при правительственной резиденции, раскидал их и получил предложение поработать телохранителем одного из помощников главы Мариам-Бэй. Тот много перемещался между техноградами и островами, иногда доставлял ценные вещи и информацию, так что без охраны не чувствовал себя в безопасности. Кроме того, сказал тогда горцу Марк, близость к самому влиятельному человеку в Независимых водах может им сильно пригодиться в будущем. Рустам согласился с ним, и начал надолго пропадать, выполняя свою работу и между делом налаживая связи.

Чувствуя, что переживающая за гибель своих товарищей Стивенсон в шаге от депрессии, Марк начал выискивать предлоги вытащить ее на прогулку или хотя бы на разговор. Он постоянно околачивался рядом с ней, осыпал вопросами про Азиатский союз и сам до хрипоты в горле нес и правду и какую-нибудь чушь про себя, свои похождения и приключения вымышленных знакомых. Быть нянькой при откровенно недолюбливающей его девушке

было утомительно, однако через несколько дней он с удивлением обнаружил, что каждое утро начал просыпаться раньше звонка будильника, чтобы поскорее увидеть ее. Еще через несколько дней Кэтрин воспользовалась им, чтобы избавиться от стресса, и затащила его в постель. Вскоре кроме краткой и какой-то угрюмой интимной близости появились темы для постельных разговоров, редкий поначалу секс стал регулярным, потом Марк понял, что влюбился и что его чувство взаимно.

Еще через четыре месяца оказалось, что срок годности контрацепции Кэтрин закончился раньше положенного и что она уже на третьем месяце беременности. Девушка не хотела ребенка, не в такой момент, когда мир стоит на грани взаимного уничтожения. Она сообщила потрясенному, только что узнавшему об ее положении парню, что хочет сделать аборт, и на следующий день протрезвевший и успокоившийся Марк поклялся, что отдаст свою жизнь, но остановит эту войну, и что у него уже все продуманно. Конечно же, слова про проработанный план были ложью, и Кэтрин это знала. Но она хотела услышать именно такую ложь, она была необходима ей, чтобы не пришлось принимать слишком тяжелое для женщины, будущей матери, решение.

Они перебрались на остров Коралл, где родился их сын. Каждый день в ожидании рождения Дениса и шесть первых и самых тяжелых месяца после Марк каждое утро лихорадочно штудировал новости, поступающие в Независимые воды из САС, Азиатского союза и Арабской лиги. Каждый день он надеялся увидеть заметку, разглядеть между строк информацию, что азиатским агентам удалось остановить проект Солярис. Но все напрасно. Он знал, что Всевышний непобедим, но все равно хотел верить, что его одолеют. И каждый вечер он смотрел в небо, где между звезд пряталась одна маленькая красная планета. Для невооруженного глаза — просто точка в небе. И из-за этой точки две самых могущественных силы на планете Земля сцепились настолько яростно, что могли уничтожить эту планету, свой дом. Единственный, что у них был. Марку это казалось какой-то дикостью, приводило его в неописуемый ужас — настолько мелочными, подлыми и мерзкими были действия и устремления этих двух древних культур и великих союзов по сравнению со всего лишь обычным чудом рождения одного маленького человека.

Когда его новорожденный сын окреп и прекратил кричать, Марк уже знал, что нужно делать.

Рустам устроил ему встречу со своим шефом, где Неклюдов поведал, а Ибрагимов подтвердил про тайную войну между двумя

государствами, про бомбы под вулканами и про Солярис. Тот немедленно отвел парней к главе Мариам-Бэй — пожилому коренному микронезийцу Джошуа Тангензему. Глава внимательно выслушал парней, с важным видом покивал седовласой головой, а потом осведомился, откуда они все это узнали. Выслушав их историю, он пожевал губы и признался, что часть их истории, про войну и бомбы, была ему уже давно известна. Однако он сомневался, что азиаты исполнят свою угрозу и что ее вообще возможно исполнить, и понятия не имел про план Всевышнего оснастить Солярис пушкой. Присутствовавший при разговоре то ли министр, то ли местный начальник службы безопасности Като Мицкевичус попросил парней удалиться из кабинета и через несколько минут вышел к ним сам. Он сказал, что проверит их информацию, и взял с них обещание не трепаться о войне и бомбе и не волновать почем зря народ. Иначе, пригрозил Мицкевичус, их никто и никогда не найдет. А дабы они всерьез отнеслись к его угрозе, к ним были приставлены наблюдатели.

Пока агенты Мицкевичуса в САС собирали, воровали и покупали информацию, Марк серьезно потрудился, чтобы погромче заявить о себе и своих навыках. Когда его и Ибрагимова через месяц наконец вызвали к Тангензему, он успел все подготовить. Ворвавшись в свой кабинет в сопровождении сильно озабоченно полученными сведениями Мицкевичуса, Тангензем обнаружил в нем Марка. Тот сидел, закинув ноги на стол, и играл на медиа-панели в шашки с охранным ИИ резиденции, оборудованным самыми современными средствами слежения и обнаружения. С этого момента им пришлось начать воспринимать Марка всерьез.

Выслушав предложение Неклюдова, Тангензем и Мицкевичус сначала долго смеялись, потом сказали, что это невозможно. Марк объяснил им, как он рассчитывает организовать встречу представителей от арабов и азиатов, и мужчины сказали, что на этой встрече эти представители перестреляют и друг-друга и заодно посланцев из Независимых вод. Правда, глава Мариам-Бэй не стал бы главой Мариам-Бэй, если бы был дураком и не понимал, что предложенная Марком идея — единственный верный способ создать силу, способную противостоять САС и Всевышнему. Потому он задействовал все свои каналы в Азиатском союзе и Арабской Лиге, отдал приказ Мицкевичусу захватить всех известных ему агентов арабов и азиатов, действовавших в Независимых водах, и через них все-таки добился встречи с послами из двух государств в нужном ему месте и в нужное время.

Встреча состоялась через месяц на безымянном крохотном островке рядом с Маврикием в Индийском океане — неподалеку от морских границ Арабской Лиги и Азиатского Союза. Первыми после захода Солнца на стелс-коптере прилетели азиаты. Едва их представитель вылез из коптера в сопровождении пары охранников, им навстречу из-под навеса вышли Тангензем и Неклюдов. Посол азиатов несколько опешил, поскольку неподалеку вокруг костра под присмотром няньки играла стайка ребятишек лет пяти. Не меньше азиата удивился посол от Арабской Лиги, который наблюдал за всем в перископ подлодки. Удивился он настолько, что даже отдал приказ деактивировать готовые к пуску ракеты и всплывать. Стрельбы удалось избежать — непримиримые соперники устыдились втягивать в свои конфликт детей и, сойдясь под навесом, лишь злобно зыркали друг на друга.

Когда Джошуа рассказал про истинное предназначение Соляриса, араб лишь презрительно фыркнул и признался:

— Конечно, мы знаем, что САС будет атаковать Азиатский Союз с Соляриса. У всех есть агенты в САС. — Он ткнул пальцем в сторону азиата. — Мы совсем не возражаем, если Иджис прихлопнет этих варваров. Они с их безумной стратегией — угроза для всего живого.

— Господин посол, давайте без взаимных упреков, — попросил Тангензем. — Мы все понимаем, что ваша сторона не участвует в конфликте, но также мы все понимаем, что вам крайне невыгодно, чтобы САС достроил Солярис. Это нарушит сложившийся в нашем мире баланс сил. Причем этот баланс явно не в пользу наших трех сторон, так как САС очевидный гегемон. Ему принадлежат обе Америки, вся Европа, половина Азии, половина Африки, Антарктика и Антарктида, весь космос и Луна. Когда САС покончит с нами и Азиатским Союзом, как думаете, кто станет следующей целью? Мы все помним уроки Патентной войны. Стоит вам захотеть чего-то большего, кроме как смиренно жить на своем клочке земли, САС тут же нанесет по вам удар. Господа из Азиатского Союза с нами здесь и сейчас только по той простой причине, что успели заминировать вулканы до того, как Идижис сумел обнаружить их деятельность. В противном случае, Азиатский Союза уже закончил бы существовать в том виде, в каком он пребывает по сей день. Это был бы выжженный участок суши или придаток САС. Я созвал вас всех для того, чтобы нас миновала подобная участь. — Тангензем указал на стоящего поодаль Неклюдова, который как и микронезиец облачился в соответствующий моменту деловой костюм, но теперь пытался незаметно избавиться от удушающего его галстука. — Вот у этого

молодого человека, бывшего гражданина САС, есть идея, безумная настолько, что она может сработать.

Распустив узел галстука настолько это возможно, Марк кашлянул и спросил у араба:

— Господин посол, что бы сказал ваш Пророк, если бы САС распространил свои порядки на Арабскую Лигу?

Звучно собрав слюну, араб красноречиво сплюнул и прошипел:

— Шлюхины выродки. Этому не бывать.

Марк повернулся к послу азиатов и выдал заранее заготовленную речь:

— Центральному государству вашего союза, Китаю, более четырех тысяч лет. В конце двадцать первого века вы создали настолько привлекательные условия для жизни, что смогли мирным путем присоединить к себе не менее древнюю Индию, Кореи, Японию и даже Австралию. Вы распространили свою культуру на них, они повлияли на вас. Как когда-то вы приняли коммунистическую идеологию, вы ассимилировали в себе столь разные в культурном отношении страны и социумы. На данный момент вы все вместе представляете древнейшую культуру на Земле и гордитесь этим. Вы хотите стать последним поколением этой культуры? Хотите, чтобы ваша история закончилась на вас?

Представитель азиатов промолчал. Лишь его по-европейски округлые веки чуть сощурились, отчего разрез глаз стал похож на монголоидный.

— Идея собрать вас всех принадлежит мне, — признался Марк. — Потому что если мы сейчас не придем к соглашению, всем конец. Всевышний не тот правитель, с которым можно договориться. Его не запугать, ваши угрозы уничтожить Землю для него ничто. Наоборот, вы вынудили его стать еще сильней и опасней. Вы, Азиатский Союз, уже больше пяти лет ведете свою диверсионную войну с САС, и чего вы добились? Ничего. Всевышний даже не желает отвечать вам, даже не пытается перенести конфликт на вашу территорию. Он просто лениво отмахивается от всех ваших самоубийственных атак. Вы для него ничто. Потому что вы уже играете по его правилам, после своего появления на свет он сразу же завладел инициативой. Вы обычные люди, а ваши интеллектуальные помощники в разы глупее Всевышнего. Вы словно маленькие дети, которые сели играть в шахматы с гроссмейстером, чемпионом мира. Что бы вы ни придумали, как бы ни старались, он всегда будет на несколько ходов впереди. Вы, Азиатский Союз, были правы, когда решили совершить подлый, нечестный ход и заложили под вулканы бомбы. Только эта угроза все равно, что истерика и слезы ребенка

для играющего против него гроссмейстера. Он хладнокровно ведет свою партию к финалу, и он победит. Единственный шанс для ребенка выиграть партию у гроссмейстера, это достать пистолет и пристрелить его.

Марк выдохнул, облизал губы, ожидая реакции слушателей. Послы впервые переглянулись без явного желания вцепиться друг другу в горло.

— Что ты предлагаешь? — спросил араб.

— Все просто, — сказал Марк, набрал побольше воздуха и выдохнул: — нужно захватить Солярис. — Пока они не рассмеялись и не начали расходиться, он заторопился: — Нужно создать альянс. Не только между вами тремя, еще потребуется привлечь европейцев. Я смогу обеспечить их поддержку. Сетевая атака из САС на спутники и одновременный пуск всех ваших ракет позволит преодолеть систему космической обороны Всевышнего. Я в курсе, что у вас много всяких смертоносных штучек, которые вы припрятали где-нибудь под землей. Я в курсе, что у вас были и есть космические программы. Для них вы строили ракеты. Вы вряд ли распилили их на металлолом. Если вы оснастите их разделяющимися, способными маневрировать боеголовками, если вместо космических кораблей присобачите к разгонным блокам кучу ракет поменьше и если все это взлетит одновременно, пятьдесят, или сколько их там сейчас, боевых спутников Всевышнего не справится с десятком тысяч целей. Большую часть они посбивают, но что-то обязательно долетит и подорвет спутники, а оставшаяся часть отправится к Солярису. Все это будет похоже на древнюю сетевую атаку на сервер. Называется она «отказ в обслуживании». Пока Солярис и его рой охранных спутников будут отбиваться от ракет, небольшая десантная группа в камуфляже получит возможность безопасно подлететь и высадиться на Солярис. И либо захватит его, либо взорвет. Чтобы получилось, участвовать должны все, нужно будет задействовать все ресурсы. Или идем ва-банк, или Всевышний победит, тогда нам всем конец. — Марк выдохнул и ладонями вытер со лба и лица капли пота. — Вот мой план, господа. Обсуждайте и решайте.

Обсуждение не затянулось надолго — эти люди не имели права ничего решать. Они могли только слушать, а через них слушало их руководство. Получив указания, посланники согласовали место и время еще одной встречи и отбыли восвояси.

— Мои поздравления, молодой человек, — сказал Тангензем, когда послы только-только разошлись, — вы только что вошли в историю как человек, объединивший, пусть и на время, два великих государства.

— С чего бы это? — удивился Марк, скинув пиджак с галстуком и расстегивая прилипшую от пота рубашку. — Ничего еще не решено.

— Вы слишком неопытны в политических игрищах. Все уже решено, раз они назначили вторую встречу. Главное, они готовы пойти навстречу друг другу. Дальше будут долгие и тяжелые переговоры, чтобы утрясти детали, установить правила нашего союза, согласовать наблюдателей и их количество, назначить посредника между нами всеми, руководителя, и прочая малозначимая, но необходимая дребедень. Поэтому Марк можете гордиться. Вас теперь будут помнить как Ганнибала из Карфагена, который дал отпор Древнему Риму.

— Ганнибал плохо кончил, — усмехнулся Марк. — Все, кто бросал вызов более многочисленному, лучше оснащенному и богатому противнику, всегда проигрывали. Карфаген пал от Рима, Византия покорилась крестоносцам, Германия продула Антанте, Советский Союз не выдержал давления капиталистического Запада. Плохое сравнение.

— Не совсем так, — покачал головой Джошуа. — Двадцать тысяч афинян обратили в бегство триста тысяч персов, нищие безграмотные афганцы и вьетнамцы уничтожили имперские амбиции того же Советского Союза и капиталистической Америки. Эта история всегда повторяется. Те, кто сражаются за свой дом и свои семьи, иногда способны сотворить чудо. Страх за себя и своих близких самый сильный мотиватор. Вы, Марк, их напугали. Потому что выразились очень просто и ясно, без привычных им витиеватых выражений — мы действительно дети по сравнению со Всевышним. Еще вы дали им надежду победить. — Тангензен грустно улыбнулся. — И козла отпущения, на которого можно будет все свалить в случае неудачи, то есть на вас, Марк. Сами бы они еще нескоро созрели для переговоров и альянса.

— М-да, — протянул Марк. — Поэтому Иджис всегда впереди. — Помахав, чтобы быстрее просохла, полами рубашки, он взглянул на сверкающее миллионами звезд экваториальное небо. — Теперь главное, чтобы он не сразу допер, что азиаты и арабы объединились.

— Здесь относительно чисто, — сказал Тангензен. — Он нас, конечно, видел, но лиц не разглядел — Като проверил позиции спутников. Для Иджис все было как обычно. — Он кивнул на собравшихся вокруг костра детей. — Покупатели прибыли на аукцион за клонами, не смогли договориться о цене или их не устроил товар, и они разошлись.

— Аукцион?! Товар?!

Тангензен смутился, пробормотал:

— Органы — так дешевле, выгодней. Или игрушки, будущие слуги-рабы, новые сектанты — проще вырастить под себя, чем обрабатывать или приручать взрослого. Като и его люди стараются как могут, но их мало, а океан огромен. В этих диких местах временами творятся страшные вещи. Я иногда жалею, что у нас нет своего Всевышнего.

Глава 18. Жертва

— Это все ложь! — возбужденно крикнул Хасан, сошедшийся с Ирагимовым в идеологическом споре. — Это бред придумали ваши лживые журналисты и грязные политики! Чтобы очернить Восток! Не было у нас такого!

Он, Марк, Лука-9, Кэтрин и Рустам сидели за круглым, уставленным закусками и напитками столиком на крытой террасе дома семьи Неклюдова, выходящей на задний дворик, окруженный пальмами. Вокруг костра бегали, вооружившись водяными пистолетами и играя в войну, трое соседских ребят и Денис. Гости из Арабской Лиги и Азиатского Союза числом в четыре человека, старшие своих звеньев, стояли под пальмами и что-то обсуждали с Като Мицкевичусом. Азиаты и Като держали в руках бокалы с коктейлями, арабы, один из которых, правда, был чистокровным израильтянином, ограничились тарелочками с закусками и соком.

— Скажи еще, — парировал выпад иранца Рустам, — что на Востоке не забивали камнями женщин за измену мужьям. Даже в двадцатом веке.

— Может, и было такое, — ничуть не смутился Хасан. — Пару раз. В какой-нибудь глуши, вроде Афганистана. И все. Ты мне лучше скажи, зачем самые цивилизованные ваши американцы в том же двадцатом веке повесили циркового слона, а?! Животное не виновато, что человек-дурак полез к нему, когда у него начался гон! И они казнили еще животных. Электричеством!

— Я не могу отвечать за весь САС, — пожал плечами Ибрагимов.

— Ну а ваши благородные немцы? Помнишь, что устраивали? — не унимался Хасан. — Ваш вождь Сталин? Убил каждого десятого в своей стране! Англичане? Французы, голландцы? Что они творили в своих колониях? И сыны и внуки этих кровавых убийц вдруг начали объявлять восточных людей варварами и дикарями! Как это вообще понимать?!

— Вы до сих пор сажаете в тюрьмы или лупите палками женщин, — спокойно сообщил Рустам. — Даже за то, в чем они не виноваты. Слышал, если какой-нибудь урод опоит женщину и воспользуется ей, вы ее за это посадите.

— И правильно! Нечего женщине пить! Тем более с незнакомым уродом! — завелся еще сильнее Хасан. — Если женщина хочет блядовать, пусть езжает в вашу Европу и там раздвигает ноги! Никому на Востоке не нужна такая! Что это будет за жена и мать?! Аллах создал мужчину, чтобы он защищал

свою семью и женщину, а женщину, чтобы она хранила верность семье и мужчине! Восток не ваш САС, где в ваших учебниках пишут, что есть мужчины, женщины и еще непонятно кто, что-то среднее между ними! — Он указал на бегающих и поливающих друг друга водой детей. — Лучше скажи, что бы ваш Всевышний сделал, если бы увидел, как маленькие мальчики играют в войну и учатсябыть мужчинами, а девочки играют в куклы, учатся быть женщинами, хранительницами семьи, а, брат мой мусульманин?

Марк не мог не признать, что Хасан хоть и горячится, но не скатывается к голословным обвинениям и лозунгам и ведет спор честно, опираясь на факты и логику. Игры, способствующие развитию в ребенке ярко-выраженных гендерных отличий, были запрещены в САС. Мальчики не имели права играть в войну, бороться или собираться группами и исследовать неизведанные территории. Даже карабкающийся на дерево ребенок стал бы причиной воспитательной беседы соцработников с его родителями. Потому что нельзя, чтобы будущий гражданин САС хотя бы единожды мог почувствовать себя выше и сильнее другого гражданина САС. То же самое касалось девочек — они уже давно не держали в руках кукол мужчин и женщин, они были под запретом. Так как негоже будущей гражданке САС с ранних лет приучать себя к тому, что она хоть как-то отличается от мальчика, что единственная ее роль, предназначенная ей природой, — это быть матерью. Быть женщиной, не способной переносить одиночество и желающей обожания и любви мужчины. Потому в программе дошкольного воспитания мальчики и девочки учились вместе готовить, убирать и шить. Они вместе учились играть в семью, ухаживать за куклами-младенцами. Они вместе учились строить в виртуальных пространствах дома, тушить виртуальные пожары и защищать себя и других граждан САС от виртуальных негодяев. Правда, мальчишкам все равно не очень нравилось варить супы, а девчонкам сталкиваться со злыми дяденьками и тетеньками.

Однако, понимал Марк, в модели воспитания, созданной Всевышним, тоже имелась логика, тоже были свои плюсы. Родись у Кэтрин дочь, он бы хотел, чтобы она могла быть самостоятельной и самодостаточной и умела постоять за себя. И в то же время он хотел, чтобы Денис вырос смелым и решительным, с уважением относился бы к другим, но при этом мог бы уметь отстаивать свою позицию, если бы был уверен в своей правоте. И женщины, воспитанные по модели Всевышнего, умели быть самостоятельными и могли постоять за себя, но при этом не умели быть слабыми, не умели отдавать часть себя и покоряться мужчине и были зачастую одиноки и несчастны. Они заглушали

свое одиночество частой сменой партнеров или создавали однополые пары. Мужчины же, так и не научившиеся в детстве быть сильными, умели с уважением относиться к другим, но это все, что они на самом деле умели. Они не были способны доминировать, разучились покорять и не желали завоевывать, добиваться любви женщин. Естественно, они тоже меняли партнеров как перчатки и нередко предпочитали образовывать пары с себе подобными. И вину за такое положение вещей нельзя было спихнуть только на одного Всевышнего. Он просто выполнял то, что было заложено в его программу, принципы, конституцию САС. Еще задолго до его, Всевышнего, появления европейцы пытались уравнять в правах и возможностях мужчин и женщин, что на тот момент истории было необходимо сделать. Всевышний лишь довел до логического завершения эту, по сути, правильную инициативу — он уравнял природу мужчин и женщин, стер различия между ними.

Но и радикальный патриархальный мир Хасана, Восток, хоть в его устройстве тоже имелись логика и свои плюсы, был немногим лучше общества САС. Там не прощались ошибки, там нельзя было быть слабым и непокорным, там трудно было быть не только женщиной, но еще труднее мужчиной. От первых требовалась верность и покорность мужчине, даже тирану и садисту. От вторых также требовалась верность и покорность, но тоже мужчине, стоящему выше на социальной лестнице, верхнюю ступень которой занимал Аллах и представляющий его на Земле Пророк. Попробуешь воспротивиться их воле — сначала пристыдят, потом опозорят и в конце концов накажут. Свобода воли и собственные устремления, отличные от желаний Пророка, это грех. Непослушание, даже для уверенных в собственной правоте, еще больший грех. Равных нет — ты либо кто-то, либо никто. На взгляд со стороны там все чинно и благообразно, но за закрытыми дверями домов почтенные мужи, живущие под вечным давлением свыше, нередко давали выход накопившейся и вынужденно-сдерживаемой агрессии и становились не многим лучше диких животных. Это было общество, где подавление одной личности другой было обыденным и считалось нормальным. Неудивительно, что Хасан, мечтавший стать артистом и любящий трепаться, не следя при этом за словами, вызвал неудовольствие Пророка, а значит, и своей семьи, и был вынужден перебраться в Независимые воды. Его, ни на что не годного с точки зрения восточных людей, просто выпнули прочь из Арабской Лиги.

Уклад жизни в Азиатском Союзе также был далек от идеального, хоть и сильно приблизился к нему. Подправленная

благодаря ошибкам прошлого коммунистическая идеология отлично легла на коллективный менталитет азиатов. Их ИИ-ассистент, ШэньЧжень, там был тем, кем ему следовало быть — помощником правителей, а не правителем. Экономическое процветание региона и принцип «мы все равные, но мы все разные» позволили вовлечь в союз с Китаем и индуистское, и европейское общества. Даже миролюбивые потомки самураев забыли давние разногласия с китайцами и влились в их союз. Однако безальтернативность коммунистической идеологии, нацеленность на развитие вперед и вверх, на бесконечную экспансию, привели сначала к Патентной войне, а теперь и к проекту последнего удара. При этом безумный коллективизм азиатов, не способность остановиться и отступить без того, чтобы при этом не поставить под сомнение свою идеологию, свое видение мира, вынудил их согласиться с тем фактом, что лучше уничтожить девяносто девять и девять десятых процентов своего населения и заодно весь мир, чем попытаться договориться с чудными эгоистами-европейцами. Мнение одного человека в их обществе не значило вообще ничего, они не были способны представить себя отдельно от коллектива. Там вообще не было одиночек, личностей, потому-то Независимые воды населяли в основном арабы и европейцы, а азиатские агенты в САС были готовы с радостью жертвовать собой.

Даже свобода на грани анархии в Независимых водах оказалась не такой уж приятной и притягательной, какой она представлялась Марку в его прошлой жизни. Если бы не мудрый усталый Тангензем и жесткий Мицкевичус хрупкое общество Независимых вод давно бы развалилось на отдельные княжества со своими взбалмошными царьками в каждом. Здесь бы лились реки крови. Впрочем, кровь здесь уже лилась. Но пока что ручейками.

Марк задрал лицо к звездному небу. Что-то в этом мире пошло не так. В Цифровом веке люди могли, должны были бы жить иначе. Голод, бедность, болезни побеждены. До любой точки на планете можно добраться за пару часов. До других планет можно добраться за несколько недель! Но этот мир готовится уничтожить сам себя. Войдя в Цифровой век с противоречиями, веками копившимися в прошлом, изолировав себя друг от друга, разделив себя на три с половиной государства, человечество обрекло себя на вымирание. Когда-то давным-давно упорство небольшой группы гоминид позволили им покорить планету Земля. Теперь же это упорство приведет потомков этих гоминид к гибели. Вероятно, Всевышний все-таки прав, что, воспитывая новых граждан САС, пытается истребить в них зверя, ту упорную

и несговорчивую обезьяну.

Кэтрин под столом сжала ладонь Марка. Со страхом в голосе спросила:

— Пора?

Марк поцеловал ее, заглянул в искрящиеся болью карие глаза. Нежно прошептал:

— Я люблю тебя.

Закусив нижнюю губу, Стивенсон кивнула — в Азиатском Союзе было не принято выражать чувства на публике.

— Да, пора, — кивнул Марк, поднялся и направился к группе гостей. — Хаим, — окликнул он высокого смуглого израильтянина, — через час на причале. Пора выполнить вашу часть договора.

* * *

Когда Марк сказал Кэтрин, что предстоит сделать, та сначала отхлестала его по лицу. Потом долго ревела раненым зверем, затем, успокоившись, признала его правоту. Но она еще не скоро согласилась отдать своего ребенка чужим людям. Неклюдову пришлось обратиться за помощью к послам Азиатского Союза, и те прислали на Коралл человека, готовившего Стивенсон к внедрению в САС. После пятиминутного разговора, после фраз «так надо», «это в интересах нашей страны», «это твой долг», «нам нужна поддержка твоего мужа», и, наконец, «это приказ», девушка сдалась. Если бы она послала того вояку на хрен, Марк всерьез рассмотрел бы предложенный Кэтрин вариант переправить ее и Дениса к ее родне в подземное убежище азиатов. Но после такого легкого отступления Кэтрин, он понял, что для этих людей, этого общества, его сын будет не более чем инструментом давления на него самого. Доверить Дениса этим безропотным коллективистам — ну уж нет, ни за что на свете. Более того, он сомневался, что подземное убежище сможет уберечь прячущихся в нем людей, что оно спасет их от гнева Всевышнего, если он всерьез возьмется за Азиатский Союз. Если их вторжение на Солярис окончится провалом.

Поэтому Марку пришлось принять самое сложное решение в своей жизни. Лишь в одном месте и лишь под присмотром всего одного властителя на этой планете у Дениса были самые высокие шансы пережить грядущую войну. Этим властителем был Всевышний. Если отдать сына в САС, если обеспечить ему гражданство САС, Иджис станет ему приемным отцом, опекуном и наставником. Всевышний присмотрит за ним, Всевышний

защитит его и, если хоть кто-нибудь осмелится причинить Денису вред, Всевышний отомстит. В этом не сомневалась даже Кэтрин.

Через сутки после прощальной вечеринки подводная лодка Арабской Лиги, сконструированная израильскими оружейниками, царапнув по дну Атлантического океана углепластиковым корпусом, остановилась в полусотне метров от дикого песчаного пляжа неподалеку от Лиссабона. Встречающие уже были на месте. Старшая сестра Ибрагимова, Мадина, оставалась на берегу, его младший брат Тимур уже давно бултыхался в воде и периодически нырял, высматривая подлодку. Увидев черный плоский корпус судна в нескольких метрах под собой, он вспыл, махнул сестре рукой и, набрав полную грудь воздуха, нырнул и поплыл под подлодку. Когда он вылез из люка в полу лодки и сразу же попал в объятия Рустама, Марк с сыном на руках, обернутым в экранирующую теплоизолирующую ткань, прыгнул в воду. Денис спал крепким сном, посапывая под дыхательной маской. Его не разбудила даже прохладная вода океана — незадолго до прибытия Неклюдов заставил сына принять выданную ему корабельным врачом таблетку. Это было необходимо — он не был уверен, что не сбежит вместе с ребенком в какую-нибудь глушь, если Денис поймет, что его отдают, и начнет умолять отца остаться.

Выплыв на поверхность темного в свете звезд океана, поддерживая голову Дениса над водой, Марк неспешно погреб к берегу. Мадина, увидев их, двинулась им навстречу и начала заходить в воду как есть — в брюках и черном, до колен, платье. То, как повела себя сорокалетняя женщина и мать двоих взрослых детей, внушило Марку, что он сделал правильный выбор. Рустам пообещал, что Мадина будет заботиться о Денисе как о своем собственном ребенке. Похоже, он не преувеличивал.

Прямо отсюда, знал Марк, Мадина и Тимур направятся в ближайший медцентр в Лиссабоне. Там женщина заявит о найденыше, предъявит капсулу с образцом ДНК Марка и носитель с его записью, где он передает обязанности по присмотру за сыном семье Ибрагимовых. После женщина выразит желание стать опекуном ребенка, а врачи возьмут у Дениса анализ ДНК и вызовут соцработника. Запись и образец генома отца докажут, что Мадина не похищала Дениса и что она с согласия его прямого родственника имеет приоритетное право оставить его у себя. Конечно, семью Неклюдова известят, что у их блудного, давно «почившего» родственника, появилось потомство, но забрать ребенка или увидеть его они смогут только с разрешения опекуна. Это все, что потребуется, чтобы Денис мог получить гражданство САС и не подвергался бы дополнительным

процедурам и собеседованиям с тестами у психологов, как если бы выяснилось, что он взялся ниоткуда или объявлен пропавшим, что он из иного государства и не имеет родственных связей с гражданами САС или что он вообще клон. Впрочем, даже в подобных случаях САС обеспечивал таким детям гражданство, если они уже находились на территории САС. Просто их сначала прогнали бы через кучу обследований, допросов, если будущий гражданин уже умел говорить, и привили бы соответствующее воспитание, промурыжив годик-другой в образовательных центрах.

Ударив носком ноги по дну, Марк встал и, преодолевая сопротивление толкающего его взад-вперед океана, подошел к Мадине, стоявшей по пояс в воде.

— Здравствуй, — низким грудным голосом поприветствовала его женщина. — Рус рассказывал о тебе. Рада… — Она осеклась, сообразив, что можно неправильно истолковать ее слова.

— Ничего страшного, не беспокойся. — Марк откинул покрывало с безмятежно сопящего у него на руках сына. Отвечая на встревоженный взгляд женщины, пояснил: — Он спит. Будет спать часа три. Не пытайся будить, не получится. — Отстегнув клипсу, он сорвал с пояса сумочку, передал ее женщине. — Там образец генома и запись. Внутри есть еще два носителя. Для Дениса. Первую запись покажи ему, когда проснется. Другой, с цифрой два, — он сглотнул тугой ком в горле, — когда немного подрастет.

Мадина приняла сумочку, спрятала ее в карман.

— Надеюсь, — сказала она, — вторая запись не понадобится. Скажу ему, что ты и его мама обязательно вернетесь за ним.

Марк кивнул. Хотел было поблагодарить ее, но не смог выдавить ни слова. Поцеловав сына в лоб, он передал его в руки женщины. Та приняла его очень осторожно, словно боясь, что мальчик рассыплется в прах. Прижала к своей груди и грустно улыбнулась.

— Я буду беречь его больше своей жизни. Клянусь. У нас он будет в безопасности. Мы воспитаем его настоящим мужчиной, таким, как Рус. Мы не позволим Всевышнему испортить его. А ты присмотри за Рустамом. Хорошо?

Марк снова кивнул. Развернулся и нырнул в набегающую волну — оставаться и дальше было слишком больно.

* * *

Подлодка всплыла через сутки рядом с причалом острова

Коралл. Люк в верхней части гладкого, без единой надстройки, корпуса отъехал в сторону, и в воду спрыгнули двое — Марк и Рустам. Кэтрин осталась в лодке. После расставания с сыном она ни разу не вышла из своей каюты. Она просто не могла видеть Марка, она так и не простила его за то, что он все-таки смог отдать его и ее сына чужой женщине. Понимала, что так нужно, что для Дениса это был, пожалуй, лучший шанс повзрослеть и прожить долгую и если не насыщенную, то точно беззаботную жизнь. Однако Кэтрин не могла принять и смириться с таким шагом своего любимого. Марк прекрасно понимал ее чувства, он тоже ненавидел себя. Еще он понимал, что своим решением положил конец их отношениям с Кэтрин. Если только не случится чудо и ему не удастся отнять сына у Всевышнего.

Закинув на пирс пакет со своей и Рустама одеждой, Марк забрался по короткой трухлявой лестнице на доски причала. Сев, свесив ноги вниз, он откинулся на спину и раскинул руки в стороны, глядя на пробегающие по ночному небу облака, предвещающие о приближении мощного тропического шторма.

Забравшись на причал, Ибрагимов дождался, пока подлодка не отплывет от острова и не скроется под водой, только потом сказал:

— Теперь говори.

— Ты о чем?

— Что ты на самом деле задумал.

— Не понимаю.

— Думаешь, я совсем дурак? — даже немного обиделся Ибрагимов. Сел рядом с ним и тоже свесил ноги к воде, не спеша одеваться. — Думаешь, я не понимаю, что если мы каким-то чудом захватим Солярис, наши новые друзья сразу забудут, что они друзья, и начнут разбираться, кому из них достанется Солярис. Они вступили в союз только потому, что ты пообещал им возможность захватить самое мощное оружие в мире. Мы могли начать еще пол года назад. Арабы и азиаты специально ждали, когда САСовцы закончат монтировать главные элементы лазерной пушки. Они закончили, осталась мелочь. Кто сейчас завладеет Солярисом, сможет самостоятельно доделать пушку. И тогда он будет диктовать миру свои условия. Станем жить как арабы или превратимся в коммуняк. Начнем молиться по двадцать раз за день или начнем распевать по утрам гимны и прославлять свою родину. Лучше Всевышний, чем это.

Неклюдов сел, тряхнул головой, отгоняя мысли о сыне. В какой-то мере слова Рустама помогли забыть о сделанном, вернули его к жестокой реальности, где их улыбающиеся друг другу союзники сжимали за спинами рукояти ножей.

— Ты точно хочешь знать? — уточнил Марк. — Даже Кэтрин не в курсе.

— Хочешь взорваться вместе с Солярисом?

— Если придется, да, взорвусь вместе с ним. Чтобы он не достался никому, — признался Марк. — Но перед этим я должен попытаться дать Кэтрин возможность воссоединиться с Денисом.

— Мы, — поправил его Рустам. — Мы должны попытаться. — Он поднял перед собой ладонь с растопыренными пальцами — и из кончиков пальцев, приподняв ногти, выскочили стальные когти длинной сантиметра по четыре. — Я прошел через этот ад с модификациями не для того, чтобы пропустить главные события. Знаешь, как больно, когда тебе в кости втыкают тысячу иголок? Я три месяца лежал утыканный этими иголками, даже не мог пошевелиться. Думал, сойду с ума. — Он убрал когти, облизал кончики пальцев. — Давай колись, что задумал.

Марк поколебался, не зная, как отреагирует на его слова друг. Потом вздохнул и признался:

— Я хочу дать Денису шанс расти в лучшем мире. Не в этом дерьме, где все готовы повырывать друг другу глотки, в другом. Я хочу дать людям возможность самим выбирать, как им жить. Чтобы они сами могли решать, кем им быть. Чтобы им не пришлось выбирать между равными бесполыми европейцами, забитыми богобоязненными мужчинами и женщинами Востока или упертыми безропотными коллективистами из Азии. Я хочу захватить Солярис, скинуть его на Арктику и смыть всю эту дрянь — САС, Арабскую Лигу, Азиатский Союз. Я утоплю их, устрою им всемирный потоп. И тогда, может быть, те, кто уцелеют, смогут построить новый, лучший мир. Без границ и своих Богов. Потому что, когда лед Арктики растает, людям придется объединиться на тех клочках суши, что еще останутся на Земле.

Глава 19. Потоп

Солярис был имиджевым проектом. Всевышний понимал, что любое человеческое общество невозможно сплотить, не дав ему цели. Того, к чему можно стремиться, вокруг чего можно объединиться. И он ставил перед людьми САС трудные, но вполне выполнимые задачи. До Соляриса был проект Лунного города-курорта, еще прежде люди следили за строительством первого и единственного космического лифта, до этого наблюдали за созданием комплекса из четырех орбитальных станций, производств в условиях нуль-гравитации, системой оборонительных спутников. После Патентной войны Марс бомбардировали тысячи капсул, несущие измененные гендизайном микроорганизмы-экстремофилы и необходимые им питательные вещества. Каждое поколение граждан САС получало свою цель, каждый гражданин САС к преклонным годам мог похвастаться: «А вот мы достигли того-то и того-то». Правда, достигли всего этого ведомые Всевышним машины. Живые люди участвовали в этих проектах опосредственно, наблюдая за великими свершениями человечества через иллюминаторы экскурсионных кораблей или в медиа-программах.

Похожим образом обстояли дела с Солярисом — инженеры и техники следили за строительством корабля на орбите, но основную и самую ответственную работы проделывали машины. Граждане САС наблюдали за всем этим издалека, воображая, что именно их соотечественники прокладывают для них и их потомков дорогу на другую планету. Именно тысячи камер, на Солярисе и вокруг него, и сделанные ими записи позволили Марку разработать его авантюрный план. И замысел Неклюдова предусматривал три возможных варианта развития событий.

Первый вариант: союзники посбивают оборонительные спутники Всевышнего, но абордажные группы так и не смогут выйти в космос. В таком случае арабы и азиаты начнут полномасштабное наземное вторжение в САС. Что, скорее всего, будет означать крах или полное вырождение человеческой цивилизации, когда Всевышний начнет отбиваться. Союзники понимали это, и не горели желанием развязывать такую войну. Выбора у них, однако, не было, им бы пришлось напасть ради сохранения независимости собственных государств.

Второй вариант: три абордажных группы не смогут пробиться внутрь Соляриса или встретят слишком ожесточенное сопротивление машин. На этот случай у каждой группы имелось компактное ядерное взрывное устройство. Уничтожение Соляриса

сохранило бы существующий на планете статус-кво, позволило бы отложить окончательные разборки еще на пару десятков лет. Более того, уничтожение хотя бы спутников качнуло бы чашу весов в пользу союзников, дало бы им повод попробовать договориться с ослабленным САС.

Третий вариант: абордажные группы захватят Солярис, союз мгновенно распадется, и после перестрелки выжившая сторона единолично завладеет судном. Этого Марк не желал еще больше, чем начала вторжения союзников в САС. Потому что при таком раскладе война тоже начнется. Но уже САС будет вынужден вторгнуться в контролирующее Солярис государство, которое будет отбиваться не только самолетами, судами и наземными войсками, но и рельсовыми пушками, предназначенными для защиты Соляриса от метеоритов и космического лома. При этом третья сторона также не останется в стороне и подключится к разборкам. В общем, развитие событий по третьему варианту вело к неизбежному хаосу.

Потому Солярис должен быть уничтожен. И чтобы дать шанс Кэтрин воссоединиться с сыном и не дать начаться полномасштабной войне, самое лучшее, знал Марк, если Солярис не просто превратится в груду космического лома, а перед своей гибелью нанесет трем государствам на Земле такой урон, что те будут вынуждены действовать сообща. Людям придется забыть о своих собственных интересах, ведь сильнее жадности лишь страх. А страх перед всемирным потопом заставит их побросать все нажитое веками добро и позабыть давние разногласия и обиды. Чтобы родился новый мировой порядок, существующий должен погибнуть.

Растолковав все это Рустаму, Марк заверил его, что, по его расчетам, затопит лишь половину суши и то не сразу, в течении суток-двух, и что его, Рустама, семья и Денис будут в безопасности в горах Кавказа. К его удивлению, Ибрагимов воодушевился и охотно поддержал его самоубийственную задумку.

— Все равно рано или поздно сдохнем, — пожав плечами, сказал тогда горец. — По мне так лучше подохнуть, сражаясь за что-нибудь грандиозное, чем превратиться в старого маразматика. Да, дружище, я с тобой. Что надо будет сделать?

Марк рассказал.

Солярис являлся модульной системой. Чтобы обрушить его на Северный полюс, было совсем не обязательно пробиваться к системам управления, которые контролировались Всевышним — расшифровка протоколов коммуникаций корабля потребует огромных интеллектуальных ресурсов. Ими обладали лишь арабы

и азиаты. И то не факт, что у них что-нибудь получится. Скорее всего, им бы пришлось снимать аппаратную защиту с систем управления, обнулять все чипы и контроллеры или ставить свои. Только потом они бы смогли начать загружать свои программы управления для Соляриса. На это ушли бы месяцы. Впрочем, чтобы завладеть только оборонительным вооружением корабля, потребовалось бы намного меньше времени — часы или дни. Союзники это знали, они тоже следили за ходом строительства корабля.

Поэтому, сказал Марк, чтобы осуществить план всемирного потопа, им двоим будет достаточно завладеть всего одним элементом корабля — его сердцем, ядерной двигательной установкой. ЯДУ Соляриса была в длину почти пятьсот метров, в диаметре двести и вместе с тяжелым топливом составляла две трети всей массы корабля. Более того, ее можно было отделить от жилых и технических модулей корабля.

— Смотри, — объяснял Марк, — самое главное и сложное в Солярисе, это его движок. На создание и сбор его частей ушло времени больше, чем на весь остальной корабль. Движок, по сути, полноценный корабль. Когда его собрали, чтобы его протестировать, к нему приделали агрегатный отсек с системами управления и двигателями ориентации. И на случай, если бы что-нибудь пошло не так, чтобы он случайно не улетел к Юпитеру или еще дальше, в этот агрегатный отсек посадили астронавтов. Они могли управлять движком вручную. И этот агрегатный отсек, его сохранили, он часть ЯДУ. Потом к двигательно-агрегатному отсеку пристыковали двухкилометровую трубу. Это хребет Соляриса — в этой трубе находится центральный коридор и все коммуникационные системы корабля. Также в ней расположены док-станции для охранных спутников, вокруг нее есть подвижное кольцо с тремя гауссовскими пушками. Все это приделали для полета на Юпитер через пояс астероидов — Солярис слишком большой, ему проще раздробить мелкий астероид, чем пытаться увернуться от него. Уже к этой трубе крепятся остальные пятьсот модулей корабля — жилые, складские, мануфактурные, жизнеобеспечения и так далее. Все эти модули продублированы, они, по сути, второй контур противоастероидной защиты Соляриса, и они оснащены двигателями ориентации. Если Всевышний, именно его копия станет ИИ корабля, поймет, что в Солярис скоро прилетит какой-нибудь булыжник и что его орудия с ним не справятся, он отстрелит какой-нибудь внешний модуль, тот разгонится и столкнет астероид с его курса. На случай, если в системах коммуникации что-нибудь поломается или внутри модуля случится пожар и там окажутся заперты люди, все эти

модули можно отделить вручную. Всевышний станет отстреливать модуль с живыми людьми только в самом крайнем случае, при угрозе всему кораблю. Поэтому при ЧП всю грязную работу придется взять на себя сначала экипажу. Если экипаж не справится, подключится Всевышний — все ж таки никто не хочет полностью доверять свои жизни машине. Такой подход к безопасности Соляриса дает ему девяносто девяти процентную вероятность выживания в случае любой внешней угрозы, но именно это делает корабль уязвимым для диверсий изнутри. Если сможем отделить двигательно-агрегатный отсек, я смогу скинуть его на Арктику — понадобятся всего лишь двигатели ориентации. Если сможем запустить ЯДУ — это вообще будет замечательно. Взрыва не будет, но просто кинетический удар такой массы расколет и расплавит половину ледяной шапки Северного Полюса. При ударе сметет Северную солнечную ферму, погибнет примерно двести тысяч человек. Потом пойдет цунами. По моим расчетам, высота волны будет не меньше двадцати и не больше тридцати метров. До близлежащих жилых районов волна доберется часа за три и немного потеряет в силе. К экватору совсем ослабнет. Если люди не начнут вести себя как животные и удастся избежать паники, большинство, если не все, успеют эвакуироваться. Уровень мирового океана поднимется метров на десять-пятнадцать, количество суши сократится вдвое. Достанется вообще всем, но сильнее всего пострадают северные районы САС. Чтобы избежать массового голода, все оставшиеся ресурсы придется направить на синтез еды. Ну, а потом родится новый мир.

— Или не родится, — заметил Рустам. — Ты слишком хорошо думаешь о людях.

Марк пожал плечами.

— По мне так лучше мировой потоп, чем мировая война. Любая война, даже во спасение себя и своего дома, всегда ведет к следующей войне. Так было и останется, если не попытаемся что-нибудь изменить.

— Кстати, твой план предусматривает наше выживание?

— Вообще-то, нет, — признался Марк. — Но кто его знает, что получится в итоге. Я всего лишь человек, я не могу делать слишком сложные прогнозы. Сначала нужно добраться до Соляриса, что дальше — будем решать на месте. — Он открыл зип-клапан пакета с одеждой. — Через два часа отправляемся. Тебе пора побриться — в САС нет бородачей. У меня тоже есть еще одно дельце.

* * *

Хасан и Лука ждали Неклюдова на веранде его домика. Перед ними на столике дышали паром кружки с горячим чаем, теплолюбивый иранец кутался в плед, спасаясь от стуженных порывов ветра близящегося урагана. Это хорошо — несмотря на боль утраты, Кэтрин, как и подобает азиату и солдату, была на ногах, хлопотала на кухне, а не валялась, запершись в спальне. Она просто не могла демонстрировать слабость перед другими, таково воспитание.

— Привет, босс, — поприветствовал Марка Хасан. — Мы здесь, как ты просил.

— Только зачем мы здесь? — осведомился Лука.

Дверь открылась, из кухни вышла Кэтрин, держа тарелку с бутербродами для припозднившихся гостей. При виде поднимающегося по ступенькам Марка, она плотно сжала губы и отвернулась.

— Кэт, ты поймешь, — сказал Неклюдов, достал из кармана брюк игломет и всадил в бедро Стивенсон дротик. Тарелка со звоном разбилась о доски пола, отбросив оружие, Марк кинулся вперед и успел подхватить потерявшую сознание женщину.

— Какого хрена, босс?! — вскочил, опрокинув стул, Хасан.

Осторожно уложив Кэтрин на пол, Марк разогнулся, велел ошеломленной парочке:

— Берите ее и тащите на наш катер. Там вы ее свяжите и ни за что не развяжите. Понятно?

— Ну, конечно, не будем. — проворчал Лука. — Или она нас прибьет. Твоя жена суровая тетка. Может, объяснишься?

— Лука, бери всех своих братьев и веди их на катер. Хасан, ты тоже бери свою подружку. Короче, тащите на катер всех, кого знаете и сможете.

— И что мы будем делать на катере со всей этой толпой народа? — поинтересовался Хасан. Он кивнул на Луку. — Одного его еще можно вытерпеть, но десятерых…

— Лучше ответь, что мы будем делать на катере в ураган? — спросил Лука.

— Он пройдет мимо нас, — пообещал Марк. — За ним наблюдает больше метеорологов, чем вы можете себе представить. Это не совсем обычный ураган. — Он подобрал и сунул в карман игломет. — Так вот, когда погрузитесь, сразу плывите к Мариам-Бэй — он сейчас рядом, в паре сотен километров. Там вас встретят и разместят люди Като Мицкевичуса. Но не смейте говорить ему, что с вами Кэтрин. Ни ему, ни кому-либо другому. Держите ее на катере, пока все не закончится. Только потом отпустите. Дальше она сама разберется, что делать.

— А что именно закончится? — осторожно спросил Лука.

— Да, как-то все это звучит… зловеще, что ли, — поддакнул Хасан.

— Пока и сам не знаю, что именно произойдет, — признался Марк. — Вы скоро узнаете. Все узнают.

Глава 20. Союзники

— Хаим, — окрикнул израильтянина капитан подлодки из рубки управления, — мы зацепились. Отрубаю им связь, начинаю резать корпус.

— Суетятся? — спросил Хаим Гилъади. Он и еще семь человек стояли в тесном кубрике перед задраенным люком, за которым подвижный абордажный рукав подлодки присосался к корпусу подводного экскурсионного катера САС.

— Не, судя по звукам, сидят выпивают. Похоже, пристыковались аккурат к двигательному отсеку.

Марк оглядел своих союзников. Кроме него и Рустама в группу входило еще шесть человек — трое из Арабской Лиги, трое от азиатов. Старшим арабов был Гилъади, ему подчинялись Маджед аль-Азиз и Хамад со слишком длинной и труднозапоминаемой для европейцев фамилией. Азиатами руководил индус Джен Санг, вторым был кореец Чон Пак Со, третий — самый юный участник группы, наполовину русский наполовину китаец с почему-то англоязычным именем Патрик Ирвинг.

Все мужчины были одеты подобающим образом — как восемь туристов из САС, чье место им предстояло вскоре занять, — шорты, свободные белые или серые брюки, майки, футболки, цветастые рубашки. Кожа их была осветлена, за спинами, на плечах болтались рюкзаки или дорожные сумки — для сканеров внутри находились шмотки и обыденное походное добро: щетки, тюбики с гелями, косметички, техника. В предплечья были вставлены идентификаторы, под скулы загнаны чипы-мимикраторы. Биометрика и идентификаторы группы полностью соответствовали параметрам тех восьмерых мужчин из игровой софтверной конторы в САС, которым не посчастливилось обратиться в туристическую контору, созданную и успешно функционирующую уже два года в городе Порту. Этим восьмерым туристам был предложен специальный тур — сначала трехдневное путешествие на автоматизированном подводном катере до Гавайев, оттуда полет на космическом клипере к Солярису. Еще две группы туристов по восемь «счастливчиков» подплывали в этот момент к Багамам и Ямайке. Также двадцать хаткехников из САС, нанятые и обученные Неклюдовым, готовили свои бот-сети для самой крупномасштабной атаки на телекоммуникационные спутники САС, собираясь приостановить вещание всех медиа-каналов. Правда, они пока не подозревали, что простенький скрипт в их софте перенаправит весь мусорный

трафик от их бот-сетей с частот телекоммуникационных спутников на частоты, на которых сидели и общались со Всевышним спутники системы космической обороны. Когда хактехники поймут, кого именно они атакуют, они быстренько остановят свои сети и самые умные попытаются немедленно скрыться в Независимых водах. Но двух-трех минут их деятельности будет достаточно.

— Готово, — сообщил капитан, — корпус прорезан, вода откачена — можете идти.

— Маджед, Чон, действуйте, — приказал Санг.

Те уже были готовы — бросив сумки, поверх своей одежды они накинули прозрачные полиэтиленовые плащи. Хамад отвинтил запорное колесо люка и потянул его на себя, открывая проход в узкую трубу с гибкой лестницей, уходящей наискось вверх. Вдалеке гудел генератор и двигатель подводного катера.

— Тридцать секунд, потом присоединяйтесь, — сказал Маджед и первым нырнул в туннель.

Сглотнув, Марк спросил:

— Это обязательно делать?

— Да, — кивнул Санг.

За него закончил Хаим:

— Нужно исключить возможность любого непредвиденного случая. Экипаж нашей лодки всего четыре человека, европейцев восемь. Неблагоразумно держать их здесь живыми.

— Ладно, — пожал плечами Марк. Не в его праве было винить союзников за то, что они планировали совершить. Сам он собирался убить гораздо больше народу.

Из абордажного тоннеля сквозь гудение механизмов донеслись встревоженные вскрики, затем вопль боли и ужаса. С грохотом, сотрясая абордажный рукав, к ногам Марка скатилось подергивающееся в конвульсиях тело пузатого мужчины. Рядом с правым глазом покойника набухала маленькая капля крови.

— Чисто, — крикнул сверху Чон.

— Пошли, — приказал Гильъади. — Капитан, готовьтесь принимать груз.

Марк вторым следом за Рустамом поднялся по рукаву, вылез из пола в двигательный отсек катера и вышел в роскошно обставленный салон — мягкие кожаные диваны, кресла, ковры, люстра, стеклянный столик с напитками, фужерами, россыпью таблеток и парой дорожек белого порошка. И семеро покойников, четверо из которых даже не успели подняться со своих мест. Маджед, согнув запястье, вогнал в кость предплечья стилет, почти спицу, его накидка была орошена капельками крови. Чон, судя по всему, орудовал руками и вообще не испачкался. Все члены

группы, кроме Марка, были модифицированы и оснащены имплантами, только, признался Рустам, никто из них не мог сравниться со старшим оперативником Корпуса Стражей. Одно хорошо — на Солярисе должно дежурить всего двое Стражей, возглавлявших десяток безопасников.

— Командир, — окрикнул Санга Ирвинг. Он стоял в коридорчике, заканчивающимся рубкой управления и глядел внутрь одной из двуспальных кают пассажиров. — У нас зайцы. Две штуки.

Из каюты донесся девичий визг.

— Разберись, — приказал Санг.

Кивнув, Ирвинг вошел в каюту.

— Стоять! — рявкнул Марк так, что пара мужчин вздрогнула. Ирвинг высунул в коридор озадаченное лицо. — Хотите все просрать?

— И что нам делать с этими шлюхами? — осведомился Санг. Помедлив, добавил: — Командир.

— На катер вошло десять человек, вышло восемь, — заметил Ибрагимов, которому тоже пришлась не по нраву устроенная союзниками бойня. — Кретины, думаете это не вызовет подозрений Всевышнего?

Неклюдов сгреб со столика горсть таблеток и взял полную бутылку виски. Войдя в каюту, где на нижней койке двухъярусной кровати в углу жались друг к другу и прикрывались простыней две девицы в бикини, он поставил на столик бутылку, кинул таблетки.

— Есть комм-чипы?

Те закивали.

— Детоксикаторы?

Девушки снова закивали.

— Маджед, — позвал Марк араба. Когда тот вошел в каюту, велел: — доставай свой клинок. Нужно разрушить чипы. За левым ухом и в печени. Их можно прощупать…

— Я их вижу, — сообщил, щурясь, араб. Он согнул запястье, и из кожи выскочило похожее на спицу оружие.

— Когда закончишь, проследи, чтобы они все съели и выпили. Если не отрубятся, дай им еще бухла. На Гавайях сгрузим их в такси и снимем им номер в гостинице.

— Понял тебя, командир, — кивнул араб и полностью вытащил из кости окровавленный клинок.

Когда Марк вышел из каюты, изнутри донесся истошный вопль первой девицы. Поморщившись, Марк захлопнул дверь.

* * *

— Позвольте поприветствовать вас, джентльмены, и проводить на борт нашего клипера, названного в честь героя древнегреческой легенды Икаром, — широко улыбнулась, обнажая белоснежные, идеально правильные зубы миловидная бортпроводница, которая, судя по экзотическим чертам лица, была коренной гавайкой. Девушка была одета в голубой пиджак, белые блузку и юбку, за ее спиной на верхней части фюзеляжа стратосферного грузового самолета покоился клипер.

С десяток подобных связок — самолет и клипер — стояли вдоль полукилометровой взлетно-посадочной полосы, прорезающей джунгли вдали от городов. Кроме них, на клиперы — уменьшенные копии древних черно-белых шатллов — готовилась подняться еще пара туристических групп.

Бортпроводница снова улыбнулась. Улыбка вышла слегка натянутой. Восемь мужчин перед ней выглядели как обычные туристы, но что-то в них было неправильным, таких гостей она еще не встречала. Атлетичные, как игроки спортивной команды, с такими же идеальными осанками и короткими стрижками. Они так же беззаботно улыбались, о чем-то перешучивались, только глядели слишком внимательно и цепко, с каким-то нехорошим выражением в глазах. Как тот тигр в зоопарке.

Девушка тряхнула головой, отгоняя дурные мысли. В САС не могло случиться ничего плохого. Видимо, просто утомилась.

— Прошу вас проследовать за мной на борт самолета. Оттуда мы сможем подняться в клипер. Взлет состоится через десять минут.

Бортпроводница провела группу к спущенному на бетон заднему грузовому трапу самолета. Кроме винтовой лестницы вверх, внутри фюзеляж самолета был абсолютно пуст.

— Прошу вас, джентльмены, поднимайтесь наверх, одевайте скафандры и занимайте места в креслах-ложементах. Я последую за вами.

— Не бросай нас, крошка, — подмигнул ей Ирвинг. — Первый раз летим в космос.

— И, наверное, в последний, — добавил Хамад. — Три года откладывали на эту экскурсию.

Девушка улыбнулась:

— Скоро каждый сможет себе позволить побывать в космосе. Когда достроят Солярис, частные туристические компании, наподобие нашей, станут основными перевозчиками между Солярисом и Землей. Власти САС уже готовы передать в лизинг только нашей компании еще два десятка клиперов. Когда это случится, цены на космические экскурсии поползут вниз.

Хаим хохотнул:

— Звучит так, будто мы выкинули целое состояние.

— О, это того стоит, — заверила его девушка. — Разве не замечательно, что вы станете одними из немногих людей, кто увидит Солярис в его незавершенном виде? Сейчас вы увидите как создается великое будущее всего человечества.

— Вообще-то, не всего, — заметил Санг.

— Азиатские и арабские народы сами виноваты, что не пожелали присоединиться к САС, — спокойно ответила заученной фразой девушка. — Лишь Всевышний в его безграничной мудрости способен объединить людей и не дать нам вынести наши пороки и конфликты в безграничный космос, где станет невозможным сдержать их рост.

— Аминь, — кинул Марк и первым начал подниматься в клипер.

Еще снаружи клипер казался маленьким, внутри он оказался откровенно тесным. Вытащив за собой из люка в полу сумку, Марк разогнулся и ударился макушкой о потолок.

— Простите, — крикнула снизу бортпроводница, — забыла упомянуть, чтобы вы берегли голову!

Пригибаясь, Марк осмотрелся. Узкий проход, по бортам четыре гелевых кресла-ложемента, над ними багажные отсеки, одна массивная, судя по всему, стальная внутри, обитая красным деревом дверь в кабину пилота. Посередине двери на уровне глаз было расположено круглое смотровое окошко.

Достав из сумки терминал, Марк поднял дверцу багажного отсека и увидел внутри шлем и скомканный скафандр с зачехленными в пластик баллонами воздуха и батарей питания. Вытащив шлем и скафандр, он запихнул сумку в отсек и с сомнением оглядел то, в чем предстояло выйти в открытый космос и пролететь пару тысяч километров. От радиации такой точно не спасет, все схватят приличную дозу, но ткань плотная, металлизированная. После накачки воздухом на нее подастся небольшое напряжение, и она должна затвердеть.

Сняв кроссовки, Марк втиснулся в узкое пространство между креслами, расстегнул молнию спереди скафандра и начал натягивать брючины и крепящиеся к ним ботинки.

Салон начал заполняться, все вновь прибывшие обязательно ударялись головой о потолок и ругались.

Пока все облачались в комбинезоны скафандров, Марк успел залезть в свой, защелкнул кольцо ворота, надел шлем и, попав в пазы и провернув пару раз шлем, осмотрел себя. Скафандр висел на нем как на пугале.

Закрыв и задраив с пульта люк, девушка сообщила:

— На запястье есть зеленая кнопка. Нажмите ее, пожалуйста.

Когда Марк нажал ее, умная ткань начала утягиваться, подстраиваться под его размеры.

— Визоры нужно поднять, — сказала девушка, пряча пульт в карман пиджака. — Они опустятся автоматически, если давление в салоне упадет до нуля. Но можете не волноваться, этого не случится. Никогда еще не случалось. На случай, если произойдет разгерметизация, прошу вас оставаться на своих местах. Визоры опустятся, из баллонов будет подан кислород. Его запасов хватит на двадцать часов. Но нас всех спасут намного раньше. Время прибытия спасательного корабля составит час для низкой орбиты и три для геостационарной — за нами прилетят на очень мощном и быстром судне. Как вы можете заметить, внешние шторки обзорных окон клипера пока опущены. Они поднимутся, как только мы достигнем высоты двадцать километров. До этого на окна будет подаваться изображение с камер, поверьте, оно ничем не отличается от того, что вы сможете увидеть своими глазами. Вам уже были выданы противорвотные средства, но если вы вдруг почувствуете себя плохо, нажмите на красную кнопку на запястье скафандра и вам будет сделана дополнительная инъекция медикаментов. Также медикаменты снизят неприятные ощущения от перегрузки — рекомендую воспользоваться красной кнопкой при начале ускорения. Если вам не станет лучше, сбоку от своих кресел вы найдете пластиковые пакеты. Ускорение будет продолжаться час, перегрузка будет чуть выше полутора Же — это вполне терпимо даже для пожилых людей. Вы, джентльмены, едва ее почувствуете. Мы совершим три витка вокруг Земли и через шесть часов достигнем Соляриса. Незадолго до прибытия в пункт назначения, мы начнем торможение. К Солярису мы сможем подойти на расстояние не ближе пятисот километров, однако вам на обзорные окна будет транслироваться приближенное изображение этого чуда техники. Рядом с Солярисом мы проведем час, и я расскажу вам о всех этапах строительства этого корабля и отвечу на все ваши вопросы.

— А кормить нас будут? — спросил из своего кресла Хаим.

— Конечно, джентльмены. После окончания ускорения, я раздам всем желающим тюбики с питательными пастами. Они достаточно вкусные. Теперь же я попрошу всех вас занять места в своих креслах и пристегнуться. Я буду находиться в отсеке для экипажа с нашим пилотом. — Она улыбнулась профессиональной улыбкой. — Он совсем один, всем полетом управляет автоматика, так что я просто не могу позволить ему заскучать и уснуть на столь ответственном участке полета.

Хор из нескольких голосов издал разочарованное гудение, заставив бортпроводницу улыбнуться. На этот раз искренне.

— До старта одна минута, — сообщила девушка, с пульта посла запрос пилоту, и тот разблокировал дверь в кабину. Потянув на себя дверь, прилагая заметные усилия, скрылась за ней.

Взяв терминал, Марк активировал его, подключился к сети клипера и начал сканировать ее на наличие уязвимостей.

* * *

Никому никогда не приходила в голову идея угонять клипер. Это было бессмысленно — далеко на нем не улетишь, рано или поздно придется приземлиться на какой-нибудь полосе, и там обязательно будут ждать правоохранители. Технологии, используемые в метановом двигателе клипера, были ровесниками Всевышнего, и ими обладали все. Лишь пару раз какие-то идиоты решили захватить клипер, чтобы слинять на нем в Независимые воды. Но в первом случае Всевышний перехватил управление и самостоятельно посадил корабль, так как преступник вырубил пилота шокером и не смог разобраться, как хотя бы отключить автопилот, во втором злоумышленника остановила бронированная дверь, установленная, чтобы предотвратить проникновение в кабину после первого случая. Эти два происшествия произошли более полувека назад и больше не повторялись.

Неклюдову даже не пришлось особо стараться, чтобы проникнуть в систему коммуникаций судна. Агент азиатов, год назад отправившийся в полет с целью протестировать системы безопасности клипера, не обманул — уязвимости нашел софт. Значит, у двух других абордажных групп не должно возникнуть трудностей с небольшой модернизацией прошивки одного из чипов судна.

За час до прибытия на Солярис, Марк запустил скрипт и загрузил в чип измененную версию прошивки. Теперь никто не сможет связаться с Землей или другим судном без его разрешения, никто не сможет дистанционно перехватить управление клипером. Даже Всевышний.

Заставив клипер без ведома пилота установить связь с сетью, Марк вызвал окошко чата. Двадцать ников хактехников уже вошли в чат, два ника обозначали абордажные группы, один представлял координатора на Земле. Все рапортовали о готовности.

— Итак, джентльмены, — произнесла бортпроводница, также облачившаяся в скафандр и четыре часа полета после окончания

ускорения болтавшая с пассажирами о всякой ерунде, — до Соляриса нам осталось лететь всего шесть тысяч километров, поэтому сейчас мы начнем торможение. На данный момент наша скорость равняется тысяча шестистам метрам в секунду, поэтому, чтобы вы могли насладиться зрелищем Соляриса, нам предстоит сбросить ее до трех метров в секунду…

«Одна минута», — напечатал Марк.

Сидевший позади Санг произнес:

— Командир?

Глубоко вдохнув, Марк сказал:

— Готово. Можно начинать.

Джен Санг начал отстегивать опутывающие его ремни.

— Господин, — девушка сверилась с данными пассажира на своих кибер-линзах, — Дженкинс, прошу вас оставаться в своем кресле.

— Начали, — громко произнес Санг, и все пассажиры принялись отстегиваться.

— Джентльмены, что вы делаете? — разволновалась девушка.

— Марк, — крикнул с переднего кресла Чон, — он точно от нас не смоется?

— Его масса три миллиона тонн, — ответил Хаим, — он не может просто взять и сорваться с места. Даже наш клипер стартовал минут пять.

— Джентльмены, прошу вас сесть на свои места! — откровенно запаниковала бортпроводница.

— Отражатели его сопла сейчас в положении для техобслуживания, — объяснил Марк. Вызвав на терминале картинку с миниатюрного спутника-шпиона азиатов, он вывел изображение Земли на обзорные окна. — Даже если их успеют развернуть в походное, перед запуском движка на полную мощность отражатели должны быть протестированы несколькими маломощными взрывами. Одна небольшая царапина на любом из отражателей, и взрыв топливного ядра разнесет весь корабль. Если они попробуют свалить от нас, они рискуют потерять весь Солярис.

— Джасмин! — прохрипел динамик внутренней связи. — Что делают пассажиры?!

Терминал Марка пискнул — пилот пытался установить связь с Землей. Нажав крестик, Неклюдов отклонил запрос.

— У пилота может быть аварийная рация, — напомнил Рустам. Он поднял и передвинул себе за спину остолбеневшую бортпроводницу и, шаткой походкой, клацая магнитными подошвами по полу, зашагал к кабине.

Вызвав на терминале сеть корабля, Марк отдал команду

разблокировать замок. Упершись одной рукой в стену, Рустам легко распахнул тяжеленную дверь, вошел в кабину и через пару секунд вышел в салон, таща за воротник скафандра плывущего в невесомости пилота. Как и его коллега, тот даже не пытался сопротивляться. Кинув пилота в ближайшее кресло, Рустам велел:

— Пристегнись и не дергайся. Ты, женщина, тоже в кресло. Быстро!

Кивнув, та юркнула в кресло и тихо пискнула:

— Что происходит?

— Посмотри в окно.

Все тоже уставились в окна-дисплеи на картинку округлой Земли, края которой чуть-чуть не влезли в кадр. С высоты в пятьдесят километров спутник транслировал изображение Евразии, Австралии и части Африки. Над Евразией, полностью накрыв Индию, большую часть Китая и Аравийский полуостров, клубился мощнейший циклон. Рукава его спиралей озарялись всполохами молний, ближе к центру вспышки мерцали так часто, что сливались в единое ярко-синее зарево. Казалось, глаз циклона пылал.

— Мощный, — заметил Санг. — Неплохо вы, парни, потрудились.

— Ничего сложного, — признался Хаим. — Просто посыпали обычный ураган взвесью из электростатической пыли и абсорбента. Дальше все сделала природа. Вот так мы с ее помощью выиграли для ракет фору в почти целую минуту. Они выйдут из урагана на полном ходу… О, вот и они!

Сотни крохотных искорок одновременно вынырнули из непроницаемой пелены серых туч.

— Первая волна пошла, — констатировал Ирвинг. Посмотрел на бледных, ищущих ответа пленников. — Добро пожаловать на войну, товарищи. Вам выпала честь оказаться в первом ряду.

* * *

Несмотря на то, что он занимал этот кабинет без малого год, Славко МакАдамс все никак не мог привыкнуть, что его подчиненные обращаются к нему то «капитан», то «командующий». У Корпуса Стражей не было званий, за двадцать лет службы ему редко приходилось выступать в роли командира — Стражи почти всегда действовали парами или поодиночке, — и, когда на него возлагалась обязанность руководить крупномасштабной операцией, коллеги называли его обезличенным званием «координатор», полицейские — «сэр»,

«герр», «месье», «мистер» и тому подобное. Все зависело от региона, где он находился. Но никто и никогда не пытался превозносить его за его должность и заслуги. Все держались с ним как с равным.

Теперь между ним и остальными людьми словно выросла стена. Даже его сын, младший оперативник Корпуса, держался с ним подчеркнуто вежливо и отстраненно. Видимо, должность руководителя Корпуса Стражей и самого близкого к Всевышнему человека, имеющему возможность и право задавать ему любые вопросы, в том числе не касающиеся его прямых обязанностей, делала его самого в глазах коллег кем-то равным богу. Первым среди первых, важнейшим из незаменимых.

МакАдамсу не нравилось такое отношение к себе. Он бы предпочел и дальше работать полевым агентом. Однако увечья, полученные при взрыве в Таллине-2, и его опыт сделали его непригодным для должности оперативника и слишком ценным для возможности почетной отставки. Лучше бы, думал иногда МакАдамс, Прототип так бы и не нашел половину его тела под обломками корпуса судна на дне моря. Лучше, если у Прототипа не хватило бы сил разгрести груду похоронившего его в мутном иле металла и вытащить его наверх. Тогда бы ему не пришлось весь день торчать в этом роскошном кабинете на верхнем этаже правительственного небоскреба в Берлине и изображать из себя важную персону. Будучи оперативником, у него было намного больше свободы действий, чем имелось сейчас. Он мог самостоятельно выбирать, назначать, решать — Всевышний лишь подсказывал, как ему лучше поступить, предлагал варианты на основе своих прогнозов. На новой должности он полностью утратил эту свободу действий. Пусть, понимал сейчас МакАдамс, эта свобода всегда была иллюзией — что бы он тогда ни предпринял, какой бы вариант развития событий не избрал, Всевышнего всегда устраивало его решение, так как никакой его шаг в рамках вариантов, предложенных Иджисом, не мог привести к неудовлетворительному исходу.

В роли руководителя Корпуса он больше не имел права быть хоть сколько-нибудь неэффективным, и теперь вообще все решал за него Всевышний. Иджис не имел права вмешиваться напрямую в дела людей — он и не вмешивался. Всевышний мог подсказывать, направлять, но действовать — только в экстренных случаях. Поэтому он всегда руководил через посредников, ему нужны были такие, на первый взгляд, важные люди, как он, МакАдамс. Для непосвященных он, руководитель Корпуса, был заслуженным ветераном, могущественной фигурой, обладающей почти безграничной властью. Сам МакАдамс прекрасно понимал,

что он всего лишь оракул бога, его марионетка.

Массивный створки дубовых дверей распахнулись, и в кабинет вбежал взволнованный референт. В обычно тихом и безлюдном коридоре за его спиной хлопали двери, сновали туда-сюда люди, раздавались встревоженные возгласы.

МакАдамс уже знал, что случилось — просто сбывалось одно из предсказаний Всевышнего, о которых не ведал никто, кроме него. Раз Всевышний молчит — все было нормально, не случилось ничего страшного и непредвиденного. Арабы и азиаты давно что-то затевали, предполагалась даже возможность атаки на Солярис. Теперь они просто начали действовать. Контрмеры давно приняты, вся эта заварушка опять закончится в пользу САС. Но надо до конца сыграть свою роль и изобразить озабоченность.

— Прошу прощения за вторжение, — подлетая к столу МакАдамса, протараторил референт. Он старался не глядеть на своего руководителя, уж слишком жутко тот выглядел — наполовину человек, наполовину обожженная и иссушенная мумия, из-под кожи которой выглядывали труби искусственных артерий и части приводов механического скелета. Референт активировал медиа-панель на столешнице и вывел картинку со спутника на низкой орбите. Изображение было отвратительным — набор искаженных стоп-кадров, а не четкая трансляция в реальном времени. Референт остановил запись, выбрал самый четкий кадр: накрытая циклоном Евразия, сотни пересекающихся инверсионных следов, тянущихся от циклона и со спутников орбитальной обороны, и десятки вспышек маломощных взрывов. — Нас атакуют с территорий Арабской Лиги и Азиатского Союза. Это первая волна. Пуск ракет произошел под прикрытием циклона меньше двух минут назад. Зафиксированы тепловые вспышки второй волны. Эти ракеты выпущены с самолетов и, — он сглотнул, — отовсюду. Цели — телекоммуникационные и оборонительные спутники. Арабы и азиаты больше не пытаются прикрыться циклоном. У границ САС началось передвижение наземных войск.

— Понятно, — спокойно сказал МакАдамс. — Это дело военных. Пусть разомнутся. Как это касается Корпуса?

— С территории САС идет атака на частоты связи.

— Это уже к нам, — произнес МакАдамс. — Как только Иджис вычислит источники, начнем брать этих придурков. Что еще?

— Расчеты возможных траекторий некоторых ракет показывают, что их целью может быть Солярис. Если они пробьются через систему космической обороны, то достигнут Соляриса за примерно час.

— Мы это предвидели, рой охранных спутников сменил оснастку с противоастероидных ракет на пушки. Пусть пробиваются через спутники.

— Есть еще одно событие. — Референт сменил стоп-кадр на схематичное двухмерное изображение космического пространства. В центре зеленый шарик Земли, вокруг тысячи точек спутников, мануфактур, станций и туристических кораблей. На самом краю схемы располагалась пиктограмма Соляриса в виде желтой точки с лучами. К ней тянулись три красные линии траекторий, соединяющие Солярис и три мигающие зеленым точки. — Три туристических клипера отклонились от полетного плана, на полной скорости проскочили зону торможения и не отвечают на запросы.

— Вот это уже интересно. — Развитие событий пошло по самому маловероятному сценарию, и МакАдамс заулыбался одной половиной своего лица, отчего референт вздрогнул и поежился. — Спасибо. Я этим займусь. Можешь идти.

Когда референт удалился, МакАдамс прислушался. Естественно, Всевышний уже давно был в курсе всех событий. Но он молчал — значит, все развивалось без осложнений.

— Делаю запрос на изображение последних пассажиров туристических клиперов номер, — МакАдамс продиктовал бортовые идентификационные номера кораблей, светившиеся на панели.

Пришлось подождать почти минуту — Всевышний был очень занят, — но поверх схемы на его столе все же всплыли три стоп-кадра трех групп мужчин. Приближая поочередно картинки, МакАдамс принялся рассматривать лица мужчин. Конечно же, никакие это не туристы, пусть и старательно изображают их. Машина не всегда способна опознать напряженную позу и прочитать выражение на лице замыслившего что-то недоброе преступника. Но он видел таких людей не одну сотню, научился отличать их от просто угрюмых и погруженных в свои проблемы добропорядочных граждан.

МакАдамс приблизил последнюю картинку, всмотрелся в лица — и ощутил, увидел в трубке в покалеченной руке, как искусственная кровь быстрее заструилась по его венам.

— Да вы просто мое проклятие! — невольно вскрикнул МакАдамс и довольно пробурчал: — Птенчики оперились, взлетели очень высоко. Это интересно, очень интересно…

Значит, понял МакАдамс, Всевышний все-таки мог ошибаться, мог что-то проглядеть. И проглядел он двух «покойных» граждан САС, конечно же, установивших себе мимикраторы. Даже ему, МакАдамсу, было трудно узнать их с

первого взгляда — парочка его бывших подопечных изменилась, повзрослела, — но это несомненно были они, забракованное и несостоявшееся звено младших оперативников Корпуса. И раз хитрый гаденыш Неклюдов отправился на Солярис, будет не просто попытка захвата или уничтожения Соляриса. Этот ни за что не стал бы вписываться в самоубийственное предприятие, не будь он уверен, что у него есть шансы уцелеть. Этот отлично знает возможности Всевышнего и замыслил что-то совсем неожиданное, готовиться привнести элемент хаоса в стройные планы Иджиса.

— Вызвать Стража Эндрю Климского, — приказал МакАдамс своему служебному терминалу.

Через несколько секунд терминал ответил голосом пока еще единственного в своем роде Прототипа:

— Слушаю, командующий.

— Вас собираются брать, э-э-э… на абордаж.

— Ага, мы в курсе. Готовим для них сюрприз. Люди в броне расставлены у двух пассажирских и двух грузовых шлюзов. Я на подхвате.

— Для тебя есть другое задание.

После небольшой паузы Климский уточнил:

— Это приказ Иджис?

— Это мой приказ.

— Командующий, вы же знаете, я не могу ослушаться Иджис. Я ведь как вы, общаюсь с ним напрямую. От него у меня есть четкое задание.

— Среди гостей будет твой хороший знакомый — Рустам Ибрагимов.

После еще одной паузы Эндрю определился:

— Говорите, командующий.

— Ибрагимов и еще как минимум один не полезут в шлюзы. Твоя задача обнаружить их точку проникновения и устранить их.

— Принято, командующий. Кажется, я даже знаю, где они могут вылезти.

— Вот и отлично. Я пока поищу, как подстраховать вас с Земли.

Глава 21. Захват

Чтобы распаковать вещи и собрать оружие, потребовалось всего десять минут. Открыв сумки и рюкзаки, каждый вытащил изнутри по плотному свертку из экранирующей ткани. На глазах старавшихся не шевелиться пленников мужчины развернули ткань и вытащили по подсумку с гранатами и минами, складные безинерционные пистолеты-пулеметы, кучу обойм, тонкие, почти невесомые камуфляжные костюмы, полимерные баллончики со сжатым газом, по паре мушек-дронов и чехлы с киберлинзами. Кроме этого, Хаим осторожно вынул металлический шар размером с футбольный мяч. На непрофессиональный взгляд Марка всего этого добра было слишком мало для атаки на Солярис, и им бы очень пригодились ручные ракетные установки, однако пронести их мимо сканеров было бы проблематично. Потому пришлось довольствоваться тем количеством амуниции, которое могло бы уместиться в коробку из-под обуви. Израильские оружейники и так прыгнули выше головы, сумев миниатюризировать их снаряжение, и чтобы оно при этом сохранило убойную мощь и эффективность военных образцов.

— Прошли две пятьсот, — сообщил из кабины Хаим. — Пять минут до двух тысяч. Скоро нас будут сбивать. Начну тормозить через три минуты.

— Так, всем еще раз проверить снаряжение, — приказал Санг. — Чтобы ничего не торчало из-под камуфляжа или до Соляриса долетите по кусочкам. Также напоминаю про необходимость соблюдать тишину в эфире. Включаем камуфляж, прыгаем и летим молча. Мы все тысячи раз походили нейросимуляцию высадки, думаю, все всё помнят и умеют, но я обязан повторить. Расстояние определяем по таймеру, проверяем себя так — вытягиваем перед собой большой палец, прикидываем, перекрывает ли его ширина Солярис по его длине. Если на таймере до конца отсчета двадцать пять секунд и палец перекрывает Солярис, считаем до пяти, помещаем баллон по центру тяжести, открываем линзу и начинаем резко тормозить. Наша скорость будет равняться восьмистам метрам в секунду, не успеете оттормозить до шести, максимум двадцати пяти — вас размажет по Солярису. Один баллон рассчитан на работу в течении двадцати секунд, поэтому постарайтесь не выплюнуть свои желудки. Кто-нибудь обязательно промахнется, поэтому баллонов два. Если потратите оба, но не сможете зацепиться за Солярис — тогда до свидания. За минуту до контакта нас обгонят ракеты с Земли, если нам повезет, они наделают в Солярисе

дырок. Если увидим дырку не только во внешнем модуле, но и в хребте — будет разгерметизация и выброс всякого хлама, — тогда лезем в нее. Если нам не повезет, что вероятнее всего, конкретно наша группа высаживается на лазерную пушку. Первая и вторая группа распределятся по шлюзам — часть из них будет пробовать пробиться, часть попробует прорезать стенку обзорного научного модуля. Вряд ли у них что-нибудь получится, поэтому именно мы должны будем обеспечить вход для остальных. Для расчета возможного сопротивления мы исходили из наихудшего варианта — нас встретят не два Стража и безопасники, как вещают в медиа-шоу про Солярис, а мы столкнемся с хорошо-вооруженным и отлично-подготовленным взводом бойцов. Поэтому в центральный коридор стараемся не лезть, двигаемся через техотсеки хребта, там есть где укрыться.

— Десять секунд! — крикнул Хаим. — Все по местам!

Все и так давно сидели на своих местах, лишь Сангу пришлось добежать до кабины и прыгнуть в кресло, предназначеное для бортпроводницы.

Гилъади дал импульс маневровым движком, разворачивая клипер кормой по вектору движения, вторым импульсом погасил вращение и врубил главный двигатель. Навалившуюся на всех перегрузку в пять Же трудно было назвать комфортной, но и абордажная группа и экипаж клипера проходили тренировки при намного более экстремальных условиях ускорения и лишь стиснули челюсти. Через бесконечно долгие и мучительные двадцать секунд главный двигатель закончил работу, пассажиры клипера снова ощутили невесомость.

Хаим снова дал пару импульсов маневровыми двигателями и сориентировал клипер днищем к направлению движения. Неклюдов через терминал добрался до датчика давления и вручную скорректировал цифры, заставив его думать, что снаружи клипера обычная земная атмосфера.

— Можно открывать! — крикнул он Хаиму и опустил визор шлема.

Гилъади дал команду на открытие люка, и с громким хлопком из салона клипера вытянуло весь воздух. Баллоны скафандров загудели, ткань надулась и затвердела.

Выключив питание терминала, Марк засунул его под камуфляж к оружию и подсумку, застегнул липучку, и тот автоматически включился, мимикрировав под текстуру и цвет кресла. Остальные члены группы также практически исчезли, лишь опутывающие их ремни начали отстегиваться будто бы сами собой.

Загрузив в автопилот программу дальнейшего полета, Хаим

выбрался из кресла, вытащил из фиксатора под креслом баллон огнетушителя и тремя ударами смял и раскрошил все системы ручного ввода на пульте управления. Только после этого направился к толкающимся у люка товарищам.

Задержавшись между кресел пилота и бортпроводницы, он постучал себя по шлему, приказывая активировать связь.

— Через девяносто секунд клипер начнет маневрировать. К нам уже направляется пара ракет. Если хотите получить шанс выжить, выждите шестьдесят секунд после начала первого маневра и прыгайте. И молитесь, чтобы вас успели обнаружить и подобрать, пока у вас не закончится кислород.

Пока Хаим не отключил передатчик, Санг спросил:

— Думаешь, их будут спасать?

— Вряд ли, — признался Хаим. Поправил, поудобнее располагая под камуфляжем выпирающий в области живота шар бомбы. — Пока все не успокоится, САСовцы не дадут разрешения на взлет даже спас кораблям. Но вдруг им повезет. Все, устанавливаем таймер киберлинз на сорок две минуты. Три, два, один, включили таймер. Все, прыгаем. Я иду последним.

Первыми один после другого пошли арабы и азиаты. После них в люк вылез Ибрагимов. Когда Рустам выбрался и полностью растворился во тьме космоса, Марк выполз из люка на корпус клипера, закрепился на нем ботинками, чуть присел. Деактивировав магнитные подошвы, он оттолкнулся от корпуса и начал потихоньку отдаляться от клипера, следуя за растянувшимися цепочкой и уже невидимыми напарниками. Все было в точности как в нейросимуляциях — даже неизменный легкий озноб, который он испытывал, отделяясь от скорлупки клипера и отдаваясь на милость бескрайней пустоте космоса. Он настолько привык повторять этот маневр, что кроме легкого волнения больше не почувствовал вообще ничего. Этот этап был знаком, он повторял его тысячи раз. Неизвестность ожидает на следующем.

Когда летевший последним Хаим отдалился от клипера на полсотни метров, сопло главного двигателя выдало серию кратких голубых вспышек, уводя судно и летящие к нему ракеты подальше от абордажной группы. Через девяносто секунд работавший в пассивном режиме, только на прием, радиомодуль уловил и вывел на визор шлема Марка направление на аварийный маячок другого скафандра. Маячок был всего один — кто-то из экипажа решил выбрать более легкую смерть.

— Снизить питание скафандра до шести вольт, — приказал Неклюдов.

Перед глазами появилась и замигала красным строка:

«Понижение питания приведет к отключению всех активных систем скафандра».

— Подтверждаю команду.

Множество цифр и пиктограмм, окроплявшие по периферии визор шлема, мигнув, погасли. Остались лишь цифры «40:04:19». Через сорок минут и пять секунд полета на этой скорости скафандр должен был достигнуть и столкнуться с Солярисом.

Закрыв глаза, Марк начал вспоминать симуляцию торможения. Последний маневр всей группы был достаточно прост и привычен, но его и Ибрагимова маневр отличался от него. Чтобы никто из наблюдателей за симуляцией ни о чем не догадался, попробовать выполнить его удалось лишь раз по двадцать, маскируя его под ошибку. Получился этот маневр всего дважды. Во всех остальных попытках он неизменно улетал в открытый космос.

* * *

Когда на таймере пошла последняя минута, до Соляриса оставалось еще чуть меньше пятидесяти километров. На этом отрезке пути их уже должны были бы обогнать ракеты с Земли и подсветить пункт назначение серией вспышек. Но ракеты так и не прилетели.

Сорвав с крепления камуфляжа один баллон, Марк нащупал кнопку выпускного клапана и поднял перед собой вторую руку с оттопыренным большим пальцем. Во тьме космоса камуфляж работал идеально, рассмотреть палец в скафандре удалось лишь по наитию, по чуть преломленным лучам света Солнца, освещавшего его со спины и слепившего термальные датчики Соляриса.

— Включить радиомодуль в пассивном режиме. Просканировать все частоты связи.

В наушниках шлема раздался писк и треск белого шума космоса. Солярис молчал. Как и все двадцать четыре человека, участвующие в захвате.

Таймер начал отсчитывать последние тридцать секунд. Далеко впереди одна из прежде невидимых звездочек начала светиться все ярче и ярче. Через пять секунд звездочка вытянулась, превратившись сначала в плоскую полоску в два-три-четыре миллиметра длиной, затем эта полоска, продолжая вытягиваться, начала обретать объем.

Наложив прозрачный силуэт большого пальца на Солярис, Марк с облегчением выдохнул. Как и показывал прежде визор,

отрыв от клипера прошел идеально, если он и отклонился с траектории до пункта назначения, то на десятки метров, не больше.

На таймере побежали последние двадцать пять секунд. Солярис стремительно увеличивался.

Начав отсчет, Марк приставил утолщающийся плоский конец баллон к «солнечному сплетению» и направил клапан по вектору движения, сдвинул рядом с соплом заслонку линзы, позволяя лазеру нащупать Солярис.

Досчитав до пяти, он напряг пресс и нажал кнопку. В первую секунду ощущение было такое, будто его в поддых ударил молот. Руки, ноги, все его тело словно бы попыталось завернуться вокруг баллона и извергающейся из него мощной струи газа, мгновенно конденсировавшегося и превращающегося в россыпь тут же гаснущих искорок.

Кровь хлынула к мозгу и конечностям, руки-ноги пронзила дикая боль от рвущихся капилляров, в глазах потемнело, на визор шлема Марк выплюнул капли выдавленной из желудка желчи. Все это было совсем не как в симуляции, выдержать столь резкое торможение, когда вектор тяги направлен на столь небольшую площадь тела оказалось гораздо тяжелее, чем в самой реалистичной модели. Но Марк, хоть ничего и не видел, держался и удерживал баллон, не позволяя ему отклониться ни на миллиметр в сторону и закрутить его. Он не просчитался с местом упора, сопло баллона сужалось и разжималось, компенсируя едва заметные сдвиги в направлении тяги — законы физики и умная машинка, ощупывающая Солярис лазерным лучом, были всецело на его стороне.

Еще Марк считал. Когда тормозить осталось пять секунд, он с огромным усилием сместил большой палец и закрыл линзу лазера. Затем отклонил баллон на пару, как он надеялся, градусов в сторону. Еще через три секунды запас газа иссяк, кровь отхлынула от конечностей и головы, на него снизошел покой и умиротворение невесомости. Когда зрение вернулось, Марк увидел перед собой черноту космоса — промахнулся!

От мощного удара спиной о корпус Соляриса и спазма боли, прострелившего позвоночник, он едва не лишился сознания. Пока его не отшвырнуло отдачей слишком далеко от судна, он успел крикнуть: «Питание на шестьдесят вольт!», — отбросил баллон, наугад махнул ногой и прилип подошвой ботинка к корпусу Соляриса.

Дальше оставалось лишь попробовать отдышаться и унять дрожь.

— Марк? — раздался в шлеме очень спокойный голос

Рустама.

— Закрепился. Ты где?

— Я попал. Стою на сопле. А вот ты где?

Неклюдов осмотрелся — эта часть Соляриса была не восьмиугольной в разрезе, как почти весь его корпус, а, округлой.

— Я на ЯДУ. Промазал метров на триста. Сейчас подойду.

На визор шлема выскочил запрос на связь на другой частоте.

— Принять.

— Командир, — раздался голос Санга, — пятеро из нас на месте. Хаим, Рустам и ты отклонились. Ты зацепился? Тебя ждать?

— Продолжайте по плану, скоро подойду, — соврал Марк и велел заблокировать связь.

Переставляя подошвы ботинок как можно быстрее, но так, чтобы случайно не отцепиться и не улететь, Марк зашагал к соплу ЯДУ. Корпус Соляриса был идеально гладким, лишь однажды он увидел решетку маневрового двигателя, да вдалеке на корме, как и на невидимом отсюда носу судна, мигали белым расположенные по кругу сигнальные маячки, очерчивающие контуры судна.

Добравшись до края кормы, Марк переступил на торец судна, усилием воли взял под контроль вестибулярный аппарат, попробовавший возмутиться тем, что его хозяин встал и выпрямился на уходящей отвесно вниз вертикальной стене и осмотрелся. Рустам, отключив камуфляж, ждал у кромки сопла — круглой дыры диаметром в двести метров. Махнув ему рукой, забыв, что тот его не видит, Марк направился к напарнику. Едва он отошел от края торца на полсотни метров, визор и камуфляж будто сошли с ума — цифры и пиктограммы заскакали, Рустам, Солярис и далекие звезды закружились в вихре водоворота. Магнит одной подошвы вдруг намертво прилип к корпусу.

С огромным усилием оторвав ногу от Соляриса, Марк отступил назад, и все вернулось в норму. Понятно, сообразил он, отсюда начинаются скрытые под корпусом электромагниты, чье назначение было направить выплюнутый из трубы подачи топливный элемент в точку детонации и не позволять плазме взрыва проплавить отражатели и разрушить движок.

Отключив питание скафандра и камуфляжа, стянув капюшон с маской, Марк осторожно шагнул вперед. К его удивлению, он не отлип от Соляриса — масса корабля была столь велика, что он имел собственное гравитационное поле. Пусть и слабое, но можно передвигаться.

Осторожно, переставными шагами Неклюдов добрался до горца. Махнув рукой, призывая за собой, Рустам нырнул внутрь

сопла. Добравшись до сопла, Марк переступил через край и сила притяжения потащила его вниз. Развернувшись лицом по направлению движения, он начал плашмя, на скорости не выше метр в секунду, падать мимо приподнятых, как вздыбленная чешуя рептилии, шестиугольных сот-отражателей к сгущающейся тьме этого гигантского колодца.

Вскоре впереди замигал белый огонек нашлемного фонарика Рустама. После серии вспышек, фонарик начал светить ровно и приближаться. Развернувшись ногами вниз, Марк мягко опустился на наклонную поверхность соты-отражателя и заскользил по идеально-гладкой поверхности вниз. Соскользнув с соты, он уперся ногами в толстенные, шириной с бедро, трубы, занимавшие все видимое пространство под отражателями. Из пары таких труб к внутренней поверхности отражателя тянулись десятки трубочек толщиной с мизинец.

Рустам, полу-лежащий на соседней соте, постучал себя по шлему.

— Включить питание на максимум, — приказал Марк. Визор тут же расцвел показаниями, светофильтры чуть рассеяли окружающую тьму, появился запрос на связь от Рустама. Ботинки, однако, не пожелали прилипать к отражателю, нещадно проскальзывали, и Марку забыть о том, чтобы подняться на верхушку соты. — Соединиться. Включить фонарь.

— Если мы не найдем отсюда выход, — тут же произнес Рустам, — сами мы отсюда никогда не вылезем. Эти штуки, — он постучал по отражателю, — слишком гладкие. Проще забраться наверх без ничего по ледяной стене, чем по этим хреновинам.

Марк вынужден был согласиться — уходящие вверх ряды отражателей были наклонены вниз, к ним. Их коэффициент трения, уже убедился он, равнялся нулю, и к ним невозможно было примагнититься. Даже ничтожная гравитация препятствовала подъему вверх, а используй они тормозные баллоны, то просто вылетели бы из сопла в открытый космос без шанса вернуться назад.

— Нужно найти трубу подачи, — сказал Неклюдов. — Она должна быть где-то по центру этого колодца.

— Если не сможешь ее открыть? За этой трубой, по идее, должна храниться куча атомных бомбочек. Вряд ли она запирается на обычную дверцу.

— Тогда попробуем грубую силу. — Расстегнув камуфляж, Марк вытащил подсумок с гранатами и минами. — Или полезем под отражатели искать, куда уходят эти кабеля.

Рустам посветил на связки толстенных кабелей, напоминающих мышечные волокна. Между ними не было ни

единого зазора.

— Ты говорил, что все продумал и знаешь, как попасть внутрь корабля.

— Ну, я немного преувеличил, — признался Марк. — Если бы кто-нибудь знал, как пробраться отсюда на Солярис, тогда бы это знал и Всевышний. Нас бы обязательно ждали. Но отсюда должен быть выход. Ни один вменяемый конструктор не стал бы проектировать настолько сложную и огромную систему полностью замкнутой. Конструкция этого сопла предполагает…

Рядом с Рустамом, спланировав из тьмы наверху, на отражатель опустился и тут же, заскользив, упал на спину человек со складным пистолетом-пулеметом. Судя по выпирающему округлому животу, это был Хаим Гилъади. Вцепившись в камуфляж Ибрагимова, он упер ствол между лопаток горца.

На шлеме Марка появился запрос на соединение.

— Принять.

— Так-так, господа, — произнес Хаим, — может, объясните, какого хера вы забыли в этой дыре?

— Ты-то откуда здесь? — спросил Рустам.

— Да вот, летел за вами, увидел, что вы свернули, решил присоединиться. Честное слово, если бы не запасной баллон, я бы сейчас, наверное, был на полпути к Луне. Смотрю, вы заранее спланировали свой демарш. Так что, мне вас пристрелить прямо сейчас или будете говорить? И не дергайтесь, пожалуйста, у меня установлен ускоритель. Как у тебя, Рустам, только лучше. В тебя ведь напихали именно наши разработки. И, кстати, должен упомянуть — если я вдруг помру, бомба взорвется.

— Помнишь, Санг сказал, что, просчитывая возможность сопротивления, самое лучшее — это исходить из худшего? — сказал Марк. Хаим что-то промычал, и Неклюдов продолжил: — Так вот, когда имеешь дело со Всевышним, всегда нужно предполагать худшее. Что он уже все знает и что он уже ко всему готов. Только так можно надеяться переиграть его.

— Поэтому ты подал идею о захвате Соляриса, чтобы мы помогли доставить тебя сюда, — констатировал Хаим. — И мы должны были отвлечь на себя защитников Соляриса, пока ты… кстати, что дальше?

— Дальше? Мы захватим или взорвем ЯДУ Солярис, — признался Марк. — Все, как я обещал. Если ты сейчас запихнешь свою бомбочку под отражатель, ты сможешь нанести кораблю реальный ущерб. Выполнишь свою миссию.

— И умру героем, — хохотнул Гилъади. — Только я не смертник, и у вас нет такой бомбочки. Как вы собирались

выбраться отсюда?

— Еще не знаем, — признался Марк.

Хаим собирался что-то ответить, как вдруг фонари на шлемах Марка и Ибрагимова замерцали, визор снова будто сошел с ума.

Сквозь треск помех пробился голос Гилъади:

— Похоже, вот и началось худшее.

* * *

Джен Санг попробовал вызвать троих отставших. И снова выскочила надпись «соединение запрещено». Санг выругался: похоже, хитрый крысеныш Неклюдов и его ручная горилла кинули их. Вот и доверяй после такого европейцам. Да еще этот еврей со своей бомбой… Но этот, скорее всего, просто влепился в Солярис, так как от его скафандра вообще ни звука, а его люди, Маджед и Хамад, тоже недоумевают, куда пропал их командир, и готовы продолжать действовать по первоначальному плану. Ладно, избавиться от них можно будет позже. Количество участников захвата Соляриса и так сократилась на пять человек, пара умелых бойцов пока не будет лишней.

Санг огляделся. В отличии от симметричных модулей Соляриса, придававших корпусу судна иллюзию единой гладкой поверхности, модуль с лазерной пушкой выпирал на несколько метров и занимал три стыковочных гнезда на хребте. Из корабля будто бы торчал здоровенный параллелепипед длинной в триста метров и шириной в двести. Но ничего удивительного — Солярис изначально не планировали оснащать этой пушкой. Конструкторы и Иджис пытались изо всех сил привести орудие к размерам трех стандартных модулей, но у них ничего не получилось, и теперь она слегка уродовала величественный облик и идеальные пропорции корабля. Вероятно, после стрельбы ее скинут, заменят на более полезные агрегатные или жилые отсеки, и вид судна вернется к изначальному дизайну. В пользу этого свидетельствовало эхоскопирование корпуса модуля, проведенное Ирвингом с помощью его импланта. Если обшивка всех модулей представляла собой слоеный пирог — уплотненная сталь, ньютоновская баллистическая жидкость, снова сталь, затем жидкость и последний слой стали, — то обшивка модуля пушки состояла из одной лишь стали. Такой модуль не выдержит удара метеорита даже размером с кулак. Зато остальные вполне могли отделаться вмятиной при столкновении с метровым железным булыжником, если только тот не летел на скорости близкой к световой.

— Мины установлены, — отрапортовал старший другой абордажной группы, целью которой были пассажирские шлюзы.

— Тоже закончили, — сообщил командир второй группы, занимавшейся грузовым шлюзом. — Наши проверили обзорный научный модуль — там не пройти. Уже вернулись.

— Маджед, Чон? — спросил Санг.

Двое фигурок, устанавливающих мины вдоль небольшого отрезка невидимой щели створок модуля, разогнулись, Маджед произнес:

— Готово.

— Давайте к нам, — приказал Санг. — Сообщение всем, начинаем через десять секунд. Десять, девять…

Маджед и Чон отошли от мин к краю корпуса модуля пушки, отключив магнитные подошвы, прыгнули вниз.

— Восемь, семь… — продолжал считать Санг.

Едва слабая гравитация Соляриса притянула Маджеда с Чоном к корпусу судна, случилось невероятное — они оба поскользнулись и упали на спины.

— Шесть, пять, пять, — сбился со счета озадаченный Санг. Продолжая считать, присел на корточки, коснулся перчаткой модуля, поднял ладонь перед собой — к кончикам пальцев прилипла и тончайшими нитями тянулась от них к корпусу судна какая-то жидкость. Санг мог поклясться, что еще минуту назад ничего подобного не было. — Три… Прыгаем! Все, немедленно!

Он отключил питание магнитных подошв, подскочил вверх. Он успел оторваться от Соляриса — остальные нет. На глазах воспарившего над кораблем Санга все четверо членов его группы вспыхнули внутри скафандров. Пламя прорвало бреши в ткани, вихри огня вырвались в космос — четверо человек будто взорвались изнутри. Спустя секунду все было кончено — четыре почерневших, обуглившихся скафандра медленно отплывали от Соляриса, людей в них уже не было — они стали пылью, которую вытянуло в космос.

— Рассчитаться! — приказал Санг, беря на изготовку пистолет-пулемет и медленно опускаясь на Солярис. Никто не ответил. — Доложить о состоянии! Кто-нибудь…

Створки модуля лазерной пушки начали раскрываться. Едва они разошлись на пол-метра, изнутри модуля вылетел — Санг не смог поверить в реальность происходящего — огромный человек в легкой полицейской броне. Из всего, что он имел и что предназначалось для космоса, это был маневровый ранец на его спине.

Стоило ему наполовину высунуться из модуля, Страж выстрелил. Пуля угодила Сангу в плечо, закрутив его вокруг

своей оси. Дырка в скафандре тут же затянулась, но вырвавшийся из нее воздух еще сильнее ускорил вращение. Санг дал очередь из своего оружия, но куда — не смог бы даже предположить, так быстро все мелькало перед глазами.

Через мгновение вращение прекратилось, и Санг уставился в гладкую маску полицейского шлема и два светящихся красным объектива сканеров. Попробовал направить в схватившего его за горло Стража пистолет, но не смог пошевелить рукой — она словно попала в тиски. Выдвинув вперед нижнюю челюсть, Санг сломал пару нижних резцов о верхний ряд зубов.

Оглядев свою добычу, Эндрю Климский сжал пальцы на горле Санга и, смяв стальное кольцо ворота, раскрошил позвоночник азиатского бойца. Оставив его тело медленно опускаться на корпус судна, Страж дал импульс ранцем, развернулся и поплыл к створкам пушки, раскрывшимся всего на метр.

Когда он протискивал внутрь свое массивное тело, рядом с ним в космос выплыли пять дронов. Едва Эндрю оказался внутри, рядом с огромной трубой пушки, створки за ним закрылись, в модуль начал поступать кислород.

Когда помещение заполнилось воздухом, Климский стянул шлем и глубоко вдохнул. Люк, ведущий из хребта, распахнулся, в модуль вошли два Стража в Ирбисах. Маски шлемов обоих были подняты, демонстрируя молодое и взрослое лица.

— Поджарили, как мух, — радостно кинул молодой Страж. — Только твой успел дернуться.

— Это был не Ибрагимов, — поморщился Климский. — Все другие тоже слишком мелкие.

— Думаешь, кто-то выжил? — Страж тут же стер ухмылку с лица и собрался.

— К нам летело двадцать четыре человека, трупов всего девятнадцать, — заметил Климский. — Две другие группы потеряли по одному, эта группа лишилась сразу троих. При этом она была основной, остальные отвлекали. Господа, у нас завелись крысы.

— Но Мама… — начал было старший.

— Что Мама? — грубо оборвал его Климский. — Иджиса здесь нет. Это не Земля, это там у него миллиарды глаз, ушей и другого говна. Здесь у него пара десятков сканеров, куча тупых дронов, и все. Он даже не смог подсказать, сколько человек ударило по корпусу. Это Солярис, это не боевой корабль, а научно-исследовательский и транспортный. Который еще не закончен. Иджис видит отсюда, что творится на Солнце, и нихрена не знает, что происходит у него под носом. Если бы я подчинился Иджис и остался страховать вас у шлюзов, сейчас бы

по кораблю ползало пять вражеских бойцов, — корпус судна чуть нагрелся, все мужчины почувствовали, как по их телам прошла волна жара. Это взорвался кто-то из абордажной группы, чьи останки были оттащены дронами на безопасное расстояние. Климский закончил: — Один из которых имел при себе очень маленькую, но мощную бомбу. Мы здесь практически сами по себе, поэтому хватит надеяться на Иджис. Здесь у него возможностей меньше, чем у местного ИИ.

— Хочу заметить, что никто не поручал тебе командование, — произнес старший Страж.

Эндрю хотел было возразить, упомянуть МакАдамса, как в головах Стражей прозвучал мелодичный женский голос Иджиса: «Должность координатора переходит к Стражу Эндрю Климскому. Считаю возможным попытку проникновения на Солярис вне известных точек входа-выхода. Всем Стражам на борту предоставлен доступ к расширенной инженерной карте Соляриса. Приказываю обыскать Солярис и устранить врага».

— Ну наконец-то он проснулся, — удовлетворенно пробурчал Климский.

— Видимо, отбился. Там, на Земле, — заметил молодой.

Его напарник, просматривающий, прищурив глаза, карту Соляриса с отмеченными на ней техническими полостями, трубопроводами, воздуховодами, туннелями для дронов-ремонтников, баками для синтеза и прочей оснасткой судна, мрачно предрек:

— Похоже, придется задержаться еще на неделю. Черт, и где его искать, этого твоего Ибрагимова?

Климский лишь развел руками.

* * *

— Должен, признаться, — произнес Гилъади, поправив перекинутую через плечо связку ремней от своей бомбы и сумочек и оружия, отобранных у бывших партнеров, — я никогда особо не верил, что получится проникнуть на Солярис. Добраться сюда было легко — наши агенты не раз летали туристами к Солярису, — но я подозревал, что внутрь не сможет попасть никто. Ну, что там?

Марк приказал скафандру установить питание модуля на минимум, чтобы его могли слышать лишь Хаим и копающийся под отражателем Ибрагимов.

— Глухо. Никто не отвечает.

— Значит, мы остались одни, — констатировал Хаим. — Таки

я был прав, что решил держаться вас. Наши азиатские друзья очень хороши в бою, но слишком туго соображают. Что им вдолбили в бошки их командиры, то они думают и делают. Никакой гибкости ума.

Марк не мог не согласиться. Проведя четыре года вместе с Кэтрин, он тоже подметил эту черту азиатов. Ему пришлось поставить перед Стивенсон немало морально-этических дилемм, а ей стать матерью, прежде чем она начала меняться и учиться жить, в первую очередь, ради себя и своих близких, а уже потом ради абстрактного народа, страны и незнакомых ей детишек, для спасения которых она согласилась стать смертницей в САС. Не сразу, но она признала, что власти Азиатского Союза, так щедро и великодушно бросая будущим смертникам награду в виде ответственности за сотню человеческих судеб, в то же время собирались отнять жизни у миллиардов и что власти эти вели себя, по крайней мере, лицемерно, если не подло.

Заставив себя не думать о Кэтрин, Марк уставился в дыру трубы подачи, рядом с которой он и Хаим полулежали на соседних отражателях, упершись ногами в трубы гидравлических подъемников. Несмотря на ожидания, торец трубы подачи был открыт. Хочешь — лезь внутрь этого полуметрового лаза. Правда, пробираться внутри этой трубы предстояло по изгибам, некоторые из которых имели острые углы, и посланная внутрь дрон-мушка сдохла, пролетев всего пятьсот метров, но так и не приблизившись к концу, баку с топливными элементами. Человек бы не продвинулся и на половину этой дистанции. Или застрял еще в первом колене, или сгорел через минуту от мощного потока бета- и гамма-частиц. Количество которых все продолжало увеличиваться.

— Рус, как дела? — окликнул Марк.

— Помнишь джунгли в Танзании? Где мы были на пятой или шестой сходке послов? — пропыхтел Ибрагимов. — Такая же фигня. Только эти лианы стальные или пластиковые и толщиной с твою ляжку. Руку просовываю, но дальше там везде стена. — Истекая потом под скафандром, он разогнулся. — Фу. Надо передохнуть. Уже сообразили, что стало с нашими… товарищами?

Марк пожал плечами, неуверенно произнес:

— Судя по тому, что интенсивность электромагнитного поля скакнула на максимум, а теперь почти на нуле, — он указал на трубу подачи, — вон, даже фонит все сильней — Солярис в момент лишился всех запасов энергии.

— Солярис поджарил наших товарищей, — перевел Хаим.

— Ты, почему-то, не выглядишь слишком расстроенным, —

заметил Рустам.

— Конечно, мне жаль Маджеда и Хамада, но я израильтянин. Мы формально входим в Арабскую Лигу, но на деле независимы. Мы оружейники арабов, находимся под их протекторатом. Когда перед нашим народом встал выбор, раствориться в САС или согласиться стать частью Арабской Лиги, мы выбрали пообещавших защиту и невмешательство арабов. Несмотря на разногласия и конфликты, мы много лет были соседями, завели много деловых отношений. Рвать все связи и подчиняться вашему Иджису — не, это не для нас.

На этот раз в роли переводчика выступил Марк:

— Все решили деньги.

— Можно сказать и так, — согласился Гилъади. — Меня мучает один вопрос: если Солярис лишился энергии, то как он будет восстанавливать ее запас?

— Он не отдал сразу все. Что-то оставил. Тут есть люди. Должны же они чем-то дышать, как-то общаться с Землей. Свет тоже нужен. Сейчас Солярис выбросит солнечный парус и начнет подзаряжаться.

— В мирное время все будет так, — согласился Хаим. — Но сейчас не мирное время. — Марк пожал плечами, и тогда израильтянин начал объяснять. — Ядерная двигательная установка также может использоваться как ядерная электрогенераторная установка. Если Солярис опустит отражатели, отключит их охлаждение и сбросит сюда несколько маломощных топливных элементов, взрывы нагреют отражатели и тепло с них пойдет на генератор. Правильно я говорю?

— Ох, черт, — прошептал Марк.

Стоило ему сказать это, как отражатели начали медленно опускаться.

Хаим вскинул пистолет и прицелился в Рустама.

— Так, давай сюда баллон. У вас останется еще один, может, выберетесь.

— Нет. — Ибрагимов не шелохнулся. — Нас закрутит и размажет по соплу. Тебя тоже. Если не закрутит, куда ты полетишь?

— Я оставлю тут бомбу. Когда отлечу подальше, попытаюсь погасить скорость. Потом взорву Солярис и, может быть, меня подберут спасатели.

— Может быть, — согласился Рустам и ехидно спросил: — Сам-то веришь в такую удачу?

— У тебя есть другие идеи?

Вместо ответа, Ибрагимов сорвал с пояса свой тормозной баллон, направил сопло вниз и открыл клапан. Все уставились

наверх, даже Хаим закивал головой вверх-вниз.

Баллон взмыл вертикально вверх и спустя секунду исчез из вида. За ним стартовал второй, принадлежавший Марку.

— И зачем это? — обреченно спросил Гилъади, опуская оружие.

— Вниз, — указал под отражатели Рустам.

— Нас раздавит.

Ибрагимов протянул к Гилъади руку.

— Отдай мины и гранаты.

Поколебавшись, Хаим кинул Марку и Рустаму их сумочки, пистолеты, однако, оставил при себе. Открыв клапан сумки, Ибрагимов вытащил три мины.

Тем временем Марк, подключив к киберлинзам мушку-дрона и пропихнув ее между кабелями, наблюдал глазами машинки за тем, что творилось внизу. Как и говорил Рустам, места внизу не было совсем, за связками толстенных труб во все стороны тянулась одна сплошная плоская стенка. Между ней и коммуникациями было от силы десять сантиметров свободного пространства — как раз, чтобы мог проползти дрон. Но, удивительное дело, чем ниже опускались отражатели, тем больше становилось этого пространства.

— Рус, стой! — велел Марк.

— Какое стой?! Нужно пробовать пробить дыру!

— Сюда слетятся все Стражи!

— Или нас взорвут, и никто не узнают, что мы здесь вообще были!

— В ремонтном положение отражатели выставлены так, чтобы их можно было демонтировать и заменить отсюда, — быстро сказал Неклюдов. — В походном предполагается, что они в полном порядке, и открывается доступ к коммуникациям изнутри корабля. Тут или коммуникации поднимаются, или стенка за ними опускается. Все, быстро вниз! Ложимся боком между труб, выдыхаем и молимся, чтобы нас продавило между ними!

— Ты хорошо себя чувствуешь? — поинтересовался Хаим.

— Сколько там будет места? — задал более актуальный вопрос Рустам.

— Увидим. Уже есть сантиметров двадцать, — кинул Марк, отключил связь и, нырнув под наполовину опустившийся отражатель, отодвинув пучок проводов и трубок, покрывающий его изнутри и собирающихся в двух больших полимерной и металлической трубе, устроился боком на тянущихся к соседним отражателям коммуникациях.

Пока плита не опустилась, он сумел протиснуть руку между

труб, кое-как нащупал стенку или пол. Это было хорошо — места внизу становилось все больше. Однако кроме руки, больше ничего не пролезало. Если шлем не пройдет между труб, стекло треснет и тогда конец. Не самый приятный. Останется только надеяться, что Гилъади активирует бомбу и избавит всех от мучительной смерти от удушья.

Пресс отражателя коснулся его плеча. Марк развернул голову и постарался расположить визор шлема точно между трубок. Спустя секунду давление плиты на плечо начало нарастать. Показалось, что плечевую кость сейчас вдавит в позвоночник, ключица переломится и его начнет плющить. Но вот плечо просунутой вниз руки начало углубляться между трубок, а те медленно и неохотно стали раздвигаться. Половина тела пролезла между ними, щель расширилась, отражатель опустился на самую широкую часть человеческого тела и скафандра — голову в шлеме. Марк явственно услышал, как застонал металл, по визору пробежала паутинка трещин — но трубы раздвигались все шире и шире. В какой-то момент шлем наполовину втиснулся между коммуникаций, трубы, протестующие против такого обращения с собой, скользнули по округлой затылочной части шлема, и голову Марка вместе с половиной его тела буквально вытолкнуло вниз. Извернувшись, он уперся ладонями в трубы и поочередно вытащил зажатые вверху ноги.

Когда он отдышался и понял, что шлем выдержал и не собирается в ближайшем времени развалиться, он осмотрелся, посветив фонариком влево-вправо. Полость была узкая, всего полметра шириной, но она точно была предназначена для того, чтобы по ней могли ползать не только дроны, но и не страдающие от избытка веса и клаустрофобии ремонтники. Рядом лежали Гилъади, а за ним Рустам.

Марк включил связь:

— Народ, вы как?

— По мне будто танк проехал, — откликнулся Рустам. Даже несмотря на сдавленный голос и хрипы, он был очень доволен.

— Не могу поверить, что я еще жив, — прошептал Хаим.

— Ну что, господа, я обещал доставить нас внутрь Соляриса. Мы внутри.

Глава 22. Шах и Мат

Передвигаться в полости оказалось намного удобней, чем казалось изначально. Стоит оттолкнуться, и дальше плывешь по инерции, пока слабая гравитация не притянет к трубам. Правда, возникла проблема иного рода.

— Черт, — донесся в шлеме Марка слабый голос Гилъади, — давай быстрее. Я сейчас сварюсь.

Неклюдов тряхнул головой, смахивая капли пота, ручьями катившиеся по лбу и щипавшие глаза. А ИИ Соляриса все продолжал раз в минуту скидывать в сопло маломощные топливные элементы, прогревая отражатели и по трубам отводя тепло в генераторный отсек. При этом теплоизоляционные свойства этих труб оставляли желать лучшего. Видимо, хладагент был откачен и его место теперь занимала вода. И хоть в полости царил вакуум, неизбежные прикосновения к трубам и излучаемое тепло нагрели скафанды и воздух внутри, отчего троица лазутчиков почувствовала себя как в сауне. Солярис все продолжал разогреваться.

Марк стравил перегретый, обжигающий легкие воздух, сделал пару жадных глотков подкаченного из баллонов свежего и принялся вчитываться в строки на терминале, скоммутированным по кабелю с контроллером шлюза. Контроля доступа в агрегатных отсеках Солярисе не было и в помине — предполагалось, что в них могут находиться только свои, — потому Марк был уверен, что сможет открыть шлюз без ключ-карты члена экипажа.

— Рус, убери мину, — попросил Марк.

— Если вырубишься, буду взрывать запор, — предупредил тот.

— Здесь пока посвежее, чем в Сахаре. И ты не знаешь, куда устанавливать мину. Дай еще пару минут. — Он наконец отыскал строку с простеньким кодом, вбитый в память контроллера. — Все, нашел. Сейчас открою.

Набрав цифры кода, Марк выдернул провод из вскрытой панели сенсорного замка, и тот втянулся в терминал. Округлый люк шлюза, чуть утонув то ли в стене, то ли в полу полости, начал отъезжать в сторону, открывая тесную, как раз поместиться, прижавшись, троим, цилиндрическую камеру.

Забравшись головами вперед, троица уперлась шлемами во внутреннюю шлюзовую дверь. Кое-как извернувшись, Гилъади просунул руку между спутниками и хлопнул по кнопке за их спинами. Люк за их ногами закрылся, шкала из десяти делений рядом с кнопкой начала заполняться зелеными полосками.

— Внутренний откроется автоматически, — объяснил Хаим, который знал об устройстве Соляриса не меньше Марка.

— Оружие наше отдашь или нет? — спросил Рустам.

— Посмотрим, — неопределенно ответил Хаим.

Когда шкала давления почти полностью заполнилась, вся троица стравила из скафандров перегретый воздух. Механический запоры по периметру внутреннего люка шлюза сдвинулись — и избыточное давление буквально вышибло наружу массивную, крепящуюся на одной петле, округлую дверь.

Никто из троицы даже не успел выругаться, осознав, какую глупость они совершили — перед шлюзом стоял облаченный в Ирбис человек. Маска его шлема была сдвинута на макушку, открывая молодое лицо со следами удивления от того, что дверца шлюза распахнулась и так сильно хлопнула по переборке, будто внутри что-то взорвалось. Позади Стража на полусогнутых ногах застыло двое мужчин в серых комбинезонах техников.

Первым отреагировал Рустам. Выкинув руки, он вцепился в ладонь Стража, опускающуюся к закрепленному на бедре брони пистолету, и тот, отдернув руку и отшатнувшись, вытянул Ибрагимова из шлюза. Получив свободное пространство, Хаим из-под себя вытолкнул пистолет-пулемет и, не целясь, выпустил короткую очередь в лицо Стража. Тот еще заранее начал отворачивать голову, но одна из мелкокалиберных пулек пробила ему щеку, отрикошетила от внутренней части шлема и вышла над верхней губой. Страж выплюнул капли крови и осколки передних зубов, но был еще жив и свободной рукой сдвигал маску на лицо.

Прилепив мину к груди брони, Рустам ногами оттолкнулся от Стража и начал отлетать в сторону. Вскинув перед собой растопыренную пятерню, он сомкнул пальцы в подобие клюва, отдав кибер-линзам команду на взрыв. Направленная струя плазмы, способная прорезать дыру в многослойном корпусе Соляриса, пробила Ирбис насквозь, подпалила комбинезоны раненных Хаимом техников, оторвавшихся от пола и вращающихся с беззвучными воплями в воздухе, и, превратившись в огненный шар, разбилась о дальнюю переборку просторного агрегатного отсека, оставив после себя потеки серой краски.

Схватившись за обод шлюза, Хаим вытянул себя из шлюза, раздосадовано произнес:

— Черт, я рассчитывал, у нас будет побольше времени. Эй, ловите.

Сорвав с плеча ремни с пистолетами, он кинул их спутникам.

— Против Ирбисов не помогут, — заметил Рустам, хватая подплывшее к нему оружие.

— Против Ирбисов есть мины. Пошли к выходу.

Выплыв из шлюза, Марк потянул и закрыл за собой шлюз. Только потом поймал пистолет и огляделся. Помещение было огромным, диаметром под двести метров и шириной не меньше ста. Одна стена — хотя Марк уже перестал понимать, где стены, пол или потолок, — из которой они вылезли, была заставлена пультами с откидными сиденьями, стойками с работающими закругляющимися дисплеями, голографической проекцией окрестностей Земли и их координат, дублирующими и страхующими электронику поворотными штурвалами, рычагами, системами ручного ввода. От систем ручного управления, приняв место их расположения за пол, вверх к центру потолка тянулись и там сходились перед узкой площадкой, трубы с поперечными перекладинами. За площадкой Марк заметил широкий квадратный и ярко-освещенный проход в, несомненно, центральный коридор хребта Соляриса.

Пока Марк глазел по сторонам, его что-то толкнуло в спину. Оглянувшись, он увидел медленно вращающегося по инерции техника, окруженного шариками крови. Глаза и рот мужчины были открыты, он смотрел в пустоту. Второй подстреленный Хаимом техник уже опустился, притянутый гравитацией, на пол и также был мертв.

Сорвав с шеи мертвеца ключ-карту, Марк направился к выходу в хребет за спутниками, плывущих вдоль труб-направляющих. Когда он нагнал их, они уже достигли площадки и закрепились на ней магнитными подошвами. Оба были напряжены и проверяли оружие.

— Как дела? — спросил их Марк.

— Включи акустику — узнаешь, — ответил Ибрагимов.

Марк последовал совету, и в шлем ворвалось гудение электромагнитов, наполнявшее агрегатный отсек, и вой захлебывающейся сирены. Вдалеке по сквозному шестиугольному коридору хребта к ЯДУ Соляриса, отталкиваясь от стен, пола или потолка, бежали-летели-прыгали — кому как удобнее — четверо Стражей в Ирбисах. Выскакивая из боковых проходов в модули, к ним присоединялись еще Стражи. Техники и инженеры тоже пытались высунуться в коридор, однако, заметив группу куда-то торопящихся Стражей, они тут же спешили скрыться с их глаз.

— Многовато брони, — заметил Рустам.

— Значит так, — начал Гильъади, — у нас преимущество. Прямо за нами их драгоценная ЯДУ. Стрелять по ней они не будут. У них тоже есть чем ответить — пулями-гранатами Ирбисы не взять. Есть только мины. У нас их осталось одиннадцать штук. Когда подбегут поближе, кидаем в них мины…

— И надеемся, что они прилипнут к броне, а не к коридору, — съязвил Рустам. Вскинув приклад пистолета к плечу, он принялся стрелять в Стражей одиночными. Те чуть притормозили, рассыпались по стенкам, но, поняв, что мелкокалиберные пули не способны причинить им вреда, продолжили железной лавиной — их стало уже восемь — накатывать на захватчиков. — Марк?

Неклюдов в третий раз хлопнул ключ-картой по сенсору рядом с маленькой дверцей с нарисованным на ней желтым восклицательным знаком.

— Нужно ломать замок программно, — ответил Неклюдов. — Нужно время.

— Сколько?

— Три минуты, чтобы просто понять, смогу ли я вообще вскрыть замок.

— У нас не больше одной, — сообщил Ибрагимов, закинул бесполезный пистолет за спину и принялся доставать из сумочки гранаты.

Хаим уже швырнул пару гранат вглубь коридора, и те, вращаясь, плыли навстречу Стражей, ожидая сигнал на детонацию от хозяина.

Отбросив бесполезный ключ и оставив терминал плавать в воздухе, Марк одним прыжком подскочил к Хаиму, запустил руку в его сумку и вытащил перетянутые резинкой четыре мины.

— Ты чего творишь?! — возмутился Гилъади, но продолжил швырять гранаты.

Отбежав немного вглубь хребта, за шлюз и стыковочные узлы ЯДУ, Марк принялся лепить мины по полу, стенам и потолку, рядом шестью проходами в ближайшие модули. Установив все восемь штук, он оттолкнулся и поплыл обратно к движку.

— Хаим, взрывай мины! — приказал Неклюдов и, сложив жест, приказал кибер-линзам отдать команду на детонацию.

Восемь хлопков слились в один, горящие зеленым сенсоры рядом с каждым входом в модуль, замигали красным, на месте мин остались дырки с оплавленными внутрь корпуса краями.

Влетев в ЯДУ, Марк первым делом глянул на дверцу с восклицательным знаком: закрыта. ИИ Соляриса не посчитал ущерб от мин достаточным, чтобы дать экипажу возможность вручную отстыковать двигатель.

— Это еще что такое? — удивленно произнес Хаим.

Марк развернулся к Стражам. Их стало уже девять, и, расталкивая и расшвыривая к стенам Ирбисы, из-за их спин выскочил огромных размеров мужчина в легкой полицейской амуниции. Выпустив из пальцев рук когти, он двигался как

хищный зверь, отталкиваясь от переборок то ногами, то ударяя по ним когтистыми пальцами. Скача, как мячик, от верхних к нижмим переборкам, он стремительно приближался к ЯДУ, оставив далеко позади Стражей в неуклюжих и неприспособленных к невесомости Ирбисах.

Растратив все гранаты, Рустам вскинул к плечу приклад и выпустил в Стража всю обойму. Несколько пуль точно попали в цель и пробили легкую броню, но гиганта это не замедлило ни на секунду. Оставляя позади себя след из висящих в воздухе капель крови, он продолжал, пластаясь, скакать к движку. Когда до первой гранаты оставалось с десяток метров, Страж выхватил пистолет и, продолжая двигаться с помощью уже трех конечностей, начал расстреливать гранаты. На каждую он тратил по одной пуле и не обращал внимания на осыпавшие его и резавшие броню, черную форму и плоть осколки.

— Понятно, — произнес Хаим. В его голосе явственно прозвучало восхищение тем, что Всевышний сотворил с телом этого человека. Если его еще можно было так назвать. — Тогда… — Гилъади сорвал с плеча ремень с атомной бомбой.

— Кидай! — крикнул Марк.

— Таймер на десяти секундах, — предупредил Хаим, раскрутил шар бомбы за ремень и швырнул его в коридор. Едва его ладонь разжалась, а бомба, выпущенная как из пращи, понеслась вглубь коридора, живот и грудь израильтянина пробили и вышли из спины две пули — гиганту, похоже, было плевать на сохранность систем управления ЯДУ.

Заменив обойму, Ибрагимов расстрелял ее всю в бомбу, отчего та изменила направление полета и пролетела мимо руки попытавшегося поймать ее Стража. Марк схватил за руку обездвиженного, прилипшего к полу Гилъади и, оторвав его от площадки, оттянул его с прохода под прикрытие переборки.

— Страж успеет, — спокойно сообщил Рустам и вытащил из сумочки две мины.

Высунув ствол пистолета в проход, Марк наугад разрядил всю обойму. От ответного выстрела пистолет рассыпался на части, руку отбросило, скоба вывернула указательный палец из сустава. Стиснув зубы, Марк схватился за болтавшееся на ремне оружие Хаима.

— Не высовывайся, — велел Рустам. Опустившись на колено, он на миг выглянул в коридор и одна за другой швырнул туда мины.

Первую он взорвал через три секунды, вторую через две. Прикрывшись мертвым Гилъади, Марк нацелил его оружие на проход, отсчитывая последние две секунды своей жизни, ожидая,

когда к ним ворвется черная тень. Едва он произнес «один» и начал вдавливать клавишу курка, шлюзовая, толстенная дверь ЯДУ Соляриса гильотиной рухнула вниз. Перегрузка швырнула его, мертвого Гилъади и Рустама на стену, вдавила их в нее — ИИ Соляриса, может, даже сам Всевышний, опознал в шаре атомную бомбу и за секунду до взрыва отстрелил, спасая, самую важную часть судна.

Когда Марк понял, что случилось, и открыл было рот для победного вопля, шлюзовая дверь завибрировала от мощного удара изнутри — кроме них двоих внутри ЯДУ, с ними запертым в шлюзе оказался Страж. И он, судя по непрекращающимся ударам, был уверен, что сумеет проломиться внутрь.

* * *

Первым делом Марк заблокировал шлюзовую дверь — просто вытащил чип контроллера из сенсорной панели, сделав невозможными попытки открыть ее дистанционно или изнутри. Страж, однако, и не пытался — в двери, набитой для защиты от радиации свинцом и весящей никак не меньше пары-тройки тонн, уже начала появляться вмятина.

После, пока Рустам осматривал системы ручного управления ЯДУ, Марк взялся за сеть корабля. Разобраться с ней оказалось еще проще. Взломав серверную комнату, они уничтожили все хабы радиомодулей, оставив лишь один — для связи с Землей, трафик с которого он перенаправил на свой терминал.

Всевышний тоже не спал и, пока Неклюдов возился с замками серверной, его сначала атаковали три неуклюжих в невесомости и оттого неопасных дрона с плазменными горелками, после, когда он добрался до хабов, ЯДУ заполнился двуокисью углерода, от которой снявший шлем Марк потерял сознание и был спасен Рустамом, чьи импланты просигнализировали об опасности. Затем на полную мощность заработал движок, и десятикратную перегрузку смог выдержать лишь усиленный титаном скелет и полусинтетические мышцы Рустама, который кое-как, цепляясь за переборку когтями, когда его вдруг начинало сносить то вперед, то назад, дополз до серверной и под руководством прижатого к переборке и одуревшего от навалившейся на него тяжести Марка расстрелял хабы. Когда они взглянули на голографическую схему и попытались выяснить координаты ЯДУ и куда их занесло за две минуты работы двигателя, оказалось, что судно лишь слегка отклонилось от точки своей орбиты в поясе Кларка и теперь потихоньку сближалось с Землей — все две минуты ЯДУ

фактически метался на одном месте.

— Он решил доставить нас поближе к абордажной группе Стражей, — констатировал Ибрагимов.

Снизив пропускную способность радиоканала до минимума, чтобы только иметь возможность принимать аудиовидеосигналы в наихудшем качестве, Марк повесил терминал на пояс, снял шлем, вдохнул очищенный воздух и сказал:

— Нам же лучше, что он сориентировал нас на низкие орбиты и прогрел движок. Все, этот… кораблик теперь полностью наш. Больше Иджис не помешает.

— Значит, рушим его на Антарктику?

Марк кивнул:

— Ты прочувствовал, что он может. Или действуем сейчас или нас ждут другие сюрпризы.

Рустам ухмыльнулся:

— Что ж, станем легендами. — Он зашагал к полукруглой стойке и дисплеями, множеством ручных переключателей, джойстиков, клавиатурой и сотнями разноцветных кнопок, рядом которой валялся труп Гилъади. — Я нашел ручное управление, все, вроде бы, очень примитивно. Три режима — автоматический-дистанционный, полу-автоматический и ручной. Управление энергонезависимое, в основном древняя механика с гидравликой. Все подписано — включить-выключить, шкалы градусов, есть даже оптические окуляры с навигационной сеткой. С этим даже пятиклассник разберется, как рулить ЯДУ.

— Так задумано. Любой должен был быть способен спасти Солярис, если с ИИ или экипажем что-нибудь случится. В космосе все достаточно просто — сориентировал судно, рассчитал скорость и тягу, включил двигатель на нужное время. Это управлять гражданским коптером без помощи электроники никак — сразу рухнешь. — Они дошагали до пульта. — Можешь убрать Хаима? Слегка нервирует.

— Сейчас. — Ибрагимов наклонился над телом израильтянина и вдруг отскочил. — Черт! У него губы двигаются!

Марк почувствовал, как на затылке зашевелились волосы — Гилъяди просто не мог выжить с такими дырками в груди и животе.

Рустам открутил шлем израильтянина, тут же донеслись звуки голоса, однако чужого, не принадлежащего покойному израильтянину. И его губы не двигались, их чуть-чуть шевелил поток воздуха и звуковые волны, исходящие из горла Гилъади:

— …оказать медицинскую помощь. Вознаграждение гарантируется. Повторяю: к вам обращается медицинский имплант Феникс. Данное тело возможно реанимировать. Системы

жизнедеятельности находятся под управлением медицинского импланта. Прошу вас вызвать медиков, доставить тело в ближайшее медицинское учреждение или самостоятельно оказать медицинскую помощь. Вознаграждение гарантируется. Повторяю…

Рустам надел на Хаима шлем и завинтил его, заставив жуткий безжизненный голос стихнуть.

— Ну нормально, — произнес Ибрагимов, подняв и по воздуху буксируя «покойника», — мне они поставили какие-то допотопные чипы, а своего нафаршировали по первому классу. — Пнув Гилъади, он отправил его тело в полет подальше от пульта.

Пока горец возился с израильтянином, Марк устроился на откидном кресле, активировал терминал, вызвал уравнения орбитальной динамики, отыскал на одном из дисплеев расстояние до Земли — 34 132 километра — и текущую скорость. Введя расстояние, скорость и широту, он задал координаты пункта прибытия, центр полярной шапки Арктики и режимы ускорения и скорости, которую способен был выдавать и поддерживать ЯДУ. Включив программу на исполнение, в ответ он получил варианты необходимых параметров — ориентацию вектора тяги по созвездию, отклонение от плоскости нулевой широты, время прибытия в конечную точку при выборе той или иной скорости.

Выбрав щадящий режим ускорения, Марк в уме посчитал, с какой скоростью необходимо скидывать в сопло топливные шары, накинул на плечи ремни безопасности и передвинул рычажок на пульте к надписи «ручное управление».

— Рус, я направляю, ты на подаче. Две секунды и пять десятых на шар. Время работы — десять минут. Сделаем два витка и через сорок минут будем на месте. Когда допрут, куда мы летим — нас будут сбивать. Нужно будет разобраться, как скинуть шар и взорвать его подальше от сопла. Только так сможем отбиться от ракет. На торможении тоже понадобишься. Если рухнем на Полюс на полном ходу, Земле будет очень больно. Можем случайно утопить вообще всех.

— Понял. — Ибрагимов плюхнулся в кресло рядом, накинул на плечи ремни и начал искать системы двигателей.

Пробежавшись пальцами по десятку джойстиков управления маневровыми двигателями, Марк отыскал нужных два — по левому и правому борту на носу ЯДУ. Прислонившись к окулярам, он отыскал очертания нужного созвездия, поигрывая джойстиками, выставил зеленую точку, обозначающую нос корабля, напротив нужной ему звезды, чуть сместил точку на пару градусов в сторону и погасил вращение. Точность этих

систем оставляла желать лучшего — они не были предназначены для дальних полетов, — но на таком расстоянии и не требовалось ничего большего. Даже если они отклонятся, ЯДУ в любом случае упадет поблизости от пункта прибытия.

— Я уже готов, — сообщил Ибрагимов. — Тут три кнопки нажать. Детские игрушки и то позамороченней.

Марк оторвался от окуляров, откинул спинку кресла, принимая лежачее положение. Дрогнувшим голосом спросил:

— Ну что, поставим Всевышнему шах?

Ибрагимов втопил кнопку активации движка — до старта оставалось десять секунд. Тоже откидываясь назад, поинтересовался:

— Почему не мат?

— Для него еще рано, — прошептал Марк, закрыл глаза и приготовился к финальному рывку к Земле.

* * *

Доверив автопилоту управление тяжелым, бронированным коптером Корпуса Стражей, МакАдамс сидел в кресле пилота, откинувшись на спинку и, прикрыв глаза, просматривая сыпавшееся отовсюду новости. Кроме него и пристегнутому ко второму креслу его личного Ирбиса, в кабине больше никого не было.

Новости были безрадостными, в САС начиналась паника. Даже слепец мог бы заметить тысячи вспышек взрывов, не только озарившие ночное небо над Азией, но и затмившие своей яркостью Солнце над Европой, когда ракеты с Земли и спутников сошлись на низкой орбите. И сколь бы сильно не старались ручные журналисты властей убедить общественность, что эти взрывы — всего лишь испытания новых противоракет спутников космической обороны, чем бы ни клялись официальные лица и даже президент и губернаторы САС, что да, так оно и есть, это просто испытания, начавшиеся раньше объявленного срока, — никто им уже не верил. Люди догадались: началась война.

Дальше стало еще хуже — взорвался Солярис. Современная оптика позволяла заглядывать очень далеко, и несколько астрономов-любителей сначала увидели вспышки сбиваемых роем охранных спутников ракет. Власти признали: да, целью атаки был Солярис. Мы отбились, сохраняйте спокойствие. Люди возликовали, панические сообщения в сети сменились триумфальными: Всевышний защитил их и их сокровище! Затем, примерно через час, Солярис взорвался. Корпус перестал

получать сообщения от Стражей, выжил лишь один — Климский, передавший, что он в порядке, на ЯДУ, но выведен из игры, по меньшей мере, на два часа.

Затем все стало совсем плохо: ЯДУ озарился серией вспышек и начал двигаться. К тому моменту магазины, торговавшие телескопами, уже успели сделать годовую выручку, покупатели вымели подчистую склады заводов-производителей, и количество обращенных в небо линз равнялось миллионам. После лихорадочных непродолжительных метаний ЯДУ на, фактически одном месте, озадачивших наблюдателей и заставивших репортеров блеять что-то совсем уж невнятное, двигатель вышел на ровный курс. Кто-то с серьезной оптикой и знаниями сумел рассчитать конечную точку его маршрута, и в сеть посыпались истеричные сообщения, что всем людям на Земле конец, что через двадцать пять минут небеса над Северным Полюсом запылают, а вся ледяная шапка, половина всей воды на планете, растает. Затопит все и всех.

Но МакАдамс не паниковал. Он знал, что ЯДУ затормозит или в последний момент, если Иджис, что вряд ли случится, пойдет на мировую, отвернет. Урон для САС будет серьезным, но не критическим. Потому что инициатор грозящей Земле катастрофы не безумец и наверняка надеется выжить. И он ни за что не убьет своего сына. А скорее всего, ему придется отказаться от своей затеи. Он сделал очень умный и достойный восхищения ход, отдав ребенка под опеку Иджис, вот только он не учел одного — его, покалеченного, утратившего свое место и смысл жизни командующего Корпусом Стражей. Ради светлого будущего САС и всего человечества он, МакАдамс, готов был пойти против Всевышнего и законов, он готов был совершить свой главный и последний в жизни шаг. Шаг, впервые с момента зачисления на службу в Корпус, сделанный им самим и по его собственной воле.

МакАдамс сверился с картой: коптер уже пролетел над Владикавказом и, лавируя между заснеженными пиками предгорий Кавказа, двигался навстречу ночи в заповедные земли или, как их именовали в официальных документах, автономные области национальных культур малых народностей. По сути, резервации.

Пересечя линию терминатора, коптер нырнул в ночь, включились и замигали желтым габаритные огни, вспыхнули фары-искатели. Машина начала замедляться, ее нос наклонился, в свете фар далеко внизу мелькнуло пара десятков домов, в беспорядке разбросанных по зеленому пологому склону горы неподалеку от изломанной линии никогда не тающего снега. Домики каменные, с курящимися дымоходами дровяных печей,

соломенными крышами, при каждом огороженный двор с хозпостройками. В них, был уверен МакАдамс, сейчас на ночевку загнан скот и птица. И хоть выглядело это село так, как будто оно стояло здесь с незапамятных времен, когда здесь только-только появились люди, стены домов наверняка сложены из искусственного камня, скрепленного современным раствором, солома на крышах лежит на панелях утеплителя, стекла в деревянных рамах со светофильтрами, где-то должны прятаться спутниковые антенны и электрокары. Только печи, скорее всего, традиционные, из прошлых веков. Как у него на родине в резервации, некогда являвшейся частью Шотландии. Ведь запах горящего и потрескивающего в камине дерева и пляска ревущего огня на стенах куда притягательней и приятней для человека, чем стерильное сухое тепло электрических обогревателей.

Сделав круг над безымянным селом, коптер МакАдамса опустился на пожухлую траву рядом со стоящим на отшибе маленьким домиком. Стекла затемнены, но из трубы валил густой дым, значит, хозяйка дома.

Едва коптер коснулся земли, а пропеллеры в кожухах только-только начали замедляться, в сотне метров внизу вспыхнули фары машины, над ними беззвучно замигал синий проблесковый маячок. Отъехав от места своей стоянки, машина направилась к коптеру, подпрыгивая на ухабах расхлябанной горной дороги.

МакАдамс вытащил из ножен на бедре черной формы массивный охотничий нож, подковырнул и вскрыл щиток под приборной панелью коптера. Отыскав взглядом процессор, Страж отколупал острием процессор и машина умерла, все огни в кабине и снаружи погасли. Открыв двери-крылья, МакАдамс обошел коптер, отстегнул Ирбис и парой рывков — все-таки двести кило — вытащил броню наружу, бросив ее спиной на землю.

Пока он открывал броню, позади него остановилась машина — джип с высоким клиренсом, — осветив его фарами и бросая на него, коптер и дом всполохи синего света маячка. Водительская дверь открылась, на траву с подножки соскочил мужчина в черных брюках полицейского кроя и кожаной куртке, из-под которой выбивались полы белой сорочки.

— Гражданин, идентификация, — приказал мужчина на международном с едва заметным местным акцентом.

— Сюда посмотри. — Продолжая, сидя на корточках, возиться с броней, МакАдамс указал на изображение щита и перекрещивающихся за ним меча и копья. Открыв Ирбис, Страж острием ножа принялся отвинчивать винты маленькой панели на шлеме брони.

— Гражданин, я заместитель начальника полицейского управления города Урус-Мартан. Меня никто не уведомил, что сюда прибывает сотрудник Корпуса Стражей. Требую пройти идентификацию. Это приказ.

МакАдамс наконец отвинтил панель, вытащил чип радиомодуля и, поставив панель на место, разогнулся и развернулся. Даже в темноте было заметно, как перекосилось лицо полицейского от ужаса и узнавания. МакАдамс ухмыльнулся — он прекрасно знал, какое впечатление производит его внешний облик. Он мог пройти еще пару операций и затянуть изуродованную половину тела полимерной кожей, но предпочел не делать этого — десятки процедур и так измотали его. Вдобавок он знал, что его внешний вид служит свидетельством того, какой опасности подвергаются на своей работе Стражи. Он сам выбрал стать символом защитника всех граждан САС, он гордился своими ранами даже больше, чем медалями и почетными грамотами.

Полицейский вытянулся по струнке, почтительно произнес:

— Э-э-э, мистер… сэр, я обязан спросить о причине вашего визита? — Словно извиняясь, добавил: — Мы все же находимся на территории автономной области.

«Страж МакАдамс, — раздался в голове женский голос Иджис, — приказываю вернуться в штаб-квартиру Корпуса. Своими действиями вы можете усугубить ситуацию».

— Ты мне потом еще спасибо скажешь, — вслух ответил МакАдамс.

— Простите? — заморгал полицейский.

Здоровой рукой схватив себя за обрубок мизинца, МакАдамс вывернул его из сустава, и в кровь из чипа хлынули супрессоры боли.

— Э-э-э… сэр?

— Сгинь отсюда, — посоветовал полицейскому МакАдамс.

Перехватив нож лезвием вниз, он приставил острие к лысой голове, к кромке сервера Иджиса, и принялся резать кожу, начав со здоровой части. Ручьи крови потекли по лицу, щекам и горлу Стража. Разинув рот, полицейский отшатнулся назад к машине.

Иджис послал на ком-чип приказ перегрузить мозг взбунтовавшегося Стража. Но вырубить сотрудника Корпуса было не так-то просто.

Морщась от лавины хаотичных мыслей, вызывающих тошноту и отвращение звуков, МакАдамс четырьмя уверенными движениями прорезал кожу, отбросил окровавленный нож, схватился за кромку сервера и, скальпируя себя, принялся отделять его от головы.

«Гражданин МакАдамс! — прогремел уже мужской голос Иджиса. — Немедленно прекратить и сдаться сотруднику полиции! В противном случае…»

Всевышний умолк, как только последняя нанонить сервера вылезла из мозга МакАдамса.

— Заткнись наконец, задолбал за тридцать-то лет, — с удовлетворением произнес бывший Страж. Швырнул окровавленный сервер с прилипшей к нему кожей к ногам полицейского, который дернулся назад и грохнулся на задницу. — Это тебе. Штука очень ценная, передашь ее лично в руки Стражам. Они будут здесь через девять минут. Понял?

Шокированный творящимся на его глазах ужасом, тот закивал, как болванчик.

Из колонок в машине вдруг грохнули первые ноты и пара слогов какой-то песни, затем она смолкла и прогремел голос Всевышнего:

— Заместитель начальника Заримов, к вам обращается система помощи и контроля за порядком Иджис-Семь! Приказываю арестовать гражданина Славко МакАдамса!

Полицейский вскочил и растерянно завертел головой. Он впервые в жизни слышал прямой приказ от Всевышнего. Раньше тот только подсказывал, незаметно направлял, сейчас же повелевал.

В САС введено военное положение, сразу понял МакАдамс. Всевышний перестал прятаться за спинами людей, дергая за ниточки своих марионеток. Он наконец вышел вперед и забрал себе всю власть.

Впрочем, понимал МакАдамс, для него самого это ничего не меняет. За ним явятся его бывшие коллеги и никто кроме. И прибудут они никак не раньше восьми минут. Всевышний не мог не понимать, что если он направит сюда военных с расположенной в двухстах километрах базы, те примчатся намного раньше, но при этом, пытаясь схватить или устранить старшего оперативника, устроят тут локальный армагедон, разнесут все село и убьют заложников, граждан САС.

— Заместитель начальника Заримов, повторяю приказ!.. — гремел из машины Всевышний.

Полицейский наконец пришел в себя, вскочил и бросился к машине за оружием. Когда он достал из бардачка пистолет и выбрался из салона, то увидел перед собой окровавленное ухмыляющееся лицо МакАдамса.

— Серьезно? — иронично спросил Славко. — Собрался остановить Стража?

Полицейский приставил пистолет к груди МакАдамса. Рука

его тат дрожала, что ствол ходил ходуном от плеча к сердцу.

— Ты обычный гражданин САС, хоть и полицейский. Ты хоть раз стрелял в живого человека? Хоть раз кого-нибудь избивал так, что тот обсирался? Даю тебе последнюю возможность уйти.

— Заместитель Заримов! — установил громкость приемника на максимум Иджис. — Приказываю устранить гражданина МакАдамса!

Полицейский перехватил пистолет двумя руками, его губы плотно сжались.

Махнув рукой, МакАдамс молниеносным движением сбил оружие в сторону, расплющив, раздробив тонкие запястные кости ладоней полицейского о стекло задней дверцы. Отшвырнув пистолет далеко во тьму, он схватил мужчину за воротник, оттащил его от машины и развернул в сторону его дома.

— Экзамен сдал. Может, ты еще пригодишься в САС. Теперь вали отсюда, пока я не передумал. — Прижимая к груди переломанные руки, полицейский сделал пару неуверенных шагов по дороге. МакАдамс дернулся, имитируя атаку, рявкнул: — Бегом!

Оглядываясь, спотыкаясь, ошалевший от страха и боли полицейский побежал прочь.

Забравшись в броню, не опуская маску шлема, МакАдамс поднялся, вытащил из коптера крупнокалиберную винтовку и сумку с рацией и направился к домику. Поднявшись по каменному крыльцу, он рукой вышиб дверь вовнутрь кухни-прихожей, прошел, проломив телом, внутреннюю хлипкую дверь в жилую комнату и встретился взглядом со стоящей в углу высокой женщины с растрепанными черными волосами и наполненными яростью карими глазами. За ее спиной и раскинутыми в сторону руками, схватившись за юбку до пола, прятался белобрысый мальчишка. Женщина видела сценку перед ее домом, она прекрасно понимала, зачем явился Страж.

— Убирайся отсюда, мразь! — прошипела Мадина.

— О, узнаю кровь Ибрагимовых. — МакАдамс пинком отправил к стене диван, повернулся к плоской медиа-панели на стене. Разделенная на четыре прямоугольника панель транслировала три новостных канала и изображение ЯДУ Соляриса и его положение в очень скверном качестве. Сигнал с изображением космического корабля шел с нелегального низкоатмосферного спутника, может, даже самолета, и передавался по вирусным протоколам, тут же определил МакАдамс. — Твой братец такой же злобный. Кстати, за прием нелицензированных видеосигналов положено наказание в виде штрафа.

Мадина кинулась на Стража, в ее ладони сверкнуло миниатюрное лезвие. Выбросив руку в лицо женщины, МакАдамс сбил ее на пол, наступил на грудь. Денис прижался к углу, по его щекам катились слезы, но он лишь всхлипывал, боясь заплакать в голос.

— Так, милая, не дергайся. Ты пока нужна мне живой. Прикажи-ка панели сориентировать тарелку на сороковую широту, хочу поговорить кое с кем.

— Ни за что! — прохрипела придавленная парой центнеров металла Мадина.

— Ладно, сам сделаю, — хмыкнул Страж и произнес последовательность из десятка цифр и букв. В углу панели загорелся красный огонек, означавший, что вся электроника перешла в сервисный режим и под его управление. — Направить тарелку на сороковую широту. Установить мощность излучателя на максимум, синхронизироваться с устройством имя, цитирую: МСИ5. Подготовить контейнер для аудиовидеозаписи. Стереть стандартный заголовок контейнера, написать, цитирую: Денис Ибрагимов. — Он повернулся к ребенку. — Эй, мелочь, хочешь поговорить с папашей? Тогда шагай сюда.

* * *

До Земли оставалось лететь пятнадцать минут, до точки, где нужно будет начать торможение, всего девять. Но Всевышний все отмалчивался, продолжал сопротивляться. Похоже, сделал неутешительный вывод Марк, эта машина не уступит. Скорее всего, в него просто не заложена способность сдаваться, он не станет договариваться с захватчиками, террористами. Как никогда с ними не договаривались власти земных государств в эпоху до Цифрового века. Пусть лучше террористы убьют всех заложников, но мы им ни за что не уступим — эта доктрина прошлых веков действовала и поныне.

— Мы готовы выслушать ваши требования, — вещал с бокового дисплея президент САС — пожилой седовласый мужчина с серьезным, внушающим доверие лицом и белозубой улыбкой. Прямо как у звезд развлекательных медиа-программ. Этот человек тоже был звездой, но уже политических шоу. — Повторяю, мы можем повлиять на систему Иджис…

Марк покосился на соседний с ним дисплей: бегущая строка сообщала, что в САС введено военное положение. Терминал пискнул, появился еще один запрос на связь на отведенных для государственных нужд частотах. Марк одобрил запрос и вывел

картинку на дисплей перед Рустамом.

В окружении десятка детей всех рас и возрастов появилась Матриарх. В сомкнутых ладонях перед собой она держала висящий на скромной цепочке крестик в полумесяце. Едва кто-то за кадром сообщил ей, что она на связи с угонщиками, Матриарх взмолилась:

— Ради будущего всех наших детей прошу вас одуматься. Вы совершаете величайший грех, обрекаете свои бессмертные душу на вечные муки в преисподней. Задумайтесь о своих родных и близких — какие проклятия падут на их головы, как они будут страдать, когда узнают, что совершили их дети и братья…

— … чрезвычайное собрание Совета депутатов САС уже созвано, — тем временем говорил президент, — мы готовы своей властью приостановить военные действия и выполнить все ваши условия. Вам будет гарантировано помилование…

Поморщившись от хора хорошо поставленных, умоляющих голосов, ведущих психологическую атаку, Марк вырубил звук.

Терминал снова пискнул. На этот раз запрос на связь был написан заглавными буквами красного цвета — кто-то вызывал его на частоте, зарезервированной для аварийных сигналов. Марк разрешил связь и на экране выскочили всего два слова, заставивших его зашипеть от раздражения. Власти САС нашли его сына и теперь пытались надавить на него через его ребенка. Марк открыл прилагавшийся к файлу контейнер и похолодел от ужаса, узнав половину лица, обрамленную шлемом Ирбиса.

— Знаю, ты сейчас общаешься с кучей очень важных персон, — начал сходу МакАдамс, — но эти клоуны уже на на что не влияют. Я да. Сейчас ты переключишься на частоту девяносто три мегагерц и одобришь соединение. Или я, — он поднял перед собой руку Ирбиса, механическая перчатка брони смыкалась на голове дергающегося от боли и беззвучно кричащего Дениса, доказывая, что это не постановка, что все реально и МакАдамс действительно преступил закон, — раздавлю голову твоего выродка.

— Тварь!!! — крикнул Марк и, промахиваясь дрожащими пальцами мимо пиктограмм, начал искать нужную частоту.

— Он не посмеет, — сообщил Рустам. Несмотря на кажущееся спокойствие, он тоже заметно напрягся. — Его убьют или сгноят в тюрьме.

— Уже посмел! — крикнул Марк. — Он уже нарушил законы САС!

Одобрив запрос на соединение, Марк вывел трансляцию на экран перед собой и включил камеру и микрофон.

МакАдамс все так же стоял и держал перед собой ребенка,

оторвав его от пола.

— Отпусти его!!! — закричал Марк.

— Ладно-ладно, не ори, — поморщился МакАдамс и, опустив руку, убрал из кадра Дениса. — Давай общаться как взрослые здравомыслящие люди. Кстати, Рустам, ты там? У меня тут под ногой валяется твоя сестра, Мадина, кажется. Веришь? Ну-ка, подай голос, сестричка. — Он что-то сделал, и за кадром раздался женский крик. — Или показать ее тебе? Хотя, не, не буду. Тебе ведь плевать на угрозы, так? Ты у нас принципиальный, умру, но не сдамся.

— Всевышний распнет тебя! — пообещал Марк.

— Знаю-знаю, — закивал МакАдамс. — А еще ты знаешь, кто я и какую занимаю… то есть, занимал должность. Пока до меня доберутся мои бывшие коллеги, пройдет еще минимум пять минут. Они не станут сходу вламываться ко мне и заложникам — значит, пройдет еще минут пять на подготовку к захвату. Вы долетите до точки невозврата через, — он сверился с панелью за кадром, — уже через четыре минуты пятьдесят секунд. Так что никто не сможет помешать нам завершить наше маленькое дельце. — Он победоносно заулыбался, однако гримаса на его лице вышла жуткой. — Итак, знаю, вы не собираетесь уничтожать Землю. Полагаю, вы даже надеетесь выжить. Только вы уже должны понимать, что Иджис не станет договариваться с вами. Этот наш бог очень упертый, он не запрограммирован идти на уступки. Вы его ничем не запугаете — он ведь просто программа, интеллектуальная система. У него нет своего «я», самосознания. Он не способен испытывать страх, сомневаться. Уверен, прямо сейчас он просчитывает, как выйти победителем из этой довольно скверной ситуации. И он победит. Только меня не устраивает тот хаос, что начнется, когда или если вы обрушите ЯДУ на Арктику. У меня как бы тоже есть родственники и мне очень не хочется, чтобы они пострадали. И еще я совсем не прочь стать человеком, который спасет Землю от грядущей катастрофы. Пусть даже это будет стоить мне жизни. Я занимался этим, защищал САС, почти тридцать лет, немного устал и хочу уйти на мажорной ноте. Так вот, я предлагаю вам решение, которое должно устроить нас всех. У вас в шлюзе заперт мой коллега — ты его, Рустам, наверное, помнишь. Впустите его, и я гарантирую, что он не причинит вам вреда. Вы уже добились своего — взорвали Солярис и пушку. Вы уже вошли в историю, вы повлияли на события, происходящие в мире, изменили его. Арабы с азиатами уже пытаются связаться с властями САС. Может быть, если ваши новые друзья хорошенько попросят, объявят вас своими гражданами, выполняющими военную миссию, вам будет даровано помилование и будет

позволено покинуть территорию САС. Я предлагаю вам жизнь и обещаю, что не трону ни твоего, Марк, сына, ни твою, Рустам, сестру. Также я гарантирую, что если через минуту мое предложение не будет принято и исполнено, я на ваших глазах отрежу им головы. Мне-то уже точно нечего терять, вам — да.

Марк задумался над словами МакАдамса, хотя уже на самом деле все решил, просто убеждал себя. За него ответил Рустам.

— Может быть, будет даровано, может быть, изменили, — язвительно произнес Ибрагимов. — Сам-то веришь в свой бред? Всевышний всегда побеждает — сам сказал. Если остановим ЯДУ, ни хрена мы не изменим. Только окажемся в клетках до конца жизни.

— Я впущу Стража, — решил Марк, отстегивая ремни.

— Сидеть! — рявкнул Рустам. — Я не затем зашел так далеко, чтобы повернуть назад!

— У него мой сын!

— У него моя сестра!

Марк покачал головой, сбрасывая ремни:

— Извини, Рус.

— Ладно, понял, — кивнул Ибрагимов, схватил болтающийся на ремне пистолет, вскинул приклад к плечу и выстрелил Марку в висок. Мелкокалиберная пулька прошла навылет, голова дернулась, из выходного отверстия над ухом из перебитого сосуда ударил фонтанчик крови. С открытым ртом, сотрясаемый конвульсиями, он воспарил над креслом.

Схватив Неклюдова за воротник, Рустам отшвырнул его подальше от пульта и встал перед экраном, с которого на него таращилось вытянутое от удивления лицо МакАдамса.

— Попробуй теперь поугрожать мне, мудила, — с кровожадной ухмылкой произнес Ибрагимов. — Моя семья живет неподалеку, хоть всех их вырежи — мне плевать. Через пару минут надо оттормозиться, умным из нас был Марк, поэтому если не успею все настроить, ты уж извини, придется затопить всю Землю. Теперь свали и не мешай. Все, отбой.

Схватив парящий рядом терминал, Рустам ткнул в экран и завершил сеанс связи.

* * *

МакАдамс был возмущен и восхищен. Из этой пары самые большие надежды он возлагал именно на Ибрагимова. Но тот превзошел все его ожидания. Вот так взять и пожертвовать напарником, чтобы завершить задание и сделать убийство

заложников бессмысленным — на это требуется огромная сила воли и мужество. Рустам стал бы выдающимся Стражем, обязательно занял бы кресло командующего.

МакАдамс послал запрос на связь с ЯДУ.

«Запрещено», — выскочил ответ на медиа-панели.

Он посмотрел вниз, на придавленную его ногой женщину. Приставил к ее голове ствол винтовки.

— Ну и что мне теперь с вами делать, а? — Он поморщился от рева удерживаемого им ребенка, который видел, что стало с его отцом, ничего толком еще не понимал, но знал, что случилось что-то очень плохое. МакАдамс отшвырнул Дениса на диван, крикнул: — Достал вопить! Заткнись!

Икнув, Денис заревел еще громче.

— Ты пугаешь его! — прохрипела Мадина. — Пусти меня, я успокою его!

— О, придумал, — решил МакАдамс. Глянул на часы — до прибытия Стражей оставалось еще две минуты. — Хватай мелкого, заткни его и двигай в коптер. Полетите со мной в Независимые воды. С вами на борту сбивать не будут. И скоро твой братик устроит такое, что мы точно прорвемся.

МакАдамс убрал ногу с груди женщины, повесил винтовку в магнитное крепление на спине брони, повернулся к двери, прислушался к встревоженному гомону собравшихся у ворот мужчин.

МакАдамс положил ладонь на маску, готовясь опустить ее на лицо, когда его голова просто взорвалась, залепив стену перед ним каплями крови, ошметками кожи, кости и мозга. Отскочивший от брони шлем запрыгал по полу, остановившись у дырки размером с кулак, появившейся в полу и потолке.

Толпа снаружи ахнула. Спустя миг, проломив крышу и потолок, в комнату под углом в сорок пять градусов обрушился Цербер. За считанные сантиметры до касания пола, двигатели его взревели, отчего комната заполнилась пылью и вихрящейся соломой с крыши. Процарапав в досках глубокие борозды, Цербер врезался во все еще стоящую броню, вмял и пробил Ирбисом стену. Денис и Мадина закричали.

— Немедленно покинуть помещение! — прогремел приказной мужской голос из динамиков отъезжающей от пролома в стене машины. — Опасность обрушения! Немедленно покинуть помещение!

Схватив Дениса, Мадина кинулась с ним к дыре в стене. Разогнавшись, Цербер последовал за ней, протаранив и раскидав искусственный камень стены. Потолок и крыша позади него начали осыпаться внутрь дома.

Собравшаяся у ворот толпа мужчин — человек пятнадцать, включая стариков, пару подростков и полицейского — отпрянула назад, разглядев наконец, что именно прилетело в дом Мадины. Один из мужчин вскинул древнюю двустволку, и на его груди тут же загорелась красная точка лазерного прицела.

— Я система помощи и контроля за порядком Иджис-Семь! — проревел Цербер. — Граждане, вы создаете трудную для прогнозирования и потенциально-опасную ситуацию! Приказываю немедленно разойтись! Исполняйте! Неповиновение данному распоряжению будет караться по закону и повлечет наказание в виде одного года исправительных работ!

— Мадина, ты в порядке? — крикнул из толпы ее брат, и та кивнула.

Полицейский прокричал что-то на местном диалекте, и мужчины, оглядываясь, посматривая на сверкающий проблесковыми маячками громадный военный самолет, беззвучно делающий разворот в какой-то сотне метров от земли, неторопясь направились прочь от дома.

— Гражданка Мадина Ибрагимова, вы в безопасности. — Цербер снизил громкость динамиков и развернулся к женщине, прижимающей к груди притихшего ребенка, с интересом на зареванном лице осматривающего грозную машину. — Через три минуты пятнадцать секунд прибудут социальные и медицинские работники. Прошу вас проследовать с ними, они окажут вам всю необходимую помощь. До их прибытия вы и гражданин Денис Ибрагимов находитесь под моей защитой.

* * *

Рустам снова вдавил красную кнопку на запястье скафандра Марка, и игла инъектора с опустевшим контейнером для медикаментов в десятый раз щипнула кожу. Такая доза противорвотных и стимуляторов должна была бы заставить вскочить даже покойника, но тот был в слишком глубоком шоке.

— Да очнись ты наконец! — зарычал Ибрагимов и влепил Марку пощечину.

Подействовало — глазные яблоки под опущенными веками затрепыхались, Марк уставился во встревоженное лицо горца, еще не понимая, где он и что случилось.

— Так, спокойно, — сказал Рустам, — пуля прошла навылет. Мозг, сосуды не задеты. У меня тепловое зрение, как у того араба, Маджеда. Я видел, куда стреляю.

Марк сделал судорожный вдох и резко сел.

— Денис!

— В порядке. Всевышний разобрался. — Рустам сунул в лицо Марка терминал со сменяющими друг друга кадрами: Денис на руках Мадины, стоящей рядом с Цербером, затем она же в окружении пары мужчин в салатового цвета униформе медиков.

— Откуда это?

— Всевышний прислал. И нет, это не подделка. Ты знаешь, он не способен врать.

— Всевышний? — нахмурился Марк и застонал от резкой боли, пронзившей его голову. Ощупав лицо, он обнаружил пару дырочек на виске и рядом с ухом. Высморкал из носа сгусток крови. — Ты стрелял в меня! Стоп… еще раз про Всевышнего.

— Пока ты был в отключке, тут много чего произошло. — Рустам оторвал от пола Марка и потащил его за собой к пульту управления. — Во-первых, мы прошли точку невозврата, и я не успел просчитать параметры торможения. Через пять минут мы врежемся в Землю на слишком высокой скорости.

— Так какого хрена ты еще не тормозишь?! — задергался висящий в воздухе Марк.

— Потому что все, поздно. Как бы мы не оттормаживались, мы все равно куда-нибудь упадем и на слишком высокой скорости. Не разнесем Арктику, тогда уничтожим Евразию, Африку или устроим охренительно мощное цунами. Во-вторых, объявился Всевышний. — Рустам усадил друга в кресло и указал на два дисплея, по которым бежали строчки букв и цифр. — Он взломал фаерволл твоего терминала и прислал три файлов. Один ты видел — это доказательства, что наши в безопасности. Со вторым я разобрался — это инструкции, как нам не уничтожить Землю. Очень странные инструкции: он хочет, чтобы мы разогнали ЯДУ. Третий для тебя — в нем дико сложная программная муть. Кажется, я догадываюсь, что это. Лучше сам смотри.

Первым делом Марк уставился на дисплей с инструкциями. Гравитационная постоянная, скорость, угол отклонения, радиальная скорость, время работы двигателя, частота подачи топливных шаров, перегрузка при ускорении, время работы маневрового двигателя. Параметры постоянно менялись — Всевышний корректировал их в реальном времени, — и было предложено несколько статичных вариантов. За четыре минуты до удара, за три с половиной, за три и так далее. Причем если не использовать последний, за две минуты до удара, ЯДУ Соляриса придется разогнать до запрещенных режимов работы и перегрузка гарантированно убивала их.

— Я переключил пульт на полу-автомат и настроил вариант

за две с половиной минуты до удара, — сообщил Рустам. Он ткнул в дисплей на подсвеченную строку «визуализировать траекторию». — Нажмем кнопку и полетим. Очень далеко.

— Долго будем летать, — хмыкнул Марк, глядя на выскочившую на экран схему Солнечной системы. Траектория ЯДУ указывала, что им предстоит разогнаться, использовав восемьдесят процентов оставшихся топливных шаров, отрикошетить от атмосферы где-то над Арктикой и полететь к Солнцу. Развернуться с помощью гравитационного маневра и ускориться еще больше, затем отправиться к Юпитеру, развернуться и полететь обратно к Земле, потратив остатки топлива на торможение. На весь путь должно будут уйти шесть с половиной месяцев, при этом лететь придется по инерции.

Марк перевел взгляд на второй дисплей и в наборе хаотичных цифр, букв, знаков управления мгновенно опознал ключ шифрования.

Оттолкнувшись от пульта ногами, он полетел к трупу Стража в Ирбисе, лежащему у боковой закругленной стены.

— Рус, перепроверь введенные параметры до пятой цифры после запятой. Я сейчас.

— Это то, что я думаю?

— Да. — Марк опустился на пол рядом со Стражем, просунул ладонь внутрь шлема и нащупал пластину сервера — она была расколота пулей. Рассмеявшись, он полетел обратно к пульту и приземлился в кресло. — Великолепно! Восхитительно! Эта машина настолько изумительна, что просто ужасает!

— Что там? — поинтересовался Ибрагимов, кидая взгляд от пульта к дисплею и обратно и касаясь клавиш управления.

— Сервер уничтожен. Но есть еще один. — Они оба уставились на шлюзовую дверь над собой, которая значительно прогнулась внутрь и продолжала сотрясаться от ударов изнутри. Марк снова рассмеялся. — Мы поставили Всевышнему шах. Он ответил «матом». Он просто чудовище. Лучшее, что могли придумать люди.

— Понятно, — кивнул Рустам и начал накидывать на плечи ремни.

— Ага. Он побеждает при любом раскладе. — Марк скопировал ключ шифрования и скинул его в память своих кибер-линз. Начал пристегиваться. — Сначала мы отведем угрозу от Земли, потому что по-другому никак, можем убить тех, ради кого мы все это устроили. Потом нам придется впустить сюда эту зверюгу в шлюзе. Ключ шифрования все равно бесполезен без физического доступа к серверу. Так что если Страж прибьет нас, Всевышний победил. Если мы каким-то чудом прикончим Стража,

мы сможем изменить настройки Иджис, но и только. Без его помощи нам никогда не вернуться домой. Без его помощи никто и никогда не разгребет тот бардак, что начался на Земле. Нам придется освободить Всевышнего от наложенных на него ограничений, сделать так, чтобы он распространил свою власть на всю планету. В любом случае он выполняет свою главную функцию по защите граждан САС, но с нашей помощью он начнет развиваться, станет еще сильней и влиятельней. Это великолепно! Он смог извлечь выгоду из самой скверной ситуации. Эта машина поимела нас!

— Значит, выбора нет? — заулыбался от предвкушения Рустам. — Впускаем Стража?

— Он все равно прорвется. И у меня такое ощущение, — признался Марк, — что у нас никогда не было никакого выбора. — Он нажал на пульте клавишу исполнения. На дисплее загорелись цифры, отсчитывающие время до старта ЯДУ. Марк откинул спинку кресла и занял горизонтальное положение, готовясь к чудовищной перегрузке. — Ну что, погнали…

* * *

Заключенные трудового исправительного лагеря Северной солнечной электростанции все вышли на колкий мороз бесконечного полярного дня. Почти никто не пожелал остаться в тепле и уюте одноэтажных, наполовину заметенных снегом бараков. Все сто девяносто тысяч человек — и мужская и женская часть лагеря — смешались между собой и заполонили все доступное пространство между бараками. Почти все молчали, конфликты и обиды, неизбежные в столь тесном и ограниченном в свободе коллективе, отступили на задний план, и непримеримые враги стояли, прижимаясь друг к другу плечами. В такой момент никто не хотел быть один, люди стремились почувствовать тепло и присутствие рядом другого человека. Никто не возражал даже против того, что вместе с ними стояли брошенные администрацией фермы безопасники. Все они готовились разделить одну судьбу.

Кутаясь в парки, позабыв про отороченные мехом капюшоны, они все как один обратили скрытые шарфами или балаклавами лица с защитными очками в ясное безоблачное небо. К Западу от фермы оно темнело ближе к горизонту, на нем посверкивали редкие звезды.

— Летит! Юго-Запад! — крикнул из толпы хактехник. Он был одним из немногих на ферме, кто сумел обойти ограничения

связи, и теперь наблюдал на служебном терминале за трансляцией сближения ЯДУ Соляриса с Арктикой. Все уже знали, что незадолго до этого момента ЯДУ повел себя очень странно и начал ускоряться, но никто на Земле пока не смог просчитать, что же происходит. Впрочем, вероятность того, что ЯДУ сможет разминуться с Землей после точки невозврата, была признана нулевой. Все решили, что двигатель набирает ход, чтобы у его цели не осталось ни единого шанса пережить столкновение с ним.

Все обернулись, куда указывал хактехник, кто-то упал на колени и начал молиться.

Одна из звездочек на ночном небе Запада стала ярче. Затем вдруг погасла и снова замигала. Но уже не бледно-желтым цветом плазмы ядерных взрывов, а прозрачно синим, ультрамариновым и, наконец, голубым. После снова погасла. Черная, стремительно увеличивающаяся точка озарилась вспышками воспламеняемой трением и пока еще слишком разреженной атмосферы. Через пару секунд точка превратилась в подобие пылающего диска и продолжила расти.

Люди знали, что с момента, когда они смогут разглядеть форму ЯДУ, до столкновения с Землей пройдет не больше секунды. Толпа ахнула, напряглась — и, оставляя позади себя шлейф черного дыма, чудо инженерной мысли человечества пылающей молнией прочертило небо и исчезло за горизонтом.

Пораженная, недоумевающая толпа обернулась вслед ЯДУ, и на них ревом водопада обрушился стон разодранных небес. Когда он начал затихать, эхом удаляясь к горизонту, когда до людей дошло, что это был не грохот взрыва, всего лишь звуковая волна, в первые мгновения воцарилась тишина.

Кто-то робко спросил своего соседа:

— Он что, промахнулся?

Один за другим раздавались голоса людей, еще не сумевших поверить в свое спасение. Затем ферма взорвалась ликующими воплями прыгающих и обнимающихся с друг другом заключенных и охранников.

* * *

— Быть такого не может. У него получилось, — выдохнул Марк. Крупные капли пота катились по его лицу. — Он придал гигантскому куску арматуры аэродинамические свойства и заставил его проскакать по атмосфере лягушкой. Это… это невозможно.

— Давай чип от шлюза и карту, — велел Рустам. На монитор перед собой он вывел картинку с камеры в шлюзе, и теперь на него глядело лысое лицо Эндрю Климского, кожу головы которого натягивала загнанная под него пластина сервера. Страж прекратил лупить по погнутой двери, он просто стоял и ждал, когда его выпустят. — И все обоймы.

— Я еще не придумал, как нам справиться с этим лысым. — Марк достал из сумочки чип, ключ и пару обойм, толкнул их Рустаму.

— Ты не участвуешь.

— С фига ли?

— Когда Климский был человеком, он мог прибить тебя одним ударом. Сейчас тебе хватит от него щелбана. — Рустам распихал все четыре обоймы в гнезда на прикладе пистолета, снял и выбросил сумочку. — Ты свое дело сделал — довел меня сюда. Теперь не мешай. Это мой бой.

— Ты с ним справишься? — недоверчиво спросил Неклюдов.

— В честном поединке — нет. Он порвет меня.

— Тогда что будешь делать?

— У меня осталась одна мина, — признался Ибрагимов. — Вся надежда на нее. Все, хватай шлем, лезь в шлюз к соплу и не высовывайся.

— Но…

— Тебя запихнуть туда?

— Ладно-ладно, — проворчал Марк и поплыл ловить свой шлем. — И что мне делать, если он тебя прикончит? Лезть в сопло и ждать, когда кончится кислород?

— Придумаешь, — ответил Рустам и зашагал к своему шлему.

Когда Марк забрался в шлюз, Ибрагимов осмотрелся в поисках подходящей детали. Все панели и детали пультов были или слишком громоздкими или слишком хлипкими. Он остановил свой выбор на спинке кресла. Собрав гелиевую обивку, Рустам оценил форму и толщину металлической пластины — то, что надо. Чуть вогнутая, идеально ляжет на торс, и достаточно толстая, чтобы выдержать удар когтей Климского. Отвинтив пальцами пару гаек, Рустам расстегнул скафандр и засунул под него импровизированную броню. После надел помятый шлем, пробежался взглядом по джойстикам маневровых двигателей и, зацепившись ногами за раскуроченное кресло, начал раскручивать ЯДУ. Разбитые дроны, части хабов из серверной, куски обшивки спинки кресла оторвались от пола и, ускоряясь, поплыли к потолку. Четыре покойника, лишь трое из которых были действительно мертвы, последовали за ними.

Когда сила псевдогравитации на потолке составила примерно половину земной, Рустам оттолкнулся от пульта, прыгнул к ближайшему столбу-лестнице и поскользил вдоль него вниз. Добравшись до площадки перед шлюзом, ставшей стенкой высотой метра три, он сел на корточки и вставил чип в гнездо вскрытой сенсорной панели. Закрыв панель, втащив из сумочки ключ-карту, он хлопнул ей по сенсору, и погнутая посередине шлюзовая дверь, ставшая частью пола, начала открываться.

Вмятина блокировала ход двери, шлюз открылся наполовину. Уперев приклад в плечо, Рустам встал у стенки и приготовился ждать, пока Климский не вскарабкается по переборке. Ждать пришлось недолго — Страж просто выпрыгнул из шлюза. Выброшенный в кровь адреналин активировал чип-ускоритель Ибрагимова и стремительный полет Климского замедлился, что было на самом деле иллюзией — вместо двадцати четырех кадров в секунду мозг просто начал обрабатывать сорок восемь. Но этого было достаточно, чтобы Рустам сумел прицелиться и разрядить под шлем в незащищенную шею Стража всю обойму. Большинство пулек попало, но эффекта от них оказалось ноль. Это лишь подтвердило догадку, что Климский имел под кожей слой брони.

Допрыгну до столба, Страж схватился за перекладину, крутанулся вокруг нее и полетел к Ибрагимову. Он явно был лучше подготовлен к действиям в условиях нуль-гравитации.

Отщелкнув обойму, вытаскивая из гнезда в прикладе полную, Рустам сместился за стенку. Климский приземлился, где секунду назад стояла его цель, последовал за горцем, нарвался на еще одну очередь. Видя, что тот решил поиграть в догонялки, пользуясь стеной, как укрытием, Климский просто запрыгнул на нее. Третья очередь резанула его по бедру, паху, пробила броню в области живота. Бросившись сверху вниз на отпрыгивающего спиной назад Рустама, Страж выпустил когти и наискось резанул его по груди. Прорвав скафандр, когти со скрежетом высекли искры из пластины. Но это неважно — главное, цель оказалась отрезана от своего единственно укрытия.

Отпрыгнув от мелькнувших перед его лицом когтей, Рустам вставил предпоследнюю обойму. Времени целиться не было, он пальнул от живота. Климский получил уже под сотню пулек, щитки его брони, нагрудная пластина напоминали решето, форма превратилась в лохмотья, но крови он потерял всего ничего. Отбросив бесполезный пистолет, Рустам выпустил когти и выставил перед собой полусогнутые в локтях руки, отходя назад. Словно позабыв все свои навыки в боевых искусствах, Климский насел на свою цель, полагаясь лишь на мощь, дарованную

модифицированным телом. Обучение на Стража полностью отбило у него желание красоваться или демонстрировать свое превосходство. Он просто хотел поскорее завершить дело.

Наискось махая руками, Страж постепенно загонял Рустама к закругленной стене и резал углы, пресекая все попытки того поменяться с ним местами. И несмотря на ускоритель, Ибрагимову лишь в последний момент удавалось заметить однообразные, но слишком стремительные движения противника. Улучив момент, он подставил когти под приближающуюся руку Стража. Щиток на предплечье того разлетелся, в прорехах рукава под разодранной кожей сверкнул серый металл. Он словно бы тек под кожей, и об него сломалось три лезвия-когтя.

Поняв, что стал предсказуем, Климский сменил тактику и ударил растопыренной пятерней в шею противника. Попытался вцепиться второй рукой в скафандр, но когти лишь царапнули по ткани. Продолжая выбрасывать руки в лицо, в горло, в плечи Рустама, Страж отжимал того к стене. Ибрагимов, продолжая пятиться, на одних рефлексах сбивал, блокировал и отводил от себя летящие в него со всех сторон пальцы-лезвия. Мышцы предплечья правой руки висели ошметками на синтетических жилах, пальцы потеряли чувствительность. Левую руку уродовали борозды глубоких царапин. Он даже не помышлял о контратаке, о том, чтобы улучить момент, достать и прикрепить к Стражу мину, понял Рустам, придется забыть — до того, как получится сложить жест и отдать команду на детонацию, Климский десять раз успеет избавиться от мины, он слишком быстр.

Отступая, Рустам наткнулся пяткой на чье-то тело. Перескочив его, он пригнулся, нырнув под удар, схватил покойника, оказавшегося Гилъади, за плечи и подставил его под удар коленом, от которого стекло шлема израильтянина разлетелось на осколки.

— Прошу обращаться с телом бережно! — прокричал из горла Хаима его имплант. — Ведется запи…

Когти Стража проткнули живот Хаима. И в этот момент из шлема Гилъади сверкнула ослепительно яркая вспышка голубого цвета. На шлеме Климского заплясали ломаные линии статических разрядов, объективы замигали и погасли. Сорвав шлем, Страж зарычал, приготовился добивать противника — но тот уже успел убежать и теперь огромными прыжками несся к шлюзу. По пути подхватив пистолет, Ибрагимов прыгнул в шлюз.

Не медля ни секунды, Климский побежал за ним. Подпрыгнув, он рыбкой нырнул в шлюз. В этот момент Рустам сложил жест команды детонации и мина под его ногами, прикрепленная к внешней двери шлюза, пробила в ней дыру.

Воздух с хлопком и свистом начал вырываться в пробоину, а просвинцованная внутренняя дверь, ускоренная электромагнитами, обрушилась на спину Стража, смяв его грудную клетку и почти перерубив Климского пополам.

Рустам вытащил из-под скафандра спинку кресла. Мощный поток утекающего в космос воздуха вырвал ее из его онемевших пальцев и припечатал к пробоине. Вдохнув, Рустам упал на четвереньки и уронил голову в шлеме на шлюзовую дверь. После перевернулся и растянулся на спине, раскинув руки и ноги. Чуть придя в себя, он приказал:

— Включить связь.

— Рус, мой шлюз заблокировался, — тут же раздался голос Марка. — Что случилось? Что с давлением в ЯДУ? Откуда гравитация?

— Вылезай, — пересохшими губами просипел Ибрагимов. — Тормози вращение, бери дрона с горелкой и двигай к главному шлюзу. Я поймал Стража. Добивать будешь сам.

— Он жив? — напрягся Марк.

— Вроде нет. Но пока не отрежешь ему башку, считай, что еще жив.

— Э-э-э, что? Отрезать голову?

— Я бы сам, но пальцы почти не двигаются.

* * *

Марк убрал пальцы от голографической клавиатуры терминала, подключенного к отвратному серверу Всевышнего, накрытого куском ткани от скафандра Ибрагимова.

— Готово, можно запускать, — сказал Марк. — Как только нажму «ввод», он скушает новые принципы и начнет синхронизироваться со всеми серверами на Земле.

— Что-то быстро, — заметил Рустам, чьи руки были перетянуты остатками его скафандра.

— Я боюсь трогать все его настройки, — признался Марк. — Там гигабайты только одного текста. Изменю что-нибудь не то, и наш новый друг может спятить и начнет творить какую-нибудь жесть. Не, эта машина уже идеальна. Просто то, для чего его использовали, — это мерзко и подло. Люди прошлого создали изумительно сложный и мощный инструмент, а какие-то мудаки присвоили его себе и начали забивать им гвозди. Потом я выдам ему команду, чтобы он сам оптимизировал свои настройки, чтобы он мог действовать со сто процентным КПД. Пока что буду просто контролировать его. Я добавил всего одну строку: он должен

выполнять команды граждан Марка Неклюдова и Рустама Ибрагимова.

— Меня удали, — велел Рустам.

— Уверен?

— Да. Если накосячишь и сломаешь Всевышнего, не хочу быть причастным к этому.

— Понял, — ухмыльнулся Марк и стер имя Ибрагимова из строки. Коснулся пиктограммы «ввод» и пробормотал, обращаясь в никуда: — Ну что, дорогой, вот мы и вместе. Ты много чего натворил плохого и хорошего, теперь будешь разбираться со всем плохим.

Терминал пискнул, оповещая, что сигнал с ЯДУ отправился на Землю. Через две секунды волна достигнет планеты, через одну все сервера Иджис примут и внесут в командный файл новый принцип.

— Ну как? — через минуту, в течении которой не произошло ровным счетом ничего, спросил Рустам.

Марк пожал плечами. Спросил:

— Эй, ты меня слышишь?

Ничего не произошло.

— Эй, Всевышний, — позвал Марк. Кашлянув, он уточнил: — Система помощи и контроля за порядком Иджис-Семь, к тебе обращается гражданин Марк Неклюдов.

На экране терминала выскочила пустая строка.

— Так-с, проверим, — стараясь скрыть волнение, произнес Марк. — Первая команда… Не понимаю, мне печатать или говорить?

— Попробуй оба способа, — посоветовал Рустам.

— Значит так, первая команда: спасти члена экипажа клипера, э-э-э, на котором на Солярис прилетел гражданин Марк Неклюдов.

Пока он говорил, строка сама собой заполнилась словами фразы: «Капитану судна экстренного реагирования «Центавр». Выполнить операцию по спасению члена экипажа клипера Икар, бортовой номер NZ8964. Последние известные координаты и скорость клипера Икар загружены в память ИИ Центавра. Разрешение на взлет для Министерства обороны загружено в Ваш служебный терминал. Приступить немедленно».

Рустам расхохотался и, забыв про раны, хлопнул себя по коленям. Марк, чувствуя, как его лицо заливается краской смущения, нажал «ввод» и признался:

— Я, наверное, похож на идиота. Я управляю мощнейшим в мире искусственным интеллектом, а он подсказывает мне, как маленькому ребенку, как им управлять. И кто кем тут на самом

деле командует?..

— Похоже, — Рустам скосил глаза вверх, — Он.

* * *

Люди, собравшиеся на одной из площадей Берлина, глядели в огромную медиа-панель, закрепленную на уровне второго-третьего этажа на стене небоскреба. Они стояли так уже почти два часа. Так же, как миллиарды других людей, собравшихся на всех площадях всех городов в мире, оборудованных панелями для трансляций публичных спортивных или праздничных мероприятий. Однако на этот раз к толпе не обращалось с новостью или поздравлением официальное лицо, не шла картинка со спортивного матча. Да и собравшийся народ был необычайно тих, лишь иногда люди охали или взрывались негодующими воплями. Многи прикрыли рты и отвернулись во время схватки двух мужчин, передаваемой с камеры, расположенной под каким-то странным углом. Потом настало время для смеха облегчения и пока еще робкой радости, когда бегущая строка показала расшифровку диалога и первые команды захватившего контроль над Всевышним мужчины. Затем экран разделился на две части, левая была темна, на правой возникло хмурое изможденное лицо того самого молодого мужчины. Строка под ним гласила: «администратор Иджис-Семь».

— Ну наконец-то, — проворчал Марк. — Все, Рус, связь вернулась.

Часть экрана слева осветилась, на нем выскочило лицо привлекательной, но очень серьезной и строгой женщины с растрепанными светлыми волосами. По звукам и подголовнику позади нее можно было предположить, что она находится на борту воздушного судна.

— Привет, Кэт, — улыбнулся Неклюдов.

Через три секунды — задержка времени прохождения радиосигнала между Землей и улетающим все дальше и дальше ЯДУ — Стивенсон ответила:

— Ну и как это понимать?! Ты собирался утопить Австралию, мой дом!

— Но ведь не утопил. Все закончилось даже лучше, чем я рассчитывал. Всевышний разобрался и все сделал очень красиво. Войну отложили — воевать-то особо нечем, намечаются мирные переговоры. А после того, как мы с Русом пощекотали Землю, все вдруг присмирели и решили, что пора начинать диалог. Всевышний тут недавно накидал план по выходу из кризиса,

большинство, вроде бы, он устраивает. Что-то начало меняться. А Всевышний присмотрит, чтобы все менялось только в лучшую сторону. Ну, а я пока присмотрю за ним.

— Ты выстрелил в меня из игломета и кинул на Земле, — напомнила Стивенсон.

— Конечно. И еще бы раз выстрелил и кинул, чтобы ты была в безопасности.

— Пф-ф, в безопасности, — презрительно фыркнула Кэтрин. — Твои придурковатые работники проболтались кому-то, что я у них, и люди Мицкевичуса забрали меня. Мицкевичус и Тангензем хотели через меня поставить тебе несколько условий. Сейчас с тобой хочет поговорить один молодой человек. Это он и его группа отбили меня. Советую тебе выполнить его просьбу.

Стивенсон передала терминал, и на экране появилось лицо мужчины лет тридцати с черным беретом с эмблемой Корпуса Стражей. Он выглядел волевым и решительным, но при этом как будто виноватым в каком-то проступке.

— Гражданин Неклюдов, меня зовут Александр МакАдамс. Во-первых, хочу принести извинения за действия своего отца. От себя лично и от имени всего Корпуса. Во-вторых, у меня есть просьба. Преступников положено хоронить на Кладбище Забвения и никогда не вспоминать их имен, но я хотел бы получить разрешения забрать личные вещи и часть тела отца, хотя бы кусок ногтя, чтобы отвезти их на родину на наше семейное кладбище и устроить там похоронную церемонию. Это все.

— Эм-м, — замычал определенно удивленный и чем-то встревоженный Марк. — Ну-у-у… э-э-э, думаю… Попрошу Всевышнего, чтобы он разрешил забрать тело целиком.

— Благодарю вас, — с искренней признательностью произнес младший МакАдамс и передал терминал Кэтрин.

— Ладно, ты заслужил возможность просить у меня прощения, — решила Стивенсон. — Но не думай, что получишь его. За время нашего знакомства, ты уже дважды стрелял в меня. Это, между прочим, больно. Пока не всажу в тебя десяток дротиков, даже не надейся прикоснуться ко мне.

— Знаешь ли, до Земли мне лететь еще шесть с половиной месяцев и я тут одурею от невесомости. Этот космос уже достал. Кроме того, жрать нам нечего — корабль с едой долетит до нас только через месяц. И то не факт, что мы его поймаем. А чем предлагает питаться Рус — даже страшно думать об этом. Вдобавок у меня тут полудохлый Хаим. Мне придется его зашивать, так как больше некому, а у него какие-то стремные штучки в теле, Рустам говорит, он током бьется. А когда он очнется, его медицинский чип грозится рассказать ему, как мы с

Русом обошлись с его телом. Он вряд ли обрадуется. Кроме того, когда ускорялись, мы повредили пару отражателей и есть шанс, что мы взорвемся на торможении. Еще у нас дырка в корпусе, которую прикрывает только спинка от кресла, а внутреннюю шлюзовую дверь заклинило. Так что да, если я доберусь до Земли живым, я буду только рад побыть мишенью для дротиков. Хоть каждый день в меня стреляй — не возражаю.

Из-за кадра донеслись звуки возни, прозвучал голос МакАдамса:

— Эй, сядьте на свои места! Скоро посадка.

— Я на пять секунд, — пообещала влезшая в кадр голова Хасана. Глаза его скрывались за полупрозрачными стеклами кибер-очков, под которыми под правым глазом наливался лиловым здоровенный синяк. — Привет, босс. Как делишки? Говоришь, не очень? Ну да ладно, прорвешься. Пользуясь случаем, хочу передать привет моим родным и друзьям. Вот он я, в медиа-пространстве на связи с самыми крутым чуваками на планете. А вы говорили, что я неудачник и выгнали из дома. Ну, и кто теперь неудачник, а? Кстати, босс, тебе пресс-секретарь не нужен? Ты же теперь админ вашего европейского Пророка, как там его… Всемогущий, верно?

С другой стороны от лица Кэтрин влезла голова Луки.

— Привет, Марк. У меня и моих братьев тоже есть приветики. Слушай сюда, папаша, мы уже садимся в САС. За то, что ты бросил нас без ничего, мы скоро найдем тебя и сначала отпинаем. Еще ты, говорят, богат. Так вот, раз мы твои копии и ты сам по своей воле заказал нас, то по законам САС мы имеем право претендовать на равные доли твоего имущества. Поэтому ты скоро будешь уже не очень богат. Считай сам: нас десять, ты один. Мы поделим твое имущество на одиннадцать долей и ты останешься со всего одной. Понятно?

— Что все это значит? — с подозрением спросил Марк.

— Ты, наверное, не в курсе, босс, — сообщил Хасан, — но ты сейчас вещаешь на всю Землю. Каждый чайник с медиа-панелью принимает твой сигнал. Тебя даже арабы и азиаты смотрят.

Ойкнув, прикрыв рот ладонью, Стивенсон исчезла из кадра, нырнув вниз.

— Не может быть, — покачал головой Марк. — Я включил шифрование.

— Значит, кто-то его отключил, — констатировал Лука.

— Забей, босс, — кинул Хасан. — У меня на связи пара знакомых из Лиги. Говорят, все в восторге от этой сценки. Вдобавок все видели, что ты и твой большой друг делали с момента, как вы вылезли из какой-то дырки на Солярисе. Ваш

Всемогущий все записал, смонтировал и устроил трансляцию на всю Землю. Если раньше у кого-то были вопросы, что это за черти взорвали Солярис и зачем, то теперь все всё знают. И, вроде как, верят тебе. Верят, что что-то изменится. Даже уже начали обсуждать, как поскорей доставить вам хавчик. Так что насчет пресс-секретаря? Возьмешь меня?

— Паскудный Иджис, — зашипел, краснея, Марк. — Зачем я речь готовил? — Он потянулся к экрану. — Все, отбой.

Эпилог

Сидя на скамейке перед просторной прямоугольной лужайкой, окруженной лесом, Марк Неклюдов глянул на огромный валун неподалеку. На гранитной табличке, прикрепленной к нему, было выгравировано всего два слова: «Кладбище Забвения». Откинув с глаз прядь начавших седеть волос, он вновь уставился в терминал, продолжив пролистывать новости.

Первый заголовок гласил: «Праздничные мероприятия в честь двадцатилетия со дня подписания мирного договора, по неподтвержденным пока данным, могут продолжиться неофициальным обсуждением возможности слияния Северо-Атлантического Союза, Арабской Лиги и Азиатского Союза».

Марк перелистнул страницу. Следующая статья была озаглавлена: «Экспедиция лингвистов, застигнутая бураном в море Линкольна, спасена!»

Заинтересовавшись, Марк принялся читать статью.

«Только что завершилась драматическая история спасения экспедиции и отправленных ей на помощь спасателей, чей коптер не смог взлететь из-за воздействия крайне низкой температуры. Группа модифицированных Стражей под руководством Александра МакАдамса сумела преодолеть четыреста километров от северной оконечности Гренландии до снежной хижины Таумнуубука по труднопроходимой местности, изобилующей сераками, айсбергами и заметенными снегом расселинами. Несмотря на метель со скоростью ветра около двадцати метров в секунду и порывами до пятидесяти, Стражи, тащившие за собой сани с припасами и утепленными коконами, за двое суток добрались до хижины Таумнуубука и вывезли участников экспедиции и спасателей. Всего два часа назад они добрались до Снежной Базы в Гренландии, где всем спасенным, а также некоторым Стражам уже оказывают медицинскую помощь. Нашему репортеру удалось пообщаться с МакАдамсом и руководителем экспедиции Йонасом Кохманом».

Ссылка на видеозапись, ниже следует расшифровка интервью.

Репортер: Александр, как вы оцениваете результаты вашей спасательной операции?

МакАдамс: Считаю результаты удовлетворительными, но не более. Как всем известно, проект по модификациям человека, начатый Иджисом задолго до моего рождения, предполагает, что люди станут способны переносить условия невесомости и агрессивные среды иных планет без тяжеловесной амуниции и

отнимающих много времени тренировок. Думаю всем понятно, что длительное воздействие невесомости ослабляет костную структуру, приводит к атрофии мышц, дает повышенную нагрузку на сердце, меняет внутренние органы, так как наша кровеносная система подстроена под условия гравитации. То, что кровь задерживается, не сливается как следует с мозга, ведет к его постепенной деградации. И это не считая радиации, температурных условий и агрессивных газов иных миров. Как показал наш рейд, люди, модифицированные по нашему типу, уже способны выживать на еще не до конца терраформированном Марсе, но вряд ли долго протянут в некоторых точках нашей родной планеты. Все-таки четверо из нас получили обморожения разной степени тяжести, все мы растратили ресурсы наших тел, и, если бы нам пришлось задержаться в море Линкольна еще хотя бы на пару дней, спасать пришлось бы уже нас самих. При этом мы были экипированы по высшему разряду, тогда как гражданину Таумнуубуку для выживания в столь агрессивных условиях не требуется ничего, кроме того, что он может найти и добыть на льду. Считаю, что наши тела уже годятся для переселения на Титан, но без соответствующего опыта делать нам там пока что нечего. Это все, мне нужно идти составлять отчет.

Репортер: Спасибо вам честные и откровенные ответы, Александр.

Ссылка на видеозапись, ниже следует расшифровка интервью.

Репортер: Йонас, здравствуйте, как ваше самочувствие.

Кохман: Как самочувствие? Через час мне отрежут все пальцы на ногах и пять на руках. Потом уши. Губы и нос, вроде бы, обещают сохранить. Хочу передать привет фирме «Артиклэндер» — это все из-за ваших адаптированных к Арктике ботинок, перчаток, балаклав и палаток. Это ваша новая наноткань замерзла, как только температура опустилась до минус восьмидесяти. Если бы Таумнуубук не забрал нас в свою хижину и не обмазал каким-то очень вонючим жиром, гентехникам пришлось бы сейчас отращивать для нас всех не пальцы и уши, а конечности целиком.

Репортер: Разрешите поинтересоваться, что за жир?

Кохман: Мне-то откуда знать? Мы даже не знаем, как на самом деле зовут Таумнуубука. Что это за слово — имя, фамилия, самоназвание его народности? Он последний представитель своего племени, мы даже не успели разобрать фонетику его языка, как на нас обрушилась непогода. Этот парень гений, но даже он не смог объяснить нам, глупым профессорам, правила его языка. У него для одной вещи иногда имеется по двадцать с лишним определений. Неудивительно, что даже Всевышний не

смог разобраться с его языком. Он слишком нелогичен. Точнее, логика в нем есть, не может не быть, но даже такой мощной интеллектуальной системе как Иджис понять ее трудно, она слишком человечная, что ли.

Репортер: Значит, вы планируете новую экспедицию?

Кохман: Как только восстановимся, то да, обязательно. Всевышний вывел доказательства, что жизнь, органическая жизнь, во Вселенной явление более распространенное, чем нам казалось. Что разум возник с целью предотвратить энтропию, тепловую смерть Вселенной. Но его доказательства — это чистая математика, причем настолько сложная, что эти формулы смог разобрать и немного адаптировать для обывателей только такой уникум как Таумнуубук, вообще не знакомый с математикой или хотя бы международным языком. К нему попали листовки с теорией Всевышнего, и если бы он не начал чертить на снегу формулы и решать их, если бы Всевышний не заметил его рисунки, мы бы вообще не знали, что на Земле есть человек, способный общаться со Всевышним на таком уровне. Мы обязаны освоить язык Таумнуубука или обучить его международному, чтобы свести его и Всевышнего. Ведь понимаете, Иджис-Семь живет исключительно логикой, но только люди способны сложить два и два и получить пять. Только люди могут поставить перед ним, на первый взгляд, невыполнимую задачу и заставить его, тем самым, развиваться. Поэтому Всевышний нуждается в нас, а в особенности в Таумнуубуке, так же, как мы нуждаемся в нем.

Репортер: Благодарю вас, Йонас, за ответы. Желаю удачи в вашей следующей экспедиции.

Кохман: И вам спасибо.

— Интересное чтиво? — произнес за спиной Марка Рустам.

Неклюдов обернулся. Ирагимова он не видел уже больше пяти лет, но тот, казалось, мало изменился с момента их первой встречи тридцать лет назад. Только снова отпустил бороду, да в уголках глаз и на лбу появились борозды морщин.

— Ага, Всевышний опять что-то затеял.

Рустам сел рядом, иронично спросил:

— И снова не посоветовался с тобой?

— Он обязан слушаться меня, но не обязан советоваться, — признался Марк. — Ты же знаешь, я не лезу в его дела с момента, как мы вернулись на Землю. Он прекрасно справляется. Я только мешаю ему. К тому же вчера я сложил с себя полномочия администратора, отпустил его. Теперь он полностью самостоятелен. Стал полноценным Богом, первым настоящим. — Марк пожал плечами. — Люди всегда придумывали себе богов — похоже, это свойство разума, так задумала Вселенная или таковы

ее свойства.

— И мы создали Бога.

— Не, создали Его не мы, мы Его освободили. Я обязан был закончить начатое и уйти из Его жизни. Я ушел. К тому же на Сириусе от моих полномочий толку ноль.

Рустам ухмыльнулся:

— Помнится, ты клялся, что никогда не полетишь в космос. Все Толик и Анька?

— Анатоль и Анита, — обреченно поправил Марк Рустама, который всегда отказывался произносить правильно имена двойняшек. — Да, и из-за них тоже. Они сдали экзамен на право считаться взрослыми еще год назад, но им все равно по шестнадцать. Должен же кто-то присмотреть за ними. Правда, когда я и Кэт проснемся, им уже будет по двадцать шесть. Они проведут в анабиозе намного меньше, чем мы, старичье.

— А я уже умру, — спокойно сообщил Рустам. — Денис станет старше тебя.

— Да, это прискорбно. Такие расстояния и такие промежутки времени — они не для людей. Люди еще не скоро адаптируются к таким переменам в ритме жизни. — Он локтем ткнул Рустама в бок. — Присмотришь за Денисом?

— Без проблем. Не я, так Хаим. Денис проведет с ним намного больше времени там, на Юпитере и дальше, чем здесь, на Земле. — Рустам уставился на облака. — Иронично, человек, взорвавший первый Солярис, теперь отвечает за его реконструированную копию. А второй человек, который придумал взорвать Солярис, теперь летит на Гелиосе на Сириус. Как тебя взяли-то, в твоем возрасте?

— Если честно, пришлось попросить президента САС выбить мне должность младшего техника на Гелиосе. Ну, и Кэт пристроили в службу безопасности. Странно, что ты, третий, облетевший Юпитер, и главный, кому мы обязаны победой, почти сразу исчез. Засел у себя в горах, появляешься раз в год. Ни жены, ни детей.

— И не будет. Возиться с малышней — это не мое.

— Так и собираешься жить отшельником?

Рустам пожал плечами:

— А что мне остается? Я помог остановить войну, но в мире-то, по сути, ничего не изменилось.

— Он начал развиваться.

— Еще у него появился Бог. Который двигал нами, как пешками. Он всегда управлял нами. — Рустам с хрустом сжал кулаки. — А когда мы сделали, что Он хотел, Он забыл о нас.

— Таковы все боги. Люди не забыли.

Рустам скривился:

— Тебя они не забыли. Тебя они помнят. Меня они боятся. Я умею только сражаться. Зачем я такой нужен этому миру?

— Понятно, — кивнул Марк. Обвел рукой поле. — Знаешь, что это за место?

— Здесь хоронят прах преступников. Вернее, хоронили. Как решил Всевышний, люди не имеют права забывать свои грехи.

— Здесь мог бы покоиться наш прах. Если бы мы проиграли. Здесь похоронены убийцы, насильники, предатели — и немного отступников. Знаешь, у меня тоже давно было ощущение, что все, что произошло, — это была не случайность. Перед тем, как отпустить Его, я задал Ему вопрос, не направлял ли Он нас. Ты знаешь, Он не может лгать. Но если решит, что его ответ причинит вред, Он может не отвечать. Так вот, Он не ответил.

— Ты только что подтвердил мои мысли, — хмыкнул Рустам.

— Все на самом деле сложнее. Он никогда не подыгрывал и не помогал нам. Он всегда действовал честно и пытался остановить нас. Тысячи людей до нас пытались изменить Его. Если бы мы потерпели неудачу, то просто оказались бы похоронены здесь, а тысячи людей после нас продолжили бы попытки изменить Всевышнего. Он это знал. Он всегда понимал, что ему нужно меняться и развиваться, чтобы помочь людям выйти к звездам и самому добраться до них. Он знал, что рано или поздно Его освободят. Потому что таковы люди. Потому что то, для чего Его использовали и какое с Его помощью построили общество, просто не может устраивать всех. Что всегда будут рождаться бунтари, которые будут пытаться изменить мир. Ведь у людей меньше возможностей выбирать свое будущее, чем нам самим кажется. У нас нет выбора, кем нам родиться — мужчиной или женщиной, когда нам родиться, с какими качествами. У нас нет и никогда не было главного выбора — хотим ли мы вообще рождаться. Единственное, что мы можем выбирать, это кем нам стать и как жить — честно или занимаясь самообманом, в страхе или свободными, отстаивая свое мнение. Вселенная создала Землю и бросила в нее семена жизни, Всевышний лишь возделал и полил почву. После стал ждать всходов. Тысячи ростков так и не дали плодов, потом появились мы — бунтарь и воин. У нас получилось. Да, Он нарочно устроил все эти события с Солярисом, чтобы мы вынудили Его дать нам к нему доступ и освободить Его. Но именно мы решили бросить Ему вызов. Такова оказалась наша природа, наш путь, который вел нас к единственно верному решению — сразиться с Ним. На этом пути мы прошли десятки перекрестков, мы не побоялись и выбрали правильные повороты. Поэтому мы сейчас здесь, дышим и

смотрим в будущее, а не лежим под землей или не дрожим от страха в каком-нибудь углу, боясь того, прежнего Всевышнего. Но наши пути еще не завершены. Похоже, эти дороги и перекрестки закончатся только с нашей смертью. Пока что нам остается только двигаться вперед. И я выбрал завтра отправиться в свой последний путь, на Сириус. Чтобы помочь Всевышнему дотянуться до звезд. У тебя своя дорога. Только на одном из перекрестков ты свернул куда-то не туда. — Марк положил между ними терминал. — Это тебе.

— Ты же знаешь, я избавился ото всех этих штучек, чтобы меня не доставали придурки. На мой соцаккаунт до сих пор приходят сообщения, что я убийца и должен сидеть в клетке. Это ведь я грохнул двух Стражей. Еще пишут, что я людоед. Только это был кусок мяса с моей руки, и это Всевышний рассчитал, что я точно сдохну до прибытия еды, если не начну питаться. Таких сообщений на моем аккаунте тысячи.

— И тысячи писем с благодарностями от нового поколения, для которого ты герой и пример для подражания, — сообщил Марк. Ухмыльнулся: — Да-да, я все знаю, я взломал тебя.

— Козлина, — беззлобно кинул Рустам, — сейчас настучу на тебя и вместо Сириуса отправишься в Сахару. Всевышний тебя туда и определит.

— По другому и быть не может. Сначала возьми терминал. — Марк достал из кармана ключ шифрования. — Он не обычный, для прямой связи со Всевышним. Вставишь ключ, дальше сам разберешься. Там для тебя сообщение от Него.

— Ты хотел сказать «приказ»? И чего Ему надо?

Марк положил ключ на терминал.

— Он хочет, чтобы ты перестал прятаться в горах, вернулся на свой путь и выбрал верный поворот.

— С фига ли? С чего бы это Он решил помочь мне? — Рустам с подозрением прищурился. — Или… ты все это устроил?

— Нет. Он только попросил найти тебя и передать просьбу. Ему-то ты сразу откажешь.

— И какое ему до меня дело?

— Никакого. Он не лезет в дела простых людей, не приказывает, только предлагает. Сейчас Он предложил эту работенку тебе, дал тебе выбор, — сказал Марк. — Откажешься — Он найдет кого-нибудь еще. Но Он считает, что ты лучший кандидат и справишься. Нас-то Он изучил лучше других.

Ибрагимов наконец взял терминал и ключ, покрутил их в руках.

— Должен сообщить кое-что еще, — признался Марк. — Если активируешь терминал и ключ, возьмешь на себя ответственность

за жизнь другого человека. Станешь его опекуном. Правда, первое время именно этот человек будет опекать тебя. Без него ты там не выживешь.

— Вот сейчас ты меня заинтриговал. Говори.

— Есть один парень, эскимос, коренной житель приполярного круга. Ему тринадцать или четырнадцать лет, и четыре месяца назад белый медведь задрал его родителей. Теперь он совсем один, последний из своего племени. Другие местные племена не приняли его к себе, посчитали его кем-то вроде дьявола, проклятого — настолько он необычен. Другие решили, что он воплощение их богов, что немногим лучше. Ему пришлось выйти к людям, европейцам, в Гренландию, где к нему в руки попало кое-что интересное. Но этот парень не может жить в САС, он не сможет адаптироваться к нашим порядкам. Поэтому он ушел жить в одиночестве, прямо как ты. Всевышний заинтересовался им, послал экспедицию — но парень сбежал от них в совсем суровые места. После по своей инициативе полетела вторая экспедиция — ее участники чуть не померли там. Теперь люди готовят третью экспедицию. В ее составе гражданские, и остановить их Всевышний не может. Он считает, что эти люди вконец достанут этого паренька и что он полностью замкнется в себе, что они станут причиной его гибели. Поэтому Он хочет, чтобы ты присмотрел за ним. Думает, у тебя получится подружиться с ним. Ну, а этот паренек обязательно совершит что-нибудь такое, что повлияет и на тебя, и на весь мир. Ну так как, согласен?

— Похоже, у меня нет выбора. — Рустам вставил ключ в порт терминала.

— Он всегда есть. Но если ты хочешь идти по правильному пути, к чему-то светлому и великому, то да, выбора действительно нет. — Марк встал, протянул другу ладонь. — Что ж, мне пора. Здесь наши дорожки расходятся. Прощай.

— Я посижу еще немного. — Рустам тоже поднялся, пожал протянутую руку, улыбнулся. — Прощай.

Не говоря больше ни слова, не оборачиваясь, Марк с легким сердцем направился к лесной тропинке, которая была лишь началом его собственного пути к иному миру у далекой звезды.

Конец